

уральский

следопыт

№9 **** 1980

Фото А. Лыськова

В номере:

А. Телегин ВОЗЬМИ СВОЮ ВЫСОТУ	2
В. Самсонов ТАРАНЫ	4
М. Ошуев БРОНЕЙ В БРОНЮ	5
Л. Сыркин ДЕВИЧИЙ ТРАЛЬЩИК	7
В. Зюьскин В ЧЕМ СИЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ?	8
Ф. Гайнулина МЫ ПОМНИМ ТЕБЯ, НАСТЯ...	11
А. Любарская ПОДХОДЯЩАЯ СИТУАЦИЯ	12
В. Сапов ОБЕЛИСК	13
Ю. Борисихин СЛОВНО ЧАША НЕОТПИТАЯ...	14
А. Нагибин СУДЬБА ПИЛОТА	17
З. Шипанова СЛОВО О БРАТЕ	18
А. Швирикас АРИФМЕТИКА ПОДВИГА	20
Н. Головин «ТЫ ЗАМЕНИШЬ ЕГО...»	24
Н. Новый ПЕРВЫЙ	25
Н. Кулешов РЕБЯТА ЗАВОДСКИЕ	27
А. Пузанов ИМ СПАСЕННЫЙ ХЛЕБ	28
И НИКТО НЕ СОБЬЕТСЯ С ДОРОГИ... Стихи	32
Б. Алмазов ПРЕЗЕНТ	33
И. Шакинко ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ НЕВЬЯНСКОЙ БАШНИ	51
Ю. Зайцев ВЗЛЕТ МЫСЛИ	58
В. Фирсов СРУБИТЬ КРЕСТ. Повесть. Начало	60
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	75
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,

Борис КОЛЕСНИКОВ,

Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Маяя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 30.05.80 г.
НС 11364.
Подписано к печати 18.07.80 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 11,7
Тираж 249 000.
Заказ 561
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
С. СУХОВА
Оформление 4-й стр. об-
ложки С. МАЛЫШЕВА.

© «Уральский следопыт», 1980 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

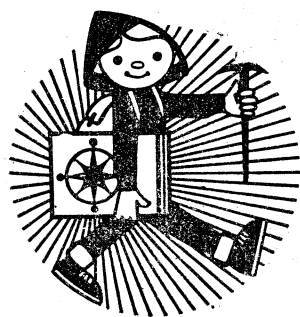
ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№9 * 1980

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

ВОЗЬМИ СВОЮ ВЫСОТУ

Андрей
ТЕЛЕГИН

Герой Социалистического Труда

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРЕДЛОЖИЛ МНЕ ОТКРЫТЬ ПОДБОРКУ МАТЕРИАЛОВ О ПОДВИГЕ. ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНЫЙ РАЗГОВОР. И ДЛЯ ЮНОГО РОМАНТИКА, И ДЛЯ ЗРЕЛОГО МУЖА...

Любят смотреть на селе, как несет лед. И вот однажды по тесно плывущим льдинам побежал парнишка. Все в ужасе, замерли. Одно неверное движение — и никто не сможет помочь. Добежал до противоположного берега, повернул обратно!

И когда он выскочил на берег, удивился, что сельчане смотрят на него с сожалением и осуждением. Как же так, он совершил чуть ли не подвиг?!

А подвиг ли?

Я знал этого парня — что-то не ладилось у него в школе, вот и решил, видно, показать себя здесь.

Вспомнился другой ледоход, на другой реке...

Мы стремительно наступали, был близок Берлин. И мы, почти сверстники его — ну разве года на два-три постарше, по весенним, уже шевелящимся ледовым полям рвались в атаку. Под пулями. И не все дошли до того берега...

Но армия дошла! И такие же ребята расписались на рейхстаге.

Да, мужество знает цель. Кто хочет показать только себя — не герой.

Как не вспомнить сегодня поле Куликово? И через шесть веков идеал подвига, выпестованный русским воинством, наполняет сердца гордостью. Я бы подчеркнул, что это был не только подвиг оружия, но и подвиг духовный, подвиг преодоления.

Мы знаем на примерах, что нет героя и без умения преодолеть себя, без терпения и страсти в достижении цели.

Духовный подвиг...

Не с него ли начал революционный подвиг шестнадцатилетний Володя Ульянов? «Стена, да гнилая! Ткни — и развалится», — сказал он на усмешку полицейского чиновника про то, что стоит ли лезть на рожон, ведь стена...

А Юрий Гагарин? Девяносто минут его парения над Землей перенесли человечество в иную эру — эру космических полетов... А Стаханов, Матросов? Мы помним их... Это — высоты мировые, венчавшие многовековые усилия целых народов. Это высоты подвига боевого, трудового, нравственного. Но есть своя сила и в том подвиге, что творится повсеместно и как бы незаметно, нужно только повнимательней осмотреться вокруг...

Любое движение вперед немислимо без дерзания. И успех, как бы сумма маленьких подвигов, требует все того же — воли, смелости, терпения.

Не буду далеко ходить за примерами. Лет двадцать назад взял я агрономом молодого человека, страстно мечтавшего получить на уральских подзолах по 40 и 50 центнеров зерна с гектара. Я улыбнулся его фантазии (мы-то получали от силы 15 центнеров)... и поверил! Дал землю в полное распоряжение смельчака.

Нам всем было нелегко с ним. Приходилось учиться каждому колхознику. И пахать качественно, и сеять тщательно, и жать в нужном режиме. Ворчали, сердились... и все же верили молодому агроному. А сам он не знал ни дня, ни ночи... О его самоотдаче и работоспособности и сейчас ходят легенды — он даже стул убрал из кабинета, чтобы, упаси бог, не засидеться, когда поле ждет...

И что же, родили-таки уральские поля эти сорока- и пятидесятицентнеровые урожаи! Колхоз получил орден Трудового Красного Знамени, вышел в миллионеры. А Евгений Константинович Ростецкий стал Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии.

А спросите, в чем он видит высшую награду, — поведет вас агроном в поле, где работают молодые ребята. Как они водят машины, как послушны в их руках штурвалы комбайна, как ровен и глубокий след плуга! И, между прочим, тот речной озорник здесь же... Дал цель его смелости знаменитый агроном.

Ты собираешься взять свою вершину? Там найдешь и награду свою...

Рисунок
Е. Крутских

Победа

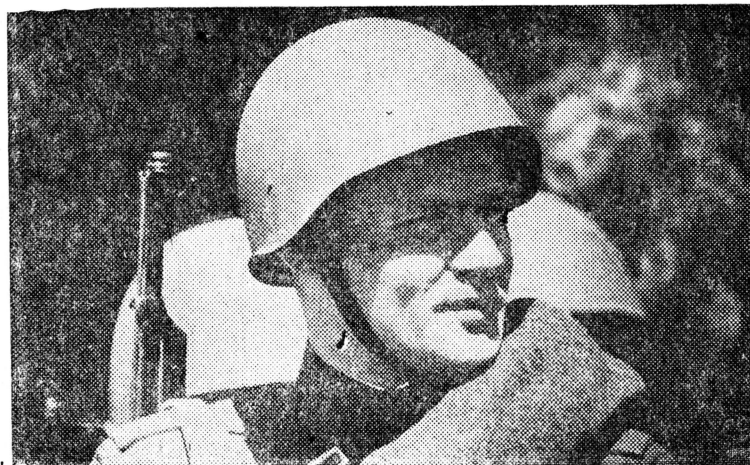
Есть сладкое слово «хочу»,
И слабым оно — отрада.
Но сильному лишь по плечу
Суровое слово «надо!»

Надо не просто жить,
Надо с мечтой встать рядом,
Выстоять и победить.
Великое слово — «надо!»

И ты не во власти причуд
И это словно награда:
Становится слово «надо»
Синонимом слова «хочу».

Прекрасен двух слов союз!
В нем песня и звон металла,
В нем солнце на ощупь и вкус...
И подвига в нем начало!

И. ГОРИН
Фото А. Лысякова

ТАРАНЫ

Владимир
САМСОНОВ

Рисунок
А. Банных

Удивительное совпадение: в один день 8 мая 1943 года совершили таран Константин Потапов и Леонид Дема. Оба героя остались живыми, после войны летали в небе Урала.

«В истории авиации таран совсем новый, никем и никогда, ни в одной стране никакими летчиками, кроме русских, не испробованный прием боя. Впервые на таран пошел знаменитый летчик Петр Николаевич Нестеров. Это произошло 8 сентября 1914 года... Советских летчиков толкает на это сама природа, психология русского крылатого воина, упорство, ненависть к врагу. Таран — это русская форма боя». Так писал Алексей Толстой. Уже в первый день войны, израсходовав боеприпасы, смело пошли на таран Д. В. Кокорев, Л. Г. Бутелин, И. И. Иванов, А. И. Мокляк, А. С. Данилов, П. С. Рябцов. Советские летчики совершили около 500 таранов, фашистские — не осмелились ни разу.

Войну Константин Петрович Потапов встретил младшим лейтенантом авиации. Было ему двадцать три года. «Однажды под Воронежем вышли наперехват бомбардировщикам, — рассказывает Константин Петрович, — погода благоприятствовала, облачно было. Подходим, «юнкерсов» штук сорок, а над ними истребители крутятся. А мы ударим — и в облако. Выскакиваем уже с другого бока — и снова открываем огонь. Один «юнкерс» загорелся, остальные бомбы побросали кто где — паника поднялась,

строй рассыпался. Но истребители опомнились. Начался бой. Двадцать фашистов — и нас двое. Напарника моего подбили, и он ушел к земле. Отвалила и шестерка фашистов. Решили, видно, что тут им делать нечего — оставшиеся управятся. Крутился я, как только мог. Огрызаюсь, а сам все в сторону аэродрома тяну — горючее на исходе, да и боекомплект тоже. Вот и аэродром. Садиться не дают. Сейчас, думаю, бить начнут — они открывали огонь обычно метров со ста пятидесяти. Тогда я резко сбавил скорость и, когда машины сравнялись, рубанул винтом по хвосту. Фашист рухнул вниз и взорвался тут же, на нашем аэродроме. Машину затрясло. Еле вернулся, но посадил. Вот и все».

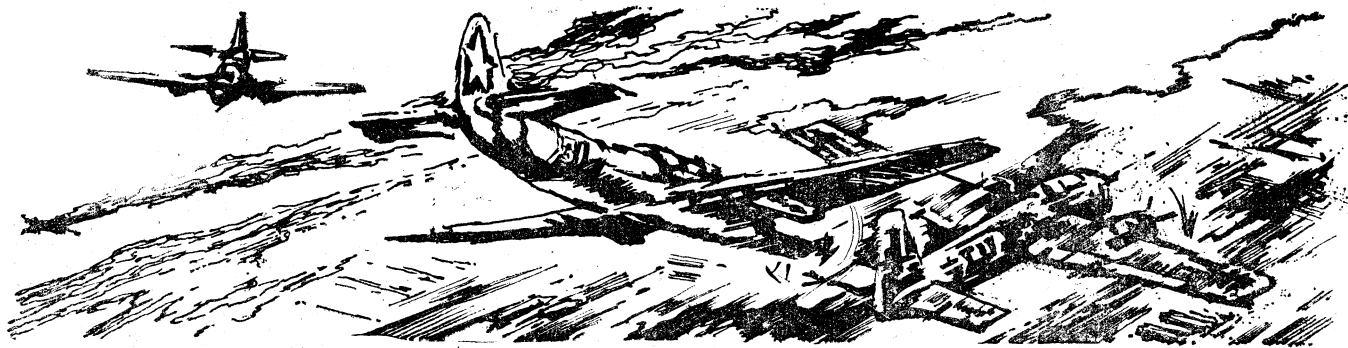
В сумятице повседневных фронтовых дел Потапов забыл о таране. Но корреспондент воронежской областной газеты «Коммуна» Грабарь и юные следопыты города в 1968 году отыскали автора воздушного тарана, и стал Константин Петрович Потапов Почетным гражданином города Воронежа.

Через несколько месяцев Потапов повторил подвиг. Упорные бои шли под Курском. Потапова засекли как ведущего эскадрильи. Началась охота. Фашисты часто применяли эту тактику: главное — сбить командира, с ведомыми справиться легче. Подбили-таки машину Потапова. «Як» задымил. Отвалилась, упала на колени приборная доска, загорелся комбинезон, парашют. Пламя било в лицо, через разбитый колпак ветер раздувал пожар. Прямо по курсу

мелькнул силуэт немецкого бомбардировщика. Потапов дожал ручку газа — машина послушалась. Нажал гашетку, пушка не сработала — вышел боекомплект. Тогда он выжал ручку до предела и бросил машину на «мессершмитт». Слабеющей рукой дернул кольцо парашюта. «А, все равно, — мелькнула мысль, — кажется, перегорели стропы». То был шестнадцатый самолет противника, сбитый Константином Петровичем.

С земли видели, как «Як» таранил истребитель, высоко над землей затрепетал парашют, пилот приземлился. Провели танковую разведку боем, но никого не нашли. Остался только окровавленный парашют.

Командир полка подписал два документа: ходатайство о награждении (посмертно) вторым орденом Ленина командира эскадрильи капитана Потапова и похоронную родным, в деревню. Но он не погиб. Был плен, потом побег, снова плен... Потом нападение на охрану, и вооруженный отряд пленных пробивается к союзникам... В армии прослужил он еще почти три года, а с 1949 года стал летчиком гражданской авиации. В 1950 году Потапов пересезжает в Свердловск и больше четверти века летает в уральском небе. У Константина Петровича двое сыновей. Старший, Константин, в 1967 году окончил летное училище и сейчас командир вертолета Ми-8 в Тюмени. Младший сын, Вадим, тоже окончил летное училище гражданской авиации, летает на самолете Ан-2. У отца и сыновей одинаковая синяя форма, одинаковые «крылышки» на погонах.

Леонид Дема вырос в Магнитогорске. То было время, когда с трибуны IX съезда комсомола прозвучал призыв: «Комсомолец — на самолет! Летать выше всех, дальше всех и быстрее всех». И бывший фабзайчонок идет в аэроклуб... В 1941 году Дема уже воюет под Москвой.

Однажды его вызвал командир. «Нужно отыскать партизанский «пятак», забрать раненого. Задание трудное, опасное».

Тяжелогруженные самолеты взяли курс на запад. Стояла лунная ночь. Вот и площадка, четыре огонька по краям. Дема слышит пулемет вражеского самолета. Оглянулся. Сверху пикирует фашистский «юнкерс». Дема мгновенно упал к темному лесу, к самым его верхушкам. Потеряв на фоне леса советские По-2, фашист пролетел площадку, а Дема с товарищем произвели посадку, быстро разгрузились, взяли равных... За эти рейды к партизанам Дема получил первый орден — Красной Звезды. А в 1942 году отозвали его из родного полка, стали переучивать на истребитель Як-1.

8 мая 1943 года запомнилось Леониду Васильевичу навсегда. То были бои за Кубань. Разогнали истребителей, а земля сообщает, что приближаются бомбардировщики. Их было девять. Они шли уверенно, уже видели цель — скопление наших танков. Сбив один из «юнкерсов», Леонид Васильевич зашел в хвост другому, нажал гашетку. Но не услышал выстрелов ни пушки, ни пулеметов. Кончились боеприпасы. А земля торопила: «Почему не стреляете? «Юнкерсы» идут к цели!»

Тогда Леонид Васильевич вновь пристроился в хвост бомбардировщика. Короткий удар, и будто подпрыгнул фашистский самолет. Потом он медленно, словно нехотя, пошел к земле. На какое-то время Дема потерял сознание. Когда пришел в себя, понял, что его машина тоже падает. Одна лопасть винта отлетела, вторая и третья — изогнулись, но самолет слушался рулей, и Дема сумел его посадить.

За подвиг Леонид Васильевич Дема был удостоен высшей награды — звания Героя Советского Союза. И снова стал Дема летать и сбивать врага. Воевал за Киев, освобождал Львов, Карпаты. Бился на Курской дуге. До Берлина не дошел. Дали им приказ помогать восставшим в Праге.

БРОНЕЙ В БРОНЮ

**Матвей
ОШУЕВ**

Матвей Нестерович Ошцев живет в городе Реже Свердловской области. Воевал. Вернулся инвалидом первой группы. Перенес более тридцати операций, но духом не пал... Закончил заочно историко-филологический факультет Уральского государственного университета.

Об одном эпизоде войны рассказывает он. Из таких мгновений ткалась трудная и желанная победа...

Гитлеровцы на Балканах сражались упорно и жестоко. Как стало известно, ждали атомную бомбу. Твердили, что победа будет за ними, как только заполучат невиданное оружие.

...Нелегко наступать в весеннюю распутицу. Грязь наматывается на гусеницы, буксуют тягачи.

Вооруженную новыми уралмашевскими самоходками Отдельно-Двинскую, впоследствии Краснознаменную, ордена Богдана Хмельницкого, 208-ю самоходно-артиллерийскую бригаду перебрасывали туда, где нужна была сила броневой удара.

Наш полк закрепился на временном плацдарме, чтобы выйти с рассветом. Стемнело, но на большой привал приказа не поступало. Командиров самоходных установок предупредили: быть готовыми к маршброску. Едва наскоро перекусили, как разнеслось:

— За-во-дить, при движении соблюдать светомаскировку!

Я заскочил на лобовую броню, включил фонарик. Дорога ухабистая, грязная. Двинулись с интервалами 50—100 метров.

Меня мучила сонливость — уже несколько ночей мы почти не смыкали глаз. Теперь на свежем воздухе я, как говорят, на ходу начал клевать. Насилу преодолевая сон, ловил неотвязные видения, будто я вскачь во весь дух мчусь через горы и отроги, крутые овраги, леса. Вдруг самоходка нырнула в ухаб, и меня как ветром сдуло с лобовой брони. Только успела мелькнуть неприятная мысль: все, отъездился! На счастье, Диденко вовремя догадался: раз погас фонарик, значит, я упал... И резко взял самоходку на тормоза. Про-

сунув в люк голову, озабоченно спросил:

— Товарищ лейтенант, где вы?..

Мою голову прижало пластом глины к правой гусенице. Я задыхался... Диденко выкарабкался из люка и снова спросил:

— Где же вы, товарищ лейтенант? — наконец нашупал в темноте. — Чуть не раздавил гусеницами! Как вы неосторожны!

От слова «раздавил» по телу пробежала невольная дрожь. Диденко сказал:

— Залезайте в машину, вздремните немного, а я и без вашего фонарика поведу.

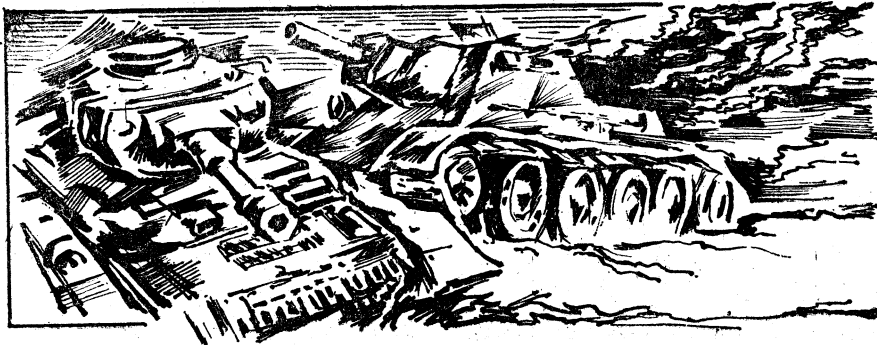
— Нет, Миша, — угрозишь машину...

Ночь показалась долгой. Фонарик отлично освещал глубокие колеи, наполненные жижей. Машина заваливалась, разбрызгивая гусеницами грязь на обочины и на броню. Тянулся рядом темный лиственный лес. Моросило. Я промок до ниточки.

К утру дождь перестал. Поднялся пепельный туман, но вскоре ветер его рассеял. День обещал быть солнечным. И самоходки двинулись в наступление на город Папу, важный стратегический пункт на пути к Вене. У города завязался трудный танковый бой. Диденко умело маневрировал самоходкой. Впереди, слева и справа, вздымались серо-рыжие фонтаны земли. По броне стучали осколки, но в грохоте они слышались слабо. От укрытия к укрытию продвигались к центру Папы. На лобовой броне сверкала уже не одна вмятина. В сетке прицела показалась высокая церковная ограда. «Не танки ли там?» — подумал я.

— Старшина, газу! — приказал я водителю.

Из окон разрушенных домов выплескивались ало-черные языки пламени. Сержант Михайлов с младшим сержантом Ивановым попеременно наблюдали в панораму, готовые в любую секунду разрядить пушку. Другие самоходки нашей батареи сражались где-то сзади. Мощный взрыв, волной которого нас только слегка качнуло, образовал большую воронку с коричнево-серым брусом-

ром. Быстрый рывок до угла ограды, и самоходка мгновенно описала четверть круга и вылетела на церковную площадь. Другого пути не было. Никто не мог предположить, где нас ожидал враг.

Я повел сеткой прицела по задымленной улице: деревья, опаленные кусты... и вдруг совсем близко увидел гитлеровские танки. Боже мой — рукою подать до первого «тигра»! Дела...

— Миша, дави их! — скомандовал я.

— Есть! — с отчаянием крикнул Диденко. Я нервно крутил маховички прицела, устанавливая угольник на цель. Прямо скажем, незавидная участь — драться с несколькими танками. «Не случайно они на возвышенности расположились, — подумал я, — не боится!»

— Прямой наводкой — огонь!

— Есть прямой наводкой!

Пятидесятишеститонная машина содрогнулась, окуталась черно-бурым дымом, никто из «тигра» не выскочил.

Иванов с Михайловым орудие перезарядили быстро, но не успели дать огня по «фердинанду», который стоял левее и дальше горевшего «тигра». Немецкая самоходка выстрелила раньше и точно. Дрогнула наша «сотка» и остановилась. Меня качнуло на налобник, как будто в тумане, закружилась голова.

— Что такое?

— Машина не идет, товарищ лейтенант! — ответил Миша.

— Орудие заклинило?

— Нет, двигается!

— По «фердинанду» огонь!

Снаряд не пробил броню, а попал в кромку щита и юзом прошел вдоль борта. Иванов тотчас дослал в казенник термитный снаряд. Пока я изменял прицел, водитель увидел густой дым перед люком.

— Го-рим!

Я хотел нажать кнопку электроспуска, но гитлеровцы выстрелили раньше. Термитный снаряд ударил по лобовой броне и, просверлив ее, прошел через боевое отделение, как шаровая молния. Случалось, «ферди-

нанд» пробивал наши танки и самоходки с тысячи метров, а тут всего тридцать-сорок... Задыхаясь и кашляя от горького дыма, я крикнул:

— Иванов, Михайлов, Диденко, покинуть машину!

Потрескивали горевшие провода и краска на броне. Я повернулся, локтем нащупал кнопку электроспуска. Руку не чувствовал. По самоходке ударил третий снаряд. Я все-таки нажал электроспуск и глянул в окуляр ТПК. «Фердинанд», словно жука-скарabei, хотел развернуться, но замер и окутался смолистым дымом. На душе полегало, хотя положение было безвыходным: вылезти я не мог... Пламя обжигало руки, лицо, горячим кольцом сдавил горло ларингофон. Гитлеровцы ударили еще раз. Теперь меня ранило в грудь, кто-то словно бритвой чиркнул по левому глазу. Я все-таки враждал маховички прицела, как будто они могли чем-то помочь. Понял: разбита и пушка. Мелькнула мысль: «Сейчас из откатного устройства потечет жидкость на раскаленную броню и «сотка» вспыхнет, как порох!» Превозможная боль, перебрался на место механика-водителя. Искромсанный Миша распластался по броне возле сиденья. Михайлов с Ивановым без признаков жизни лежали на стреляных гильзах. В горло бил горький, перемешанный с пороховой гарью, с огнем и дымом воздух. Я нажал кнопку стартера — мотор зарычал. Таранить! Я включил скорость. От режущей боли качнулся набок, но ногой смог до предела выжать педаль. Продырявленная снарядами, пылавшая самоходка рванулась с места, я налобником шлемофона ударился о броню, но боли не ощутил. Удержаться педаль! Гитлеровцы больше не стреляли. Может, опешили?!

Вперед! Двадцать, десять, пять метров — и самоходка с неимоверной силой врезалась в «пантеру». Скрежет, огонь, тротильный смрад. На мгновение мне показалось: машина валится в пропасть. Я не чувствовал боли в груди, в коленях, на лице и

на руках от влившихся горячих осколков. Бог знает, какая сила подбросила меня к верхнему люку вместе с черной гривой дыма и длинными языками пламени. Я повис на снарядах у задней стенки боевого отделения, потом, ухватившись за поручень башни, вытолкнулся на жарко горящие запасные бочки с горючим, танковый брезент, вешевые мешки, шинели и свалился на мостовую. Из ран шла кровь, приклеивая к телу обгоревшую одежду. А память механически отмечала окутанную дымом церковную площадь. Мрачный католический собор с большим позолоченным крестом: над двустворчатой железной дверью вздыбился конь с грозным крылатым всадником.

Боль была неукротимой, глущей.

Отлежался, встал. Шатаясь, побрел к костелу. На полу увидел рядком стоящие гробы. Посередине костела на катафалке в пышном убранстве стоял большой гроб, в нем лежал офицер. Рядом с гербом фашистского рейха поблескивал серебряный крест. Широкие траурные ленты с золотыми надписями опоясывали массивный гроб, по бокам лагровые венки, черные ленты. Другие гробы, наскоро сколоченные из неструганых досок, лишены всяких роскошеств. Мне стало душно и гадко, и я вышел вон. Огонь долизывал «сотку». Но дымились и фашистские танки! Силы оставляли меня, но не мог же я упасть. Я слышал, чувствовал, знал — со мной русская дождливая ночь, ветер с родины, полоса рассвета и темные лиственницы; и вот уже наши вывернувшие на площадь танки шли неостановимым приступом.

ДЕВИЧИЙ ТРАЛЬЩИК

**Лаврентий
СЫРКИН**

За всю боевую историю русского и советского военно-морского флота не было случая, чтобы под военно-морским флагом, да еще в военное время, был корабль, где командир и матросы — женщины. Нарком Военно-Морского Флота, в порядке исключения, пошел на отступление от установившихся традиций, и такой экипаж был сформирован из девушек-комсомолок и успешно вел боевое траление фарватеров Волги.

Агния Шабалина после десятилетки пошла в ученицы-мотористки судоремонтного завода. Здесь она встретила мотористку Дусю Пархачеву. Дуся старательно обучала подружку ремеслу. Вместе проработали навигацию на буксирном теплоходе № 12.

Однажды девушек вызвали в штаб военно-морской базы. Их ожидал радостный сюрприз. Теплоход № 12 возведен в ранг тральщика № 611! Командиром назначили девятнадцатилетнюю саратовчанку Антонину Куприянову. Командиром отделения мотористов — Дусю Пархачеву, а мотористом — Агнию Шабалину; пулеметчицей стала Вера Чапова.

На палубе тральщика установили новенький, отливающий синевой крупнокалиберный пулемет. На корму взгромодились бомбосбрасыватели.

С утра и до позднего вечера Дуся и Агния не вылезали из машинного отделения. С помощью специалистов ремонтировали главный двигатель тральщика — дизель «ЧТЗ».

Ночи проходили беспокойно, враг систематически бомбил город, где теперь была база тральщиков. Нередко пулемет, из которого отчаянно стреляли Вера Чапова и минер Аня Тарасова, включался в бой с вражеской авиацией.

В мае тральщики перешли на новое место базирования. Вновь вступившие в соединение корабли спешно отработывали задачи по подготовке к боевому тралению.

Малейшие промахи экипажа нередко становились достоянием острословов и шутников; обидно было девушкам выслушивать в свой адрес колкости, но замечания и учили...

Скоро тральщик одним из первых был готов к боевому тралению.

Однажды зажигательные бомбы попали на баржу, в которой находилось дизельное топливо. Девушки в числе первых ринулись на пламя. Баржа была спасена. В другой раз снаряд попал в корабль и там, где водяной столб осел, остались только деревянные обломки...

«Увиденное ужасно встревожило всех, а особенно девушек. У нас, видимо, больше такого, чего меньше у мужчин: жалости, нежности, тревоги», — рассказывала Агния Павловна.

Не один день тральщик девушек с трал-баржой на буксире, оборудованной электромагнитным и гидроакустическим устройствами, утюжил район Волги между населенными пунктами Быковы Хутора и Луговая Пролейка. К экипажу тральщика был прикреплен офицер дивизиона А. И. Нужный, помогавший первое время девушкам освоиться с опасным делом. Но управлял кораблем сам командир — старшина 2-й статьи Антонина Куприянова.

...Однажды целый день искали мину. Приближался вечер, решили еще сделать галс и возвращаться на базу. Вдруг раздался громовой взрыв. Тральщик содрогнулся так, что, казалось, он развалится на части. Мотор заглох. Через пазы деревянной обшивки хлынула вода, быстро заполняя корпус.

Девушки бросились по отсекам, помпами и ведрами откачивали они хлынувшую воду, заделывали паклей, клиньями образовавшиеся трещины. Дуся и Агния при свете фонаря старались запустить двигатель. Стартер, залитый водой, не действовал.

Течением тральщик относилось вниз, искверканная взрывом, с оторванной кормой трал-баржа темнела выше по течению. «Как бы не напороться на мину, — думали девушки. — Надо поскорее запустить двигатель, тогда оживет тральщик». Еще раз проверили работу топливного насоса, форсунок, продули цилиндры.

Двигатель запустили...

Когда раздался взрыв мины, с поста СНИС (службы наблюдения и

связи) сообщили командованию дивизиона, что тральщик, видимо, погиб. Вышедшие к месту взрыва катера в кромешной темноте ничего найти не смогли.

Светало, вдоль берега на базу шел 611-й тральщик с оставшейся частью полузатопленной трал-баржи на буксире. «Снисовцы» немедленно сообщили командованию о воскресшем тральщике. 611-й подошел к базе...

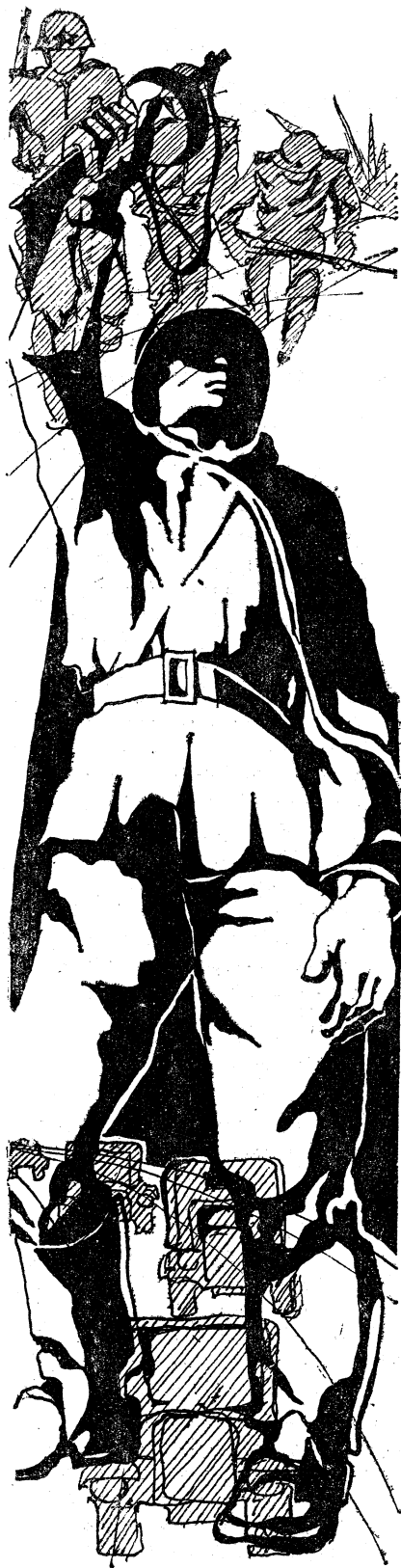
Закончились на Волге тральные работы, девушки, как и их тральщик, вернулись к мирному труду. Дуся Пархачева и Агния Шабалина возвратились на Вятку в родной Котельнич. Тамара Декалина уехала в Ульяновск, В свои родные места отбыли Вера Чапова, Аня Тарасова, Вера Уклова.

Агния Павловна Шабалина, теперь Нешина, после войны закончила Горьковское речное училище. Долго работала в Волгоградском узле связи Волжского речного пароходства. Сейчас живет в городе Волжском. Вот адреса других. Анна Федоровна Тарасова живет в Яхрме Московской области, Тамара Ивацковна Декалина, ныне Алексеева, — в Ленинграде, Евдокия Сергеевна Пархачева, а сейчас Мочалова, много лет проработала на речном транспорте. Теперь она жительница города Серова Свердловской области. Вера Варламовна Уклова, теперь Фролова, работает на Саратовском керамическом заводе. Командир ТЩ-611 старшина 2-й статьи Куприянова Антонина Емельяновна после окончания тральных работ на Волге (это было в начале 1944 года), по некоторым сведениям, переехала в Днепровскую или Дунайскую флотилию. И пока ее новое местонахождение неизвестно.

В ЧЕМ СИЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ?

**Бывалый солдат, полный кавалер
ордена Славы Яков Толстобров
беседует о мужестве, подвиге, воле**

— МЫ ГОВОРим О ЧЕЛОВЕКЕ: СИЛЬНЫЙ! И В СЛОВЕ СЛЫШИТСЯ ОДОБРЕНИЕ, ВОСХИЩЕНИЕ. А ДРУГОГО ЖАЛЕЕМ, ОСУЖДАЕМ, НАЗЫВАЯ СЛАБЫМ. Я ДАЖЕ СЛЫШАЛ ТАКУЮ ФРАЗУ: СЛАБЫМ БЫТЬ АМОРАЛЬНО. ЧТО ВЫ, ЯКОВ ЕРЕМЕЕВИЧ, СКАЖЕТЕ НА ЭТО! СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕТ!

— Слабым, говорите, быть аморально? Что ж, круто сказано, но, пожалуй, в отдельных ситуациях верно. Слабый человек в критическую минуту окажется для окружающих людей балластом. Это в лучшем случае. В худшем — предателем. А сильный — выручит!

Помню случай из фронтовой жизни. Наш мотоциклетный полк освобождал Польшу. Враг отступил так стремительно, что потеряли его из виду. Пришлось идти в разведку. Вошли в деревню. Немцев вроде не видать. Пошли в открытую. Накрыли нас немцы: оказалось, заранее устроили засаду... Война — бывает всякое. И проигрывать приходится. Офицер, конечно, допрос учинил. Как двинет меня кулаком по скуле, если б товарищи не поддерживали, рухнул. А немец дальше идет. Встал напротив Гриши. Гриша этот, надо сказать, — косая сажень в плечах. Фамилия Береза, а парень крепкий, как дуб.

Так вот, фашист решил испытать

кулак на самом крупном из нас. Но Гриша устоял. И сам так ударил гитлеровца в подбородок, что у того ноги взметнулись выше головы. Тут же вскочил — живучий! — и выстрелил в Гришу.

В этот момент влетел солдат, крикнул:

— Партизаны!

Слово это на любом языке звучит одинаково, так что мы поняли. Офицерик тотчас о нас забыл: сиганул в окно, как кошка. Только стек от него и остался. Мы перевязали Гришу. Пуля попала ему в ключицу. Но держался он молодцом. Мораль: и при неудаче умей сдачи давать!

**— НО ЧЕЛОВЕК НЕ ВСЕГДА
ВИНОВЕН В СОБСТВЕННОЙ СЛАБОСТИ.
СУЩЕСТВУЮТ БОЛЕЗНИ, УВЕЧЬЯ.
СТАРОСТЬ, НАКОНЕЦ.**

— Согласен. Обстоятельства могут оказаться сильнее. Но сильный тем и отличается, что не разводит руками: «Так уж сложилось!» Мне по душе другое: не подчиняться обстоятельствам, а подчинять их. Болезней и увечий в большинстве случаев избежит тот, кто закален и тренирован. Старость — это сложнее. Ее не минуешь, но встречу с ней можно отдалить. Мне вот 75 лет, а ни в опеке, ни в уходе не нуждаюсь. И дело не в том, что таким здоровым уродился. Раньше я, бы-

вало, частенько недомогал. Одно время располнел так, что, поднимаясь по лестнице, дышал, как паровоз. Сейчас у меня нет лишнего веса. Вот уже 20 лет по утрам делаю зарядку, обливаюсь холодной водой.

— ЗНАЧИТ, ЧЕЛОВЕК САМ ВЫБИРАЕТ, КАКИМ ЕМУ БЫТЬ: СИЛЬНЫМ ИЛИ СЛАБЫМ?

— В большинстве случаев так. Но выбрать силу мало. Нужно развить ее, то есть приложить усилия, потратиться. А для осознания этого нужно стать взрослым, созреть.

Взрослость, ответственность за свои поступки не всегда приходят вместе с совершеннолетием. Сейчас спокойное мирное время. Большинство родителей — люди обеспеченные. Иной сынок за папиной спиной, как за каменной стеной. На всем готовом живет. Вот и начинает взрослеть на четвертом десятке. А мое поколение достигало зрелости быстро. Я, например, стал взрослым в 14 лет. Да и как иначе? Родился в деревне Зубари Котельниковского уезда Вятской губернии. Слышали, наверное, об этом когда-то темном крае? Без родителей остался трех лет. До семи меня растила бабушка, а потом умерла и она. Жил в ночлежке, что была рядом с церковью, питался подавниями. Еще как-то умудрился закончить три класса сельской школы.

Хотели меня сельчане определить в гимназию. На одном из собраний сказали об этом земскому начальнику. А он спросил: кто платить за обучение будет? В ответ — молчание. Кто мог позволить себе такую роскошь? На том и кончилась моя гимназия. Начались, выражаясь языком Горького, «университеты».

Было мне тогда 14 лет. Бросил я деревню. Пошел долю свою искать. Двадцать километров прошагал до станции Гостовская. На железную дорогу, на поезда смотрел как завороченный. Остановился эшелон с красноармейцами. Год-то был 1919-й. Вышел дядька, выский, усы пшеничные.

— Что, парень, стоишь?

— Уехать надо бы...

— Куда?

— Возьмите меня с собой.

Взяли. Ехали мы с боями в сто-

рону Урала, где тогда Колчак свирепствовал. Дали мне коротенькое ружьецо. Но чаще я держал в руках проволочный крюк, которым цеплял ящики с патронами и подтаскивал их к бойцам. Так доехали до Екатеринбурга. Колчака выгнали из города. Крепко мы к тому времени подружились с тем красноармейцем, что подошел ко мне на станции. Однако в Екатеринбурге он мне сказал, погладив свои усы:

— Дальше не поедешь. Мал еще воевать. Оставайся здесь. Война закончится — я тебя найду. Будем жить вместе.

Долго ждал я его после войны. Не дождался. Такой человек мог не сдержать свое слово только в одном случае — если погиб.

— КАК ЖЕ ДАЛЬШЕ СКЛАДИВАЛИСЬ ВАШИ «УНИВЕРСИТЕТЫ»?

— Дальше пошло как в калейдоскопе. Время было тяжелое, голодное. В армии я все же был на пайке, а тут... Иду с вокзала Арсентьевским проспектом (сейчас улица Свердлова), а навстречу — женщина с большой коробкой, из-под крышки которой что-то блестит. Я не сдержал любопытства: подошел поближе, заглянул. А там конские ноги с подковами. Женщина, видно, приняла меня за воришку. Схватилась за коробку крепче:

— Что тебе тут надо? Нет для тебя ничего!

Покоробило меня это. Воровать я не воровал, хоть и жил впроголодь. Кем только я не работал! И дворником, и сапожником, и рассыльным. Наконец поступил в школу конторско-торгового ученичества. А вскоре меня в армию призвали.

— НЕКОТОРЫЕ МОЛОДЫЕ ЛЮДИ ИДУТ В АРМИЮ С НЕОХОТОЙ. ОНИ СЧИТАЮТ, ЧТО ВРЕМЯ, ПРОВЕДЕННОЕ НА АРМЕЙСКОЙ СЛУЖБЕ, ПОТЕРЯНО Зря. МОЖНО ПОРОЙ УСЛЫШАТЬ И ТАКОЕ: АРМИЯ СТИРАЕТ ЛИЧНОСТЬ. ВЫПОЛНЯЙ ПРИКАЗ — И НИКАКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ! А ЧТО ВЫ СКАЖЕТЕ НА ЭТО! ЧТО АРМИЯ ДАЛА ВАМ!

— Мне как-то странно слышать о том, что армия — потерянное время. И все-таки давайте попробуем разобраться: откуда это идет? Конечно, служба в армии — не отдых на побережье Черного моря. Рас-

слабляться некогда — дисциплина. Ученья порой нелегкие. Даже одеться и раздеться надо уметь за короткое время. Но вот ведь какая штука: дисциплина внешняя постепенно переходит в дисциплину внутреннюю — самодисциплину. Человек начинает руководствоваться не словом «хочется», а словом «необходимо», без которого не может быть личности. Лично мне армейская служба дала так много, что переоценить ее трудно. И, в том, как я воевал, и в том, что остался жив, — большая заслуга армейской выучки.

— РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ЗА ЧТО ВАС НАГРАДИЛИ ОРДЕНОМ СЛАВЫ.

— Воевал в составе пятого отдельного мотоциклетного полка. Его позднее назвали Варшавским. Был парторгом роты бронетранспортеров. Как-то раз закрепился мы на пологом берегу польской речушки. А на другом берегу — крутом — стоял противник и косил ураганным огнем. Командир роты Каледа вызвал меня:

— Надо уничтожить огневые точки врага. Кого предложишь для этой операции?

— Разрешите, сам пойду!

— Ты же, — говорит, — недавно из госпиталя... Ну иди, если такой настырный.

Я взял своего дружка Васю Степанова. Ночью по скользким своям разрушенного моста перебрались на ту сторону. И чуть не нарвались на обход. Я немцев по вонючему дыму сигарет почуял. В то время уже не курил. Обоняние обострилось. Ну, залегли. Вскоре и тихий разговор немцев услышали. Потом он удаляться стал. Прошли, не заметили. А тут наши, как договаривались, дали огонь. Немцы ответили. Мы засекли, откуда палят, — из двух дровяников, которые на берегу стояли. К первому подошли. Крикнули:

— Хенде хох!

Никто не вышел. Бросили гранаты. Взрыв и стоны. Пошли дальше. У второго тоже:

— Хенде хох!

И вдруг огромный боров выскакивает. Чуть с ног не сшиб. Потом в дровянике возня какая-то началась. Мы уже было замахнулись гранатами. Но тут:

— Камрад, не стреляй!

Вышел немец и вынес прикованный к рукам пулемет. Потом этот человек доказал, что нам он настоящий камрад и враг фашистам: воевал бесстрашно. Он оказался сильнее националистического гипноза.

Но я немного отвлекся... Путь был свободен. Дали мы сигнальную ракету — и двинулись наши восемь бронетранспортеров. Без пулеметных гнезд фашисты не смогли нам противостоять: отступили. Меня и Васю Степанова наградили орденом Славы III степени.

Вторую степень я получил за участие в операции на Одере. Только мы подъехали к реке — с того берега нас огнем встретили. Нескольких ребят скосило. Надо было форсировать реку. Для этого выделили восемь отделений. И вот ночью поплыли, кто на чем. Взяли только самое необходимое: гранаты, ножи. Ну, а с автоматами мы никогда не расставались.

Перебрались удачно. Видим: немцы сидят у костров расстегнутые. Как у себя дома устроились. Видно, не ждали нас в гости. Их было не очень много, поэтому расправились с ними быстро и тихо. Осторожно двинулись дальше и вышли на вторую линию укреплений. Здесь уже орудия были замаскированы. Мы их у немцев отбили и развернули, какие смогли, на 180 градусов. Наш лейтенант дал красную ракету. Тотчас через реку начали переправляться 16 бронетранспортеров. И с этого дня мы воевали уже на немецкой территории, где, надо сказать, каждая подворотня стреляла. Ну, а первую степень ордена Славы я получил вот за что.

Полк наш передвигался по шоссе. Вдруг колонна встала. Полковник Дигун подъехал. Кричит: «Каледа, в чем дело? Почему затор?» А дело в том, что на пути колонны — немецкий дот, который плюется свинцом без передыха. Каледа — ко мне:

— Надо скovyрнуть этот чирей! Я опять вызвался: «Разрешите!»

На этот раз командир был против:

— Ты же мой заместитель! Война кончается... Или ты заговоренный?

Но я все же настоял на своем. Махнул рукой Каледа:

— Иди!

Я взял противотанковую гранату, лимонку. В сумку из-под противогаза сунул бутылку с горючей смесью. И пополз. Вечер, пасмурно, дополз незамеченным. Но тут вдруг — молния. Да такая яркая, что оказался я у врага как на ладони. Гром грянул прямо над головой. Еще мысль мелькнула: как бы молнией не убило. И тотчас сильный дождь хлынул. Все это по времени — одно мгновение. А во второе мгновение я увидел, что орудие в амбразуре поворачивается ко мне. Обычно в подобные моменты перед внутренним взором героев книг и кинофильмов проходит вся жизнь. А мне вспоминать было некогда. Кинул противотанковую — попал в ствол орудия. Отскочила граната и разорвалась рядом с амбразурой. Кинул лимонку — вроде попал, но не умолкает орудие. Тогда бросил последнее, что было, — бутылку. Из амбразуры выкинулось пламя. Но где же вход в дот? Ищу и не вижу. И вдруг высокий немец, бросившийся бежать из дота, сорвал головой маскировочную ткань. Оставшихся в живых фашистов я перестрелял из автомата.

Вот вам еще один пример, когда слабый человек, паникер, погубил себя и своих товарищей. А не выскочи он из дота — может, я сейчас не сидел бы перед вами...

— ЯКОВ ЕРЕМЕЕВИЧ, В ЗАВЕРШЕНИЕ БЕСЕДЫ ХОЧУ ЗАДАТЬ ВАМ ТАКОЙ ВОПРОС: МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ СИЛЬНЫМ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ СМЕЛ, ТВЕРД, НО ЖИВЕТ ВОПРЕКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МОРАЛИ!

— Нет, такого человека сильным назвать нельзя. Эгоизм, себялюбие — черты слабого характера. Да и смелость, твердость в подобном человеке — это, больше показное, неглубокое. В настоящей критической ситуации слабость в таком человеке выйдет на поверхность.

Правда, бывает, что зло совершают по необдуманности. В юности энергия в человеке бьет ключом. Нецеленаправленно. Вот почему некоторые молодые люди одинаково легко совершают добро и зло, хотя по своей природе далеко не злодеи, не преступники. В дальнейшем, как только у них складывается характер, добро обязательно берет верх.

Судьба свела меня с одним из таких людей. Был он из Калининна, по фамилии Кукушкин. Не понравились мы друг другу в момент знакомства. А дело было так. Кукушкин прибыл в роту в группе других солдат, которая пополнила наши передовые ряды. Я, как парторг, собрание проводил — о самодисциплине бойца. Вновь прибывшие сели в стороне. Я предложил им подвинуться ближе. А Кукушкин усмехнулся:

— Говоришь хорошо. Посмотрим, как воевать будешь.

Я ответил:

— Как все.

И только позднее понял, что Кукушкин, именно он, имел право сказать то, что сказал. Дело в том, что ему встречались люди, которые на высокие слова — первые, а в атаку идти — за спины товарищей прячутся.

Позднее мы подружились. Вместе в разведку ходили, вместе «языков» брали. И настолько он делал все легко, чисто, экономно, что залюбуешься. А как-то он принес мне заявление о приеме в партию. Подает и говорит:

— Только учти, парторг, у меня судимости.

Судили его за хулиганство. Не все, видно, в жизни Кукушкина гладко было. Но знаю одно: он вину свою искупил с лихвой. Написал я ходатайство о снятии судимости. Приняли Кукушкина в партию и не ошиблись: еще отчаянней стал воевать. И после войны, я уверен, он принес бы немалую пользу стране, если б не погиб.

Сильный был человек. Скользил в начале жизни, падал. Но сумел подняться и встать так прочно, что ни Родина, ни фронтовые друзья никогда не забудут его...

Беседу вел Владимир ЗЮСЬКИН

МЫ ПОМНИМ ТЕБЯ, НАСТЯ...

Флера
ГАЙНУЛИНА
выпускница ПТУ

Несколько лет назад при Свердловском Дворце молодежи организован кружок юных журналистов. Руководит им уральский писатель И. Давыдов. Члены кружка — учащиеся технических училищ Свердловска. Юные журналисты ведут поиск своих сверстников в годы Великой Отечественной войны...

Предлагаем один из таких материалов.

...Первой рассказала об этом подвиге «Тревога!» — ежедневная газета Московского фронта ПВО. Рассказала по горячим следам — в апреле 1943 года. Это была статья о том, как бывшая табельщица Уралмаша Анастасия Васильева погибла под Москвой, спасая свой аэростат.

Посмертно Анастасия Васильева награждена орденом Отечественной войны II степени и, навечно зачислена в списки части. До конца войны портреты уралмашевки Васильевой висели на всех московских аэростатных постах. А в 1-й аэростатной дивизии, где Настя служила, родился такой обычай: молодых аэростатчиц приводили к ее могиле, и здесь девушки принимали воинскую присягу.

...Воскресенье. Я иду к женщине, которая служила военфельдшером под Москвой. Галина Павловна Алексеевич была рядом с Настей Васильевой в последние минуты ее жизни. Так мне сказали...

Дверь открывает женщина крепкая, подвижная, энергичная. А мне почему-то думалось, что она должна выглядеть старше... Темные волосы собраны сзади в гладкую прическу. Поверх домашнего платья в зеленый горошек — скромный фартук. Глаза добрые, мягкие, и это сразу делает нас друзьями.

— Вы помните Настю Васильеву?

— Мы ее звали Тосей... — Галина Павловна начала рассказывать спокойно. — Она была командиром аэростатного поста, а пост был рядом с командным пунктом отряда. И наш медпункт там же был. Подвиг свой она совершила у меня на глазах.

И на моих руках умерла. В тот день, двадцать первого апреля, ураган страшной силы обрушился на Москву... Деревья валило, крыши срывало... Девушки висели на аэростатах. С собой удерживали. А у Тоси был тандем — два аэростата. Один аэростат и сорвало. Он унес двух наших девушек — Лизу Андрееву и Тосю. Лизу сбросило метров с пятнадцати. Она осталась жива. Тосю поднимало все выше. Но и там, в воздухе, она продолжала бороться за аэростат. Она висела недалеко от «аппендикса», через который накачивают газ. Ну и как-то дотянулась до него, рванула... Значит, рискнула висеть на одной руке. А ведь аэростат уже метров на пятьдесят подняло... Из оболочки стал выходить водород. Аэростат начало рывками кидать из стороны в сторону. Он резко пошел на снижение и с силой бросил Тосю на груды камней. Может, как-то еще и обошлось бы, но был там один острый серый камень. Торчал вверх. Вот на него Тосю и швырнуло...

Спокойствие давно изменило Галине Павловне. Она вытирает глаза и тяжело дышит, словно после крутого подъема.

— Когда я выбежала из медпункта, Тося уже была в воздухе. Все это стремительно произошло, за секунды. И в эти последние секунды Тося не о себе думала — об аэростате. И, значит, обо всей Москве. Она ведь могла бы вовремя спрыгнуть, если бы думала о себе... Я слезла тогда все, чтобы спасти разбитую Тосю. Но спасти ее было уже невозможно. Она вцепилась в меня, твердила в бреду: «Улетит! Улетит!». Потом стихла...

Пальцы мои бесшумно перекатывают карандаш. Не могу ничего записывать. Так и стоит перед глазами этот серый треугольный камень, торчащий вверх. Впрочем, что камень?.. Не было бы войны — нянчила бы сейчас Тося Васильева своих внуков. Может, была бы у нее младшая дочка моих лет...

— Вы ехали в Москву в том же эшелоне?

— Да, — в свердловском. Тысячи

две нас было из Свердловской области. И в пермском эшелоне столько же девчат. И потом еще один эшелон девушек привезли в Москву — урало-сибирский. Кировско-ивановский одновременно с нашим пришел. Но уралочек там было больше всего.

— Как дальше сложилась ваша судьба? — спрашиваю я наконец.

— В Маньчжурии еще повоевала... В сорок шестом демобилизовалась — в звании лейтенанта. А в Свердловск вернулась только через десять лет...

Сейчас Галина Павловна на заслуженном отдыхе. Как не изменила она своей профессии, отдав медицине всю жизнь, так не изменила и памяти фронтовых друзей. Разыскала многих, держит с ними связь, помогает в сложные минуты. Фронтовая дружба не кончается!

Настя Васильева погибла, спасая аэростат и тем самым — Москву. Но вот уже 35 лет Настя продолжает жить среди нас, ведет на поиск и соединяет все новых людей. На том пустыре под Люблино, где погибла Васильева, теперь школа. Скоро на ней укрепят мемориальную доску с именем Насти. В школе — музей, где собрано все, что можно было собрать о Насте. В школе — пионерские отряды, которым присвоено ее имя. Ездили в эту школу и Настина сестра, и Настина фронтовая подруга Александра Ивановна Кузнерюк из Свердловска. Приходили в школу Настины командиры.

Насте жить вечно! Подвиги не умирают. Какая короткая у нее была жизнь — и какая оказалась долгая!

ПОДХОДЯЩАЯ СИТУАЦИЯ

Анна
ЛЮБАРСКАЯ

Мой собеседник — Олег Перелыгин. Живет в Свердловске, учится в Уральском политехническом институте. Когда задержал преступника, был еще школьником...

Преступник (а как его назывешь?) открыл чужую квартиру, но, услышав шаги на лестнице, схватил первое попавшееся — приемник, электробритву и побежал. Старик, спугнувший его, стал звать на помощь, просил задержать. На улице ему вторили голоса соседей, но все лишь призывали кого-то побежать, догнать, схватить, а сами не бежали...

И все-таки нашелся тот, кто, бросившись вору наперерез, задержал его. Это был Олег.

Потом подбежали ребята, с которыми он гулял, потом несколько мужчин заломили преступнику руки за спину, потом появился милиционер... потом...

Олег неохотно рассказывает о себе: довольно легко сдал экзамены в школе, правда, пришлось изрядно потрудиться, чтобы попасть в институт, но зато здесь ему очень нравится. Нравится буквально все — учеба, студенческая жизнь, а главное — ощущение ответственности за свои поступки. «Понимаете, по-настоящему почувствовал себя взрослым».

Наверное, именно чувство ответственности и толкнуло его тогда, побудило остановить преступника. Чувство ответственности за то, что совершается рядом с ним. Ведь не зря говорим мы, что равнодушие порой тоже преступление.

...Олег мгновенно вспомнил то, чему его учили в оперотряде: преступник всегда боится, что его поймут, нужно не дать ему возможности сориентироваться — бросайся наперерез, сбивай с ног.

И он бросился наперерез.

Да, в девятом-десятом классах Олег был членом оперативного отряда при опорном пункте милиции, и выучка, конечно, ему помогла тогда, но, скажем честно, не каждый

из знакомых нам старшеклассников — помощник милиции.

«В школе чем только не увлекался: собирал значки, занимался фотоделом, получил права — днем и ночью возился с мотоциклом. Сейчас заинтересовался современной музыкой. Вот бы аппаратуру хорошую!»

У родителей деньги брать не хочу. Буду ездить со стройотрядами — заработаю сам. Вообще хочу закрепить во всем свою самостоятельность».

Так что же привело Олега в оперотряд?

Не мальчишеское увлечение, нет, а все та же потребность быть до конца взрослым в своих поступках, потребность самостоятельно принимать решения, все та же ответственность за себя и окружающих.

Товарищей у него много, особенно здесь, в институте, хотя самими закадычными по-прежнему остались друзья со школы: Володя Жуков и Алеша Тараскин.

— А вообще, какие люди тебе больше нравятся? Как ты выбираешь друзей?

— Люблю общительных, умных — с кем интересно...

— А какой ты?

Пожимает плечами.

— Не знаю даже, хотя, наверно, я сам порой не из таких, что мне нравятся.

— Что ты сейчас читаешь?

— Может, поздновато, но «Хожение по мукам». Я вообще-то всего Алексея Толстого прочел, а вот этот роман — ну никак! Откровенно скучал над ним. Недавно снова начал — и, к своему удивлению, увлекся. Я заметил, что последнее время со многими книгами у меня так получается...

Разговор опять возвращается к тому эпизоду.

Олег, смущаясь, вспоминает, как хвалили его за решительность друзья.

«Но если подумать — что я такого особого совершил? Вот ребята со мной шли, я потом с ними разговаривал, все бы побежали. Просто в тот раз, как говорится, не сориентировались...»

В одной из книг для юношества, рассказывающей о нашей социали-

стической законности, я как-то прочла: «Воспитанный мужчина не задумывается, надо ли уступить место женщине в трамвае, он просто уступает его. Воспитанный в правовом отношении человек не задумывается над тем, соблюдать или не соблюдать советский закон. Для него сама мысль о возможности нарушения закона представляется нелепой».

Говорю ему:

— Заметил? О парне, защитившем от хулиганов свою девушку, мы пишем в газете, а если подумаешь — это же само собой разумеющееся явление, так должно быть. Но, как видно, бывает не всегда, раз пишем. Ты считаешь, что ничего особенного не совершил, а тебя награждают. И в то же время при каждом опорном пункте — комсомольский оперативный отряд, а значит, сотни добровольных помощников милиции. А твои товарищи, все ли смогут так же сориентироваться?

— Вообще-то за всех сказать не могу. Каждого, ну как сказать, «в деле», что ли, посмотреть нужно, чтоб ситуация подходящая. Но уж за девчонку заступиться, наверно, любой не струсит, иначе его просто потом никто ни во что не поставит.

ОБЕЛИСК

**Виктор
САПОВ**

В один из февральских дней 1943 года по дороге ехала черная эмка. Рядом с шофером, откинувшись на сиденье, сидел крепко сбитый, с обветренным лицом командир 284-й стрелковой дивизии Батюк, в глубине машины — офицер оперативного отделения Малицкий.

Батюк был в хорошем настроении и напевал украинские песни.

— Что не подпеваешь, капитан? — обернулся он к Малицкому.

— Все еще не верится, — отозвался тот.

— Что не верится?

— Да вот... Едем, а мне кажется, что сижу не в машине, а в блиндаже на Мамаевом кургане и качается блиндаж от взрывов...

Все трое закурили. В машине стало тихо. Батюк смотрел в окно, погруженный в свои думы. Слова капитана разбредили его душу. Сколько ждал он этого дня! Он верил, что придет день, когда они погонят немцев от Волги. Он верил уже тогда, в сентябре-октябре сорок второго, когда его дивизия приняла на себя основной удар по защите Мамаева кургана... Мамаев они тогда отстояли. Но дивизию сильно потрепал враг. Он вдруг вспомнил, как его вызвал Чуйков и предложил вывести бойцов на отдых и самому отдохнуть.

— Василий Иванович, — сказал он тогда Чуйкову, — считаю: моя дивизия вполне может вести бой. Что касается меня, то я останусь здесь до конца.

Он снова подумал о дивизии, о том, что, пожалуй, трудно сейчас точно сказать, сколько солдат полегло здесь, на Мамаевом кургане. Только подумать — каждый день он принимал по 200—300 человек пополнения!

Он зябко повел плечами.

До самого Паньшино, куда он ехал проверить, все ли готово для отправки дивизии на фронт, Батюк не проронил ни слова.

Оставив в Паньшино Малицкого руководить погрузкой материальной части, он тут же поехал обратно. Подъезжая к Мамаеву кургану, шофер увидел, как на самой его вершине раскидисто взметнулся земляной столб. Он тормознул и посмотрел на комдива. Батюк махнул рукой, мол, поезжай. Такой же столб взметнулся еще. Шофер снова тревожно посмотрел на Батюка.

— Землю саперы рвут, — сказал комдив. — Хоронят убитых. Завтра поставим здесь памятник.

Памятник был простой. Саперы дивизии установили сбитый из фанеры пирамидальный обелиск. Сверху к нему прикрепили вырезанную из жести пятиконечную звезду, а сбоку прибили две скрещенные винтовки.

И тогда у этого первого памятника однополчане давали клятву

освободить полностью родную землю.

Батюк открывал митинг. Он стоял перед обелиском и смотрел на шеренги бойцов. Это все, что осталось от дивизии. Он мысленно отмечал, кого лично знал и не досчитывался в этих рядах.

Могло бы случиться, что и он лежал бы под этим обелиском. Он вдруг почувствовал, как сильно кольнуло в грудь. Ах, это сердце!.. Последнее время оно все чаще дает о себе знать. В самый разгар боев солдаты не один раз уносили его на плечах с наблюдательного пункта. Он, сдерживая боль, говорил: «Устал». Но в это мало кто верил. Отлежавшись, он снова появлялся на передовой. Часы болезни были для него часами передышек.

И вот опять в грудь словно кто иглу всадил. «Только не здесь!» — преодолевая боль, подумал он. Схватился за грудь рукой, но тут же, чтобы не привлекать внимания, выбросил ее вперед и, сжав пальцы в кулак, заговорил:

— Товарищи красноармейцы...

Над Мамаевым курганом троекратно прозвучали выстрелы.

После митинга, придя в штаб, Батюк, как был в одежде, свалился на нары, корчась от боли. Смерть отступила. Но — ненадолго.

Случилось это в июне сорок третьего. Дивизия только что форсировала Северный Донец и готовилась к новому наступлению. Батюк вместе с начальником штаба Садовским и начальником оперативного отдела Фоминым возвращался с наблюдательного пункта в штаб, расположенный в деревне Богородичной.

Немцы были на сопке. Батюк шел и обдумывал план наступления. Он остановился и долго всматривался вдаль. Потом вдруг сказал:

— Идите, ребята. Я полжгу немного, что-то нехорошо мне. — И лег на спину.

— Беги за врачом, — сказал Садовский Фомину.

Садовский хорошо знал про болезнь командира.

Но врач не потребовался. Батюк умер, не успев даже высказать своих планов. И так же, как тогда на Мамаевом кургане, саперы уста-

новили наскоро фанерный обелиск, вырезали из жести звездочку.

...Много лет прошло с той поры. На месте фанерных обелисков на меловой круче Северного Донца вознесся гранитный обелиск, а над Волгой подняла меч возмездия Родина-мать.

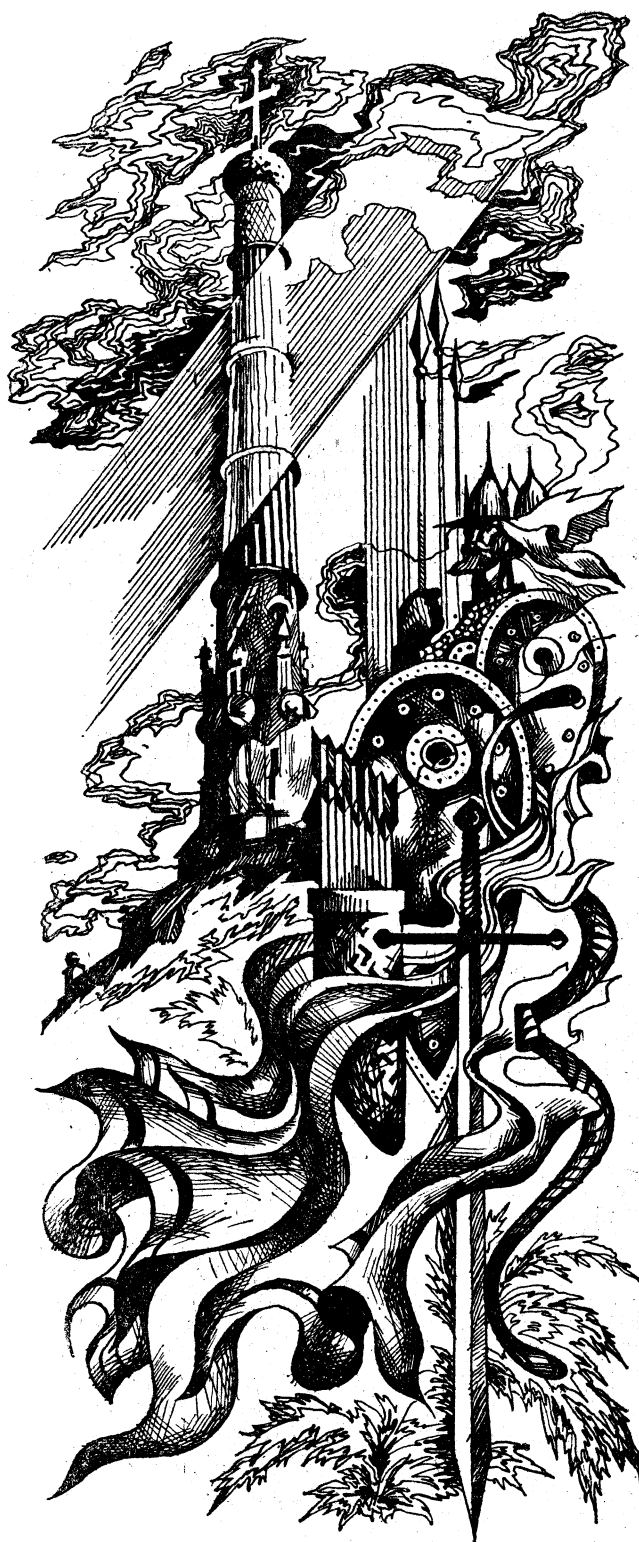

**Сергей
ОРЛОВ**

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без звания и наград.
Ему, как мавзолеей, земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

СЛОВНО

Над Куликовым полем шел снег, и это — в жизни не забыть...

Мог приехать сюда и летом. Тепло, травы некошенные, прохлада Непрядвы... Как хорошо! Или осенью — уже серый ковыль, низкие облака, тревога в душе. Или весной — мощное земное пробуждение, ощущение силы неопредельной.

Но — нет и нет...

Снега, глубокие и покойные, начались за Пермью, и вятские поля, и Подмоскovie, и Москва сама чистехоньки стояли, в тончайшем куржаке, и столько он блеска излучал, что даже притушенно пылали золоченные купола кремлевских соборов.

Что ни говори: снежное поле, белизна дали, зимний покой равнин — вот истинная Русь.

Ведь и древний обычай клятвы земле бывал именно зимой: обнаженной по локоть рукой надобно сквозь нетронутый снег достать щепоть земли.

Обжечься холодом, взять земли.

Я приехал за щепотью из-под снега поля Куликова...

Знакомое чувство: около мест памятных все наполняешь особым значением.

Безусловно, придал росту обсыпанным мукой грузикам — выгребали они лопатами кукурузу из вагонов, громко разговаривали, и этому несколько придуманному величию их сам же умилился, потому что и благоговения, и смирения перед кем-то, чем-то просила душа до встречи с Полем... Ровно так же прибавил возрасту и мудрости пацанам в столовой, прибывшим аж из города Данкова в это январское воскресенье, чтобы посмотреть Поле же, и они, как взрослые, разложив снедь на столе, скинув пальтишки на спинки стульев, завтракали. Прибавил, наверное, и значения терзаниям шахматиста, соседа по гостинице, проигравшего партию в турнире, казнящего себя не за тот ход...

Шел тихий снег. Было тепло, но ветер закруживал хлопья, лепя их на стены, деревья, столбы.

Ребята решительно и весело двинулись на Поле пешком, я ждал попутку: поздний, полуденный автобус, конечно, не устраивал...

Не забывался растерянный шахматист, он все возвращал белые и черные фигурки на исходные позиции и, не стесняясь, сокрушался, как можно было сделать такой опрометчивый ход...

Какая тайна — людское бытие!..

Шесть веков назад туманным утром 8 сентября 1380 года в двадцати километрах от перекрестка, где я ждал попутку, стояли две силищи — Русь и Золотая Орда. И надо было делать ход. Цена его стояла страшно высоко — быть или не быть Руси свободной...

В начале XIII века в азиатских бескрайних просторах возникло государство кочевых монгольских племен. Найоны (князь) провозгласили вождя одного, племени Темучина властителем Монголии под именем Чингисхана.

Двести тысяч войска, черные кони, черные доспехи из кожи, камнебитные, стенобитные орудия — вот его армия. Словно смёрч, стремительно, мощно налетали кочевники на фланги, прорывались в тыл...

Вот уже разграблен Северный Китай, пал Пекин,

ЧАША НЕОТПИТАЯ...

Юрий
БОРИСИХИН

Рисунок
С. Сухова

Дальше — Средняя Азия. Разрушены Бухара, Самарканд, Ургенч... Осенью 1220 года опустошен Северный Иран, не удержалось и Закавказье. Впереди — половецкие степи, а там и Русь...

Половцы (кыпчаки) ударили в пояс великому князю киевскому Мстиславу Романовичу, тот решил «встретить врага на чужой земле, нежели на своей» и вышел с войсками в степи...

Произошла «сеча люта», и было поражение...

Пятнадцать лет не двигалась Орда дальше... Не будем гадать над причинами, но крепость русского меча не могла не почувствоваться. И только внук Чингисхана Батый вышел-таки на Волгу, взял Рязань, сжег Москву.

В «Истории завоевателя мира» Джувейни (умер в 1282 году) описано, что монголы покорили русские земли до города М. К. С. (Москвы?), «окрестности которого были покрыты болотами и лесом до того густым, что нельзя было проползти змее. Царевичи сообща окружили с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую дорогу, что могли проехать рядом три-четыре повозки, а потом против стен его выставили метательные орудия. Через несколько дней они оставили от этого города только имя его...»

Потери москвитян кажутся несколько преувеличенными — якобы 270 тысяч человек (у каждого убитого отрезали ухо), но описание Джувейни о нашествии: «от множества войска земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные» — сходится с нашими летописными: «и не без слышания от гласа скрипания телег его, множества ревения верблюдов его, и ржания от гласа стад конь его...»

Поэт Блок заметил, что Куликовская победа вернула Руси тишину.

Я сидел в кабине самовала, возившего кукурузу к элеватору. Шофер Володя Волков в последней езде не спешил. Сходил в магазин, купил булку горячего хлеба, двинулись в путь. Шел и шел снег. Теперь я видел Куркино дневное — и оно чаровало не меньше, чем ночью, когда я сошел с поезда и брел улицей от одного желтого круга столбовых фонарей до другого. Конечно, против наших, уральских, пятиястных, с бревенчатými заплатами и постройками куркинские дома потщедушней, открытей: палисадник, оградка, деревцо. И шоссе катило почти равниной; белизна, конечно, скрадывала холмы и речные перелески. Я было приготовился выйти на развилке, но Володя остановил: «Доедем до самого. Глянуть нелишне». Прекрасно понимал, что не ездят на Куликово поле только из любопытства, но сейчас это почувствовал и за себя, и за Володю... Машина свернула влево. Куда ни глянь — равнина, равнина... Обо что же расплющились орды Мамая?..

А при Калите Москва отошла в полный и невиданный до того покой: «...и быть оттоле тишина велика на 40 лет, и пересташе погани воевати Русскую землю, и закалати христиан и отдохнуша и упочинуша от великия истомы и многие тягости»... Иван Данилович считал себя не только московским князем: прошел на север в 1337 году и уже распоряжался на Приполярном Урале, жаловал «сокольников, кто ходит на Печору...»

Калита умер в 1340 году, погребен в Архангельском соборе. Старший сын, Симеон, в 25 лет стал самостоятельным князем, властным и смелым, — новгородские посадники вымаливали у него мир, стоя на коленях...

Симеон Иванович поехал в Орду и вернулся с ярлыком «и вси князи Русстии даны под руце его», а на печатях впервые читаем: «Печать великого князя Симеона всея Руси», тогда как даже Калита называл себя скромнее — только великим князем...

Но наследников Симеон не оставил. Все три его сына умерли. Московская отчина перешла в руки брата — Ивана Ивановича. Но ненадолго. В 1359 году после него остались два сына — Иван и Дмитрий. Иван умер вскоре после кончины отца, и Русь получила в князья Дмитрия. На престол он вступил десяти лет...

Конечно, Дмитрий княжить не мог, за него у кормила правления стоял замечательный государственный человек XIV века митрополит Алексей. В те отдаленные времена перед молодыми из знатных семей лежали две дороги — духовная и военная... Иного выбора не было. Алексей правил твердой рукой, и Дмитрий глубоко привязался к воспитателю, хотя уже через год, как уверяет Николаевская летопись, «имея лет 11, разумом же и бодростию всех старее сый». А скоро на деле испытан был. Войско тринадцатилетнего Дмитрия Ивановича разбило суздальского князя, попытавшегося захватить великое княжение. А в двадцать ходил «ратью сам к Твери», опустошил ее и уже непрерывно полководил. И против литовщины, и против Великих Болгар, которые было попытались напугать русских: «из града гром пушаху, стражаше нашу рать, выезжали на верблюдах кони наши полошающие», но вынуждены были дать откуп. В 1376 году стоял на Оке, «стерегаясь рати татарские от Мамая...», примеривался... И полководческое окружение сложилось великолепное — князь Владимир Андреевич Серпуховский и воевода Дмитрий Михайлович Волинский-Боброк, водивший рать в болгарский поход. Крепко дружил с двоюродным братом Владимиром Андреевичем, не знавшим поражения. Владимир родился в необычайной обстановке — на сороковой день после смерти отца, к нему применили народную примету о сиротах: дитя, родившееся после смерти отца, вознаграждается счастьем за исконное сиротство.

Вот кто заступил пути Орде!

...По бетонным столбикам я отсчитывал — осталось пять километров, четыре. Володя молчал. Я бы не сказал, что такое уж сильное напряжение передавалось мне от Володи, но какое-то стеснение нарастало у обоих, будто перед местом, куда попадаешь не по праву, не по чину. «Завидую, что едете первый раз!» — сказал он. Мы ехали уже по самому Полю — и здесь шумела битва, бряцала, ржала, кричала, скрежетала, пылала, пылила, дымила, ревели, затмевала небо и взрывала землю.

...Потом в белом спокойном течении снега отчетливо проступила прямая, как бы очень высоко уходящая нить, и поодаль — нечто вроде разнообразно цветного букета.

Через несколько минут прямая нить стала прекрасных форм черным чугуном обелиском, букет — пламенеющим среди снега золотисто-бело-голубым храмом-памятником. Это — Красный холм.

Мы вышли из кабины, сняли шапки...

С тринадцати до тридцати лет не выпускал Дмитрий оружия из рук. Выдержал борьбу с Литвой, Рязанью, Тверью, вышел победителем. «С полным сознанием сил», — как пишет С. М. Соловьев в Истории России... — «Неудивительно, что такой князь решился первым поднять оружие против татар».

В 1374 году нижегородцы побили мамаевых послгов. В 1378 на берегу реки Вожи «сам великий князь Дмитрий ударил на них в лице», разбил князя Бегича, посланника Мамаю. Борьба стала открытой. Мамай не хотел успокоиться до тех пор, пока не отомстит Дмитрию. И двинулась на Русь Орда...

Пятнадцатого августа Дмитрий послал сторожевиков в степь следить за Мамаем, а сам отправился в Троицкий монастырь, основанный пустынником Сергием. Тот сказал: «Иди смело, без колебания, и победишь...»

По просьбе князя он, как символ присутствия на поле битвы, дал ему своих иконов, прежде носивших оружие в миру, — Александра Пересвета и Родиона Ослябю... В день битвы прибыл еще гонец с грамотой от Сергия, повторявшей еще раз: «Без всякого сомнения, Господине, с дерзновением пойдя против свирепства их»...

Во многих материалах о Куликовской битве с удовольствием цитируются эти слова Сергия, исполненные нравственной бодрости и духовной крепости.

В ночь с 7 сентября войско переправилось через Дон. Мосты сожгли, дабы не было соблазна к отступлению. Утром другого дня был густой туман, в третьем часу просветлело, и полки выстроились за Непрядвой. Передовой полк Дмитрия состоял из «молодых» людей — крестьян, ремесленников. Полк правой руки стоял у обрывистого берега реки Нижнего Дубика, полк левой — у Смолки. Замысел был великолепным: завязать конницу в центре, лишить ее возможности бить по флангам.

Мамай руководил с Красного холма. Что он видел? «Шеломы же на головах их (русских), как утренняя заря, доспехи аки вода сильно колеблюща, еловицы же шлемов их аки пламя огненное пышутся». «И страшно было видеть, — говорит летописец, — две силы великие сходящиеся на кровопролитие, на скорую смерть...»

...Сшиблись в смертельном поединке Александр Пересвет и Челубей, «спадоша на землю мертвы, и тут конец приняли оба»...

Началась битва, какой не видывала Русь... «Говорят, что кровь лилась, как вода, на пространстве десяти верст, — пишет С. М. Соловьев, — лошади не могли ступить по трупам, ратники гибли под конскими копытами, задыхались от тесноты. Пешая русская рать уже лежала, как скошенное сено, и татары начали одолевать». Но в засаде стояли свежие русские полки под началом воеводы князя Владимира Андреевича и воеводы Волынского-Бобрюка. Появление свежих сил решило участь битвы — Мамай с пятью знатнейшими князьями бежал с Красного холма. Русские гнали неприятеля почти 50 верст и овладели всем станом. Самого Дмитрия нашли под срубленным деревом, в беспомощности, но без смертельных ран. История сохранила нам имена воинов, видевших Дмитрия Ивановича во время битвы. Впрочем, это единственные имена ратников вообще из сотен тысяч, polegших на поле: Юрка Сапожник, Васюк Сухобрец, Сенька Бьков, Гридя Хрулец...

День бились, восемь дней хоронили воинов... Девять из десяти легли на поле Куликовом. А в память о погибших поставили церковь из дубов Зеленой Дубравы...

Я шел пустынным шоссе, тихо густел вечер. Шел безвопросный и всёответный. А еще по такое состояние хорошо сказал Толстой: «Душе все ясно и ничего не страшно». Жажда чего привела меня сюда? Конечно, возвышающей истины подвига! Один мой коллега, нелегко постигающий эту самую истину, увлекся вдруг стариной. Он ходил по домам под снос, собирал все, что попадало под руку: гвозди, крючки, примус, оконный шпингалет, а то и поделку. Дело захватило его, и каждая новая находка заставляла похвастать радостью. Не в старых вещах дело, но в возвысившей его истине насчет их. И он сказал однажды:

«Мы недооцениваем тягу нашу к прошлому. Это мощное, светлое чувство. Оно не может не возвышать...»

Что же возвышало (и возвысило!), когда в теплушке, при теплой печке и чайнике на ней, я слушал экскурсовода Клавдию Алексеевну Михайлову, бывшую учительницу, теперь уже полтора десятка лет работавшую тут, на Куликовом? И ничего не было сказано такого, что нельзя прочесть в книгах, но по-женски печален немного был ее рассказ: недавно похоронила мужа, и какой-то глубокий отклик нашли, видно, у нее скорбные слова великой княгини Евдокии по рано умершему мужу Дмитрию:

«Почто не промолвиши ко мне, цвете мой прекрасный? Что рано увядаешь? Винограде многоплодный, уже не подается плода сердцу моему и сладости души моей, солнце мое, рано заходишь; месяц мой прекрасный, рано погибаешь; звездочка восточная, почто к западу гредиши»...

Разве же одни архитектурные линии возвышают нас, когда видим храм-памятник Сергия Радонежского и великолепный Брюлловский обелиск, воздвигнутый в 1848 году? Я бродил вокруг них, проваливаясь в снег, в немоте и немощи словесной...

Не слова нас возвышают, но немые свидетели прошлого, в котором ничего нельзя переиначить, да они и не позволяют переиначить... Тем и входит в нас прошлое, что у него можно научиться только будущему. Прошлое неисчерпаемо. Я никак не понимал ворчливости некоторых предъюбилейных материалов о Куликовом поле. Там, мол, не достроено, там не покрашено. Правда, ворчим больше на самих себя, а это извинительно. Но когда я уехал с Красного холма в Монастырщину и бородатый возница домчал меня на дровнях до села и, махнув кнутом под гору, сказал: «Там твоя красота», когда я увидел тонкие линии Непрядвы — местные парни гоняли мяч по ее голубому льду, увидел красные стены храма, холмы вдали, я снова ожегся душой с той же сладостью, с какой ожег ладонь, достая из-под снега землю поля Куликова...

Этот малый уголок земли таил такую безбрежность! И правы те, кто говорит, что не случайна связь между географией души и географией просто. Огромные равнины, безграничные дали составляют как бы часть наших ежедневных переживаний. «Мы огромны, — любил повторять Достоевский, — огромны, как матушка-Россия».

Русский человек и восторгается, и мучается огромностью и безбрежностью своей земли. Но совесть его никогда не удовлетворится только личным удовольствием, она всегда озабочена и мукой за истину и за всех... От Непрядвы — около десяти километров — до Холма я шел пешком. И было поле похоже на гигантскую чашу. Как бы и не отпита была наполнившая ее вечерняя свежесть. Я беспокоился за парней, которых видел мельком, когда уезжал в Монастырщину, как они доберутся до Холма — надежды на автобус в этот воскресный день почти не было. Но автобус ждал: меня и еще данковских ребят. В Куркино узнали про наше воскресное путешествие — прислали подмогу.

...Ребят мы встретили у самого села, сильно уставших, едва забредших в автобус. Сколько пешком отмахали! Я уже их, бедных, ни о чем не спрашивал — они ментально уснули в тепле. А что спрашивать? Одинаково мы — пожилой шофер, молчаливая кассирша, ребята — вобрали, что невозможно не вобрать; не дано нам не любить ту часть земли, где наш народ почувствовал себя народом...

Не дано не слышать Поля, как невозможно не слышать собственного сердца, давшего толчок жизни, не дано нам и потерять это Поле, хоть смерч по нем, хоть пал, хоть сушь... И не дано никому эту великую чашу земную поля Куликова ни взять, ни унести, разве что в сердце своем.

Шесть веков питает чаша этой вот истиной подвига, и все как неотпитая...

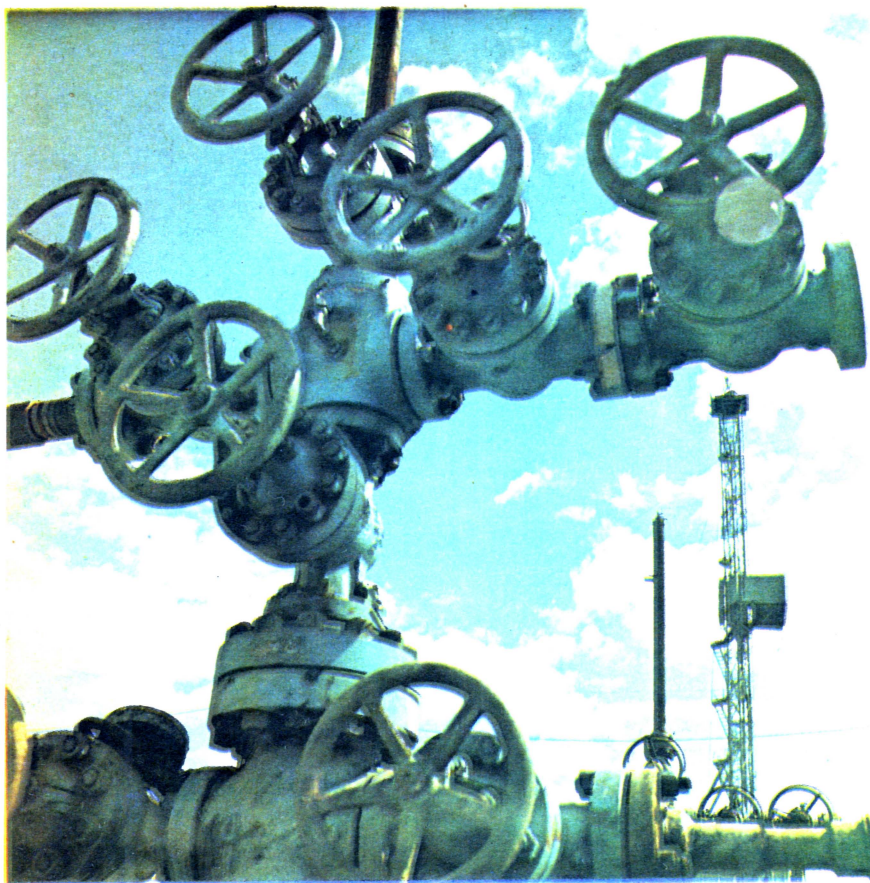

ИГО.

На 1, 2, 3-й стр. вкладки публикуются работы (резьба по дереву) И. ЛИЗУРЫ (г. Нижний Тагил).

ТРИПТИХ. КУЛИКОВО ПОЛЕ.

швыряет крутой волной. Надежда на вылет заметно потускнела. Но нам повезло: объявили посадку; перейдя на катерок, мы осторожно приблизились к поплавку Ан-2. Пассажиры, помогая друг другу, погрузили свой багаж, расселись по местам. Экипаж освободил самолет от якорей, но еще долго Ан-2 боролся с волнами, ожидая благоприятного для взлета направления ветра.

Наконец двигатель взревел на взлетном режиме, заскрежетали наждаком волны под поплавками, и вот только ровный гул мотора царит в салоне.

— Живы? — улыбнулся летчик, оглядывая пассажиров. Заулыбались и они, довольные.

А мне вспомнился точно такой же самолет, только привонял он за семьсот с лишним километров от Салехарда — на севере Свердловской области, в Красноурьинске. И уже через час весь город знал, что самолет издалека — из Тюмени, что прилетел он возить карасей с озера Русского из Гаринского района, что летчик говорит с сильным акцентом, а репортер городской газеты Рим Потеряев разведал даже, что летчик воевал, да не просто воевал, а был в Испании с самим Анатолием Серовым!

Несколько дней подряд взлетал и возвращался с рыбой гидросамолет. Наконец весь улов рыбаков оказался на прилавках, и здоровенные караси отправились в холодильники.

Вальтер Францевич Короуз в то утро улетал домой. Потеряев уговаривал его сфотографироваться в Серове у памятника легендарному летчику, но у Короуза времени на поездку не осталось, и через полчаса его самолет взял курс на восток...

Прошли годы. Довелось оказаться в Тюмени. Разыскать Вальтера Францевича оказалось делом нехитрым. Вот тогда и рассказал он несколько эпизодов своей одиссеи...

12 февраля 1934 года. Австрия. Линц. Улицу перегородила баррикада. Шуцбундовцы дают залп, другой. Наступающие попятнулись. В эту минуту к гарнизону пробрался связной. Он рассказал товарищам, что делается в городе, куда они должны отступить, если враг снова применит пушки. Связной — Вальтер Короуз, ученик вулканизаторщика в небольшой авторемонтной мастерской. Перед самым восстанием он оказался на улице без работы. И не потому, что был плохим учеником. Просто пора ему было платить зарплату как

СУДЬБА ПИЛОТА

**Алексей
НАГИБИН**

*Фото
автора*

Всю ночь шел проливной дождь, под утро его сменил сильный порывистый ветер. Казалось, что такая погода и стала причиной исчезновения автобусов, и до гидропорта Салехарда пришлось добираться пешком. Вдали от берега на якорях стояли четыре гидросамолета. Даже отсюда, издали, было видно, как их

взрослому, а хозяину это было невыгодно. К тому же Вальтер участвует в тайных учениях шуцбундовцев — вооруженной гвардии рабочего класса Австрии...

Идет четвертый день восстания. Баррикада как баррикада: два телеграфных столба, автофургон, груды камней из мостовой. Только что отбита еще одна атака. Но в этот миг что-то тяжело рухнуло рядом. Вальтер потерял сознание. Когда очнулся, баррикада была разбита, соседние дома зияли провалами в стенах: правительственные войска вели оружейный огонь...

В Австрии стали охотиться за повстанцами. Вальтер Короуз ушел через границу в Чехословакию.

Их поместили в лагерь политэмигрантов. Участники восстания спорили: просить политического убежища в Советском Союзе или пробираться в Швейцарию, Америку?

Эшелон с политэмигрантами пересек границу и остановился на пограничной станции Негорелое. Здесь их встречали рабочие и красноармейцы. Вальтер спросил у переводчицы:

— Скажите, кто у вас в стране может летать на самолетах?

— Летать? Каждый, кто захочет, кому позволит здоровье.

...Первое мая 1934 года. Красная площадь. Впереди колонн красноармейцев, готовых к параду, триста человек в синих рубашках, синих беретах — шуцбундовцы, приехавшие в СССР. Среди них и Вальтер Короуз, автовулканизаторщик московского завода «Каучук». Сбылась мечта австрийского парня — он курсант аэроклуба имени Чкалова...

В мире становилось все тревожнее. Фашисты подняли мятеж в Испании. Оружие им поставляют Италия и Германия, а великие державы Запада заявили о своем нейтралитете. В Испании — интернационалисты-добровольцы. В сентябре 1936 года Короуз уже на Теруельском фронте в батальоне имени Чапаева 13-й интернациональной бригады.

...Скоро из СССР прибыли истребители. Эскадрилей бипланов И-15 командует Анатолий Серов. Вальтер Короуз — правый ведомый в его тройке. Здесь он и принял свое боевое крещение.

Слава серовской эскадрильи перешагнула границы Испании. Итальянские «фиаты» старались встреч с нею избегать.

8 июля 1937 года. Истребители Серова в небе над Мадридом. На сей раз «фиаты» не бежали, как обычно. Они навязывают бой, хотя уже не один их самолет отправился

к земле. Скоро все выяснилось: на большой высоте холодно блеснули серебристые крылья незнакомых самолетов. Их было восемь. Они шли плотным клином. Это были новейшие «мессершмитты». Итальянские летчики вышли из боя и стали наблюдать, как немецкие асы будут расправляться с маленькими И-15. Это была их ошибка. На помощь товарищам пришла эскадрилья монопланов И-16 Бориса Смирнова. И вот сбит первый фашист. Это решило исход боя. Немецкие асы оставили небо...

Вальтер Францевич вернулся в СССР, преподавал в аэроклубе имени Чкалова, а потом, когда началась Великая Отечественная война, участвовал в битве под Москвой.

Удивительно, до чего же живуч АН-2! Теперь тюменские летчики летают на самых современных самолетах и вертолетах, а маленький трудяга все пашет над необозримыми тюменскими хлябями. Но придет и его черед прощаться с небом. И хочется, чтобы тюменцы оставили хоть один из них на память о тех, кто первыми осваивал северные трассы, на память и о Вальтере Францевиче, который работал на этих трассах до последнего дня.

Его нет больше. Однажды отказало сердце. Он не любил беспокоить врачей. Да какой летчик любит обращаться к врачам?

До больницы не довезли. Советский гражданин австриец Вальтер Францевич Короуз, уроженец далекого Линца, навсегда в тюменской земле...

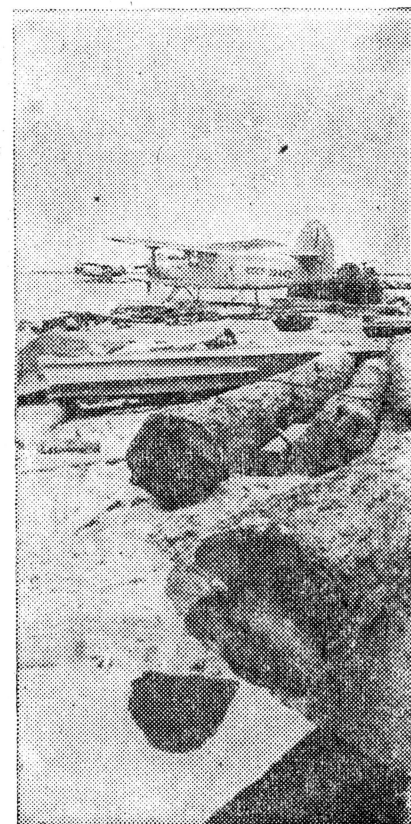
А наш полет заканчивается. Вот и устье реки Таз, похожее на море. У районного центра самолет аккуратно садится на воду и бежит к берегу. Скоро пассажиры уже были на земле.

Трудяге АН-2 — в обратный путь. Чистого тебе неба и мягкой посадки, пилот!

В. Ф. Короуз,
1960 год, Краснотурыинск

Гидроплан АН-2
у причала Тазовского

СЛОВО О БРАТЕ

Зинаида
ШИПАНОВА

Все произошло случайно. После странствий вернулась я в город детства — Уфу и отправилась в гости к тете по отцу Марии Мироновне Харитоновой, восьмидесятилетней старушке. Встретила меня бодро — недуги ее не донимают, что объясняется просто: Мария Мироновна по природе своей из тех крепких русских людей, неистощимый запас духовных сил которых поддерживает в нужном равновесии организм. А ведь в годовые послевоенные годы Мария Мироновна работала матросом на барже.

Когда умер муж Марии Мироновны, на руках у нее осталось шестеро детей. Старшим был мой двоюродный брат Володя. Он учился тогда в седьмом классе. Жили в деревне Красная Поляна на Волге, откуда все мы вышли. В домашнем архиве Марии Мироновны сохранилась справка, в которой отражено то безрадостное для их семьи время. «Харитонова М. М. по состоянию здоровья является инвалидом 2-й группы. Имеет на иждивении шестерых детей. Все ее хозяйство составляет ветхий домишко и коза. Крайне нуждается в государственной помощи».

Детство мое можно назвать счастливым, как всякое детство, у которого есть рядом взрослые, добрые люди. Единственное, что огорчало, это медленное движение жизни, а потому ни в полярных экспедициях, ни в перелетах через Северный полюс в Америку, как Валерий Чкалов и его товарищи, участвовать мы не могли. Нас никто бы не взял в интернациональные бригады драться за Испанскую республику, хотя мы всей душой рвались туда.

Однажды мы с братом Володей возвращались домой. Шли крутой тропинкой в гору, а когда поднялись на высокий утес, оглянулись и замерли, пораженные как будто впервые открывшейся нам красотой неба и земли. Под серебристым, наклонившимся над спокойной землей небом расстилалась по-вечернему синяя Волга, такая широкая, что у горизонта почти соединялась с небом. Их разделяла лишь узкая темная полоса поголого противоположного берега. Туда, к нему, чуть видному, со всего

неба шли белые облака. У горизонта они собирались в большие тучи. В них, этих густых тучах, что-то двигалось, постоянно менялось, образуя то дивные сказочные замки, то свирепую голову льва. Что там, за этими облаками? Какая жизнь? Люди какие? Те неведомые моря и земли, о которых мы знаем из школьной географии и прочитанных книг?

Молодые силы жизни, созревающие в нас, острое желание добра переполняли наши сердца. Хотелось немедленно, сейчас же кого-то спасти, защищать, любить...

— Я буду писателем, — упрямо, краснея до корней волос, сказала я.

— Ох! Ох! Ох! — закатывался брат, — писатель! Ты уж не забывай нас, как станешь знаменитостью!

В душе ему я великодушно обещала.

— Ну, а ты, кем ты хочешь быть, Володя? — приставала я к брату.

Володя — тонкий, высокий мальчик-подросток с широкими, прямыми, еще не окрепшими плечами и крупной, подвижной, как у птицы, головой. Его длинные босые ноги выше щиколоток виднелись из коротких для его роста, узеньких штанов. Спокойно Володя ходить не умел. Он — летал, будто совсем не касаясь ногами земли. Постоянно что-то выдумывал, делал: то запускал в небо бумажного змея, то устраивал соревнования на ходулях или же учил нас делать стойку на руках. Мы больше всего любили, когда Володя, нарезав на берегу речки за огородом нашего дома гибкой лозы, делал нам луки и стрелы. Это было самой увлекательной игрой — пускать стрелы из лука в белые бумажные круги, развешанные на широких воротах дома.

— Я буду военным! — сверкнув шустрими карими глазами, отчеканил брат, с вызовом глядя на нас. Наверное, он думал, что мы будем смеяться, и приготовился защищаться, но мы посмотрели на него с уважением.

Мы знали, откуда появилось у Володи это желание. Когда мы были совсем маленькими, у нас в селе квартировали военные — высокие, сильные, румяные парни в острокопанных шлемах и длинных серых шинелях из толстого сукна. По ут-

рам они выбегали на улицу и, голые по пояс, умывались холодным жгучим снегом. А после завтрака, приготовленного нашей бабушкой, уходили за деревню в поле на военные занятия. Мы — маленькие бабушкины внуки, постоянно зимой обитавшие на большой теплой печке, через занавеску в щелочку наблюдали за нашими необыкновенными постоянцами. Позже, когда все уже освоилось и ближе познакомились, молодой командир с алыми квадратиками на воротнике гимнастерки дал Володе примерить свою буденовку с большой красной звездой над козырьком.

Мы чуть не разорвали этот необыкновенный головной убор, отнимая его друг у друга на печи, всем хотелось примерить буденовку. И пахло от нее чем-то особенным: полев, ветром и чем-то, что принес этот военный человек из неизвестных краев...

Я не видела, как уходил на войну Володя, — тогда жила в Уфе, еще училась в школе.

Я смотрю на портрет Володи — знакомое с детства задорное открытое лицо с коротким носом и широко распахнутыми, вобравшими в себя весь мир глазами, и думаю: почему, чем дальше уходит война, тем тяжелее нам без них, без мальчиков, мужчин, девушек, не вернувшихся с нее? В наших сердцах накопилось столько любви к ним, но ей нет иного выхода, кроме слез.

Мария Мироновна рассказывает: — Когда войну-то объявили, Володя и говорит: «Мама, я на фронт пойду». А я ему: «Что ты на войне делать-то будешь? Ты еще мальчишка, а на военном учиться надо. А ты, кроме Красной Поляны, нигде еще не был, ничего не видал». Володя стал в поле работать, сено возить, воду, снопы. Ну, а через полтора года и его время подошло.

Некоторые призывники оделись, как попола. Говорили, что все равно одежду придется бросить, как обмундирование выдадут. А Володя мой надел все, что у нас лучшее было. Пиджачок у него такой хороший, выходной был, брюки. Правда, сорочки подходящей не оказалось.

Я белую взяла, выкрасила в зеленый цвет. Краски не было, так я в огороде крапивы нарвала, натолкла ее в чугуно и скипятила в ней сорочку. Хороший зеленый цвет получился.

— Тетя Маня, — спрашиваю я, — где воевал Володя, где погиб?..

— Есть у меня письмо его товарища, нашего краснополянского парня. Вместе они были...

Мария Мироновна, надев круглые древние очки, соединенные тесемочкой на затылке, роется в комод и извлекает оттуда старый школьный учебник, а из него сложенные вчетверо, исписанные карандашом тетрадные листы.

«22/III — 1958 года (сколько лет пролежало в комод письмо!). Привет из Куйбышева! Здравствуйте, дорогая тетя Маня и все Ваши родные и близкие. Желая Вам всем вообще всего хорошего в Вашей жизни и Вашем здорювьи на долгие годы. Тетя Маня, первым долгом Вам сообщаю, что письмо я Ваше получил, за которое Вас сердечно благодарю и спешу дать Вам ответ.

Тетя Маня, очень жаль, что там в Вашем райвоенкомате не верят Вашим словам, словам матери, потерявшей на полях сражений в дни Великой Отечественной войны родного сына Харитонова Владимира Александровича 1924 года рождения, погибшего смертью героя в дни Великой Отечественной войны на Букринском плацдарме, на реке Днепр, в населенном пункте Григоровка Киевской области в начале октября 1943 года от прямого попадания мины, где и был нами похоронен, недалеко от местечка Городище Киевской области.

Тетя Маня, коротко опишу Вам наш совместный боевой путь. В августе 1942 года мы вместе были призваны в ряды Советской Армии и вместе попали по назначению в школу младших командиров, но не кончили школу и были направлены в действующую армию рядовыми солдатами на пополнение...

1942 год... Немецкие войска в 130 километрах от Москвы...

«...Мы с Володей попали в артибатарею, где и служили до последнего дня. Первое свое боевое крещение мы приняли при наступлении немецких войска на Орловско-Курской дуге. Наш полк, в котором мы служили, входил в состав 3-й танковой армии, которой тогда командовал маршал бронетанковых войска Рыбалко...»

Курская дуга... Три тысячи танков и около двух тысяч самолетов.

И в этой битве среди разъяренного стада «тигров», «пантер», «фер-

динандов», среди стреляющих друг в друга людей затерялся и мой братик (ах, если бы он мог услышать это нежное слово!). Харитонов Володя, волжский паренек с веселым лицом и звонким голосом, который очень ценится в артиллерии, где надо подавать громкие, четкие команды.

Я видела, я знаю, как идут в атаку танки. Как заполняется слитным гулом и дрожит придавленная их огромными телами земля, с какой непостижимой неотвратимостью двигаются, приближаясь к тебе, огромные стальные зубы — отполированные траки танковых гусениц — и ненасытно жуют и проглатывают все, что живет и дышит на земле.

«...С того дня, как мы вступили в ряды действующей армии, прошли славный боевой путь с Орловско-Курской дуги до Берлина. За что наш полк, в котором служил Владимир, был неоднократно отмечен в приказах Главнокомандующего и награжден орденами. Наш полк именовался: 22-й Краснознаменный, ордена Ленина, орденов Богдана Хмельницкого, Суворова 2-й степени, Киевско-Фастовский гвардейский мотострелковый полк. Харитонову Владимиру, наводчику противотанкового орудия, было присвоено звание младший сержант, и был он предоставлен к награждению орденом Отечественной войны 2-й степени за боевые заслуги на Орловско-Курской дуге...» Я представляю своего брата, дружиниста склонившегося у орудия, с лицом, черным от пороховой гари, молниеносно выхватывающего глазами уязвимые места в броневых листах вражеских танков и быстро крутящего руками маховики наводки орудия. И если Володей в то тревожное для страны время, когда ордена давали не так щедро, как в конце войны, наградили орденом Отечественной войны и произвели в младшие командиры, значит, он был достоин этого.

«...Но награду свою получить не успел. Приказ пришел на получение ордена после его смерти, так что командир части не успел вручить орден Отечественной войны 2-й степени гвардии младшему сержанту Харитонову, который отдал свою жизнь за свободу Родины в дни Великой Отечественной войны. Прошел не очень длинный, но по нашим боевым делам славный, героический путь. В его лице я потерял самого близкого друга — брата, с которым мы прошли до реки Днепр. На клочке земли, за который держались, на Букринском плацдарме отдал свою жизнь гвардии младший сержант Харитонов Владимир, девятнадцати лет. Вот коротко все, тетя Маня. Еще раз Вам большое спасибо за письмо. Желая Вам всего хорошего в Вашей жизни.

До свидания. Пишите нам. С приветом Николай Малужкин».

— Тетя Маня, вы никому не говорили насчет ордена? Никуда не обращались? — спрашиваю я мать Володи, тихо вытирающую кончиком платка слезы.

— Нет, а зачем обращаться?

Я помогла ей. Написала письмо в Министерство Вооруженных Сил. Все остальное было уже работой Ленинского райвоенкомата города Уфы, где недавно Марии Мироновне Харитоновой был вручен, как память о сыне, орден Отечественной войны 2-й степени.

Мы, все родственники, собравшиеся к Марии Мироновне по этому поводу, как дети, просим дать поддержать орден. Новенький, массивный, он красиво оттеняет серебристыми лучами Победы покоящуюся в них алую звезду. Мы говорим о Володе, вспоминая каждый, как помним его. Напротив меня за столом сидит красивый сероглазый паренек с выразительным ртом и аккуратной мужской прической. Это мой и Володин племянник. Он жадно слушает наши рассказы о своем дяде, задумчиво смотрит на орден. Он не знает, никогда не видел своего дяди. Он теперь старше его годами, а тогда его еще не было на свете. Он недавно вернулся из армии. Служил в группе советских войска в Германии, стоял на посту у памятника погибшим советским солдатам в Трептов-парке.

А потом мы с племянником поем наши любимые военные песни. Он пересаживается ко мне поближе, обнимает за плечи и, по-мальчишески смутившись, говорит: «Тетя Зина, и меня ведь Володей зовут...» И мне кажется, что мы говорим о брате не последнее поминальное слово, а самое первое, с сердца сошедшее...

АРИФМЕТИКА ПОДВИГА

**Александр
ШВИРИКАС**

*Рисунки
А. Банных*

Рев фонтана нестерпим. Быстрые тени скользят по перекрученным фермам, гуде труб. Остатки силового блока похожи на декорацию развалин из какого-то военного фильма.

Группа Григорьева проникает в опасную зону...

За двадцать семь лет с момента открытия березовского газа на карте Тюменской области появилось много месторождений нефти и газа. Николай Иванович Григорьев побывал на большинстве из них. В Березове он начал буровым мастером, за участие в открытии века награжден орденом Ленина. Но вот уже второй десяток лет у него другая должность — руководитель группы по предупреждению и ликвидации открытых (не управляемых человеком) фонтанов. Группа придана Главтюменгеологии. Большой частью — инспекционные, профилактические поездки с целью предотвратить возможные осложнения. Но когда все же стихии удастся перехитрить геологов, — с ревом вырывается из недр фонтан, жирное пламя начинает лизать северное небо. На языке официальных бумаг такой выброс именуется аварией № 1. Это значит: надо во что бы то ни стало накинуть смирительную узду на разбушевавшуюся стихию. Это значит — ты призван на ответственнейшую операцию, от успеха которой зависит многое.

Как подтягивает человека форма! Сугубо гражданский инженер Глыбчак, уже заметно раздавшийся, грузный, надев комбинезон и шлем, стал походить на кадрового офицера.

— Ну, как «телега»? — согнувшись и отодвинув наушник шлема конструктора, прокричал Григорьев.

Станислав Семенович неопределенно пожал плечами. Он тоже, как и Григорьев, чуточку суверен.

Странный наметился у них союз. Григорьев — практик до кончика ногтей: бурильщик, затем буровой мастер. Глыбчак — специалист, с хорошим дипломом, уравновешенный, замкнутый. Он умел облекать неясные, иногда очень приблизительные выкладки шефа в четкие линии чертежа. А шеф за идеями в карман не лез. Так они придумали и смастерили целый арсенал приспособлений для работы на фонтанах. Но что прежде в сравнении с установкой, которую Григорьев так пренебрежительно назвал сейчас «телегой»! Идея такой установки уже несколько лет не давала покоя Николаю Ивановичу.

Пока еще никто не придумал, как давить фонтан, чтобы в момент штурма в опасной зоне не находилось по крайней мере человек десять: крановщики, лебедчики, механизаторы. Именно в это время при посадке герметизирующей компоновки на устье может грянуть взрыв.

Николай Иванович решил: никто не станет ломать голову над его проблемами. И он не давал покоя ни себе, ни своему «конструкторскому бюро» — Глыбчаку.

Они сразу приняли за основу управляемый дистанционно агрегат, который позволит наводить установку с безопасного расстояния. Вначале сделали макет, потом опытный образец. Провели репетицию на полигоне. Фонтанировала вода, нагнетаемая мощной пожарной помпой. Испытания провели с помпой, — шутил Григорьев, довольный. Но на полигоне они все же не смогли воссоздать реальной атмосферы газового выброса: вода не взрывается. Окончательно решить вопрос о пригодности конструкции можно только там, где «газу до отказа», то есть на стоящем фонтане.

Вот почему и прибыла сюда установка транспортным самолетом из Тюмени.

— Запрячь бы нашу «телегу» иначе! — прокричал Глыбчак на ухо Николаю Ивановичу. Станислав Семенович исчеркал блокнотный листок быстрыми штрихами. То, что он рисовал, озадачило Григорьева: совсем другая схема. Конструктор предлагал систему блоков и тросов.

Глыбчак протянул блокнотик. Николай Иванович отмахнулся от него, как от назойливой мухи, и вдруг, не сказав ни слова, развернулся и размашисто зашагал к кюрию.

Николай Иванович понял: Глыбчак не чудил. Вариант, возникший на месте, сведет к минимуму риск тех, кто обслуживает установку. А это все же главное!

Блоки-ролики уже покорили его. Только вот устанавливать их надо немного иначе... Григорьев поднял голову, промеривая взглядом расстояние до «телеги». Фонтан гремел ровно и мощно. Было в нем метров шестьдесят высоты. Вода, смешиваясь с газом под большим давлением, всегда становится молочной. И этот огромный газовый столб бел, как снежные вершины гор. Вдруг столб окрасился в грязновато-серый цвет. Из него во все стороны начали выпрыгивать черные точки, словно перезрелый колос осыпался. И странно было видеть в расплавленной от зноя тайге куржак, и жутко слышать разъяренный рев неукротенной стихии. Но человек в танковом шлеме уже бросил вызов фонтану.

Ликвидация намечена на завтрашнее утро. Глыбчак за день подготовил все вместе с добровольцами. Вечером перед штурмом члены группы собрались в вагончике, служащем и штабом, и жильем. Натянули простыню на стенку — экран. Привлек, конечно, не фильм, а возможность вместе провести долгий вечер перед решающим поединком. Ждали Григорьева.

Он появился улыбающийся, в вышитой украинской рубашке. Под мышкой «Две Дианы», авантюрный роман, который почему-то всегда брал в такие командировки. Все расселись на нижних полках вагончика в ожидании фильма.

Застрелотала «Украина». На экране носатый злодей схватил ружье и, прячась за выступ скалы, долго целился в главного героя, очень смешно дрожа от ярости. Наконец все же выстрелил, да так оглушительно, словно ухнула «сорокопятка» где-то поблизости. Все заулыбались — забавный и неожиданный трюк — и тут же поняли, что этот звук к фильму отношения не имеет. Разом похватили с гвоздиков каски, шлемы и бросились из вагончика. Остался в нем лишь Скорняков, да несколько минут еще работал аппарат, раскручивая дальше лихой сюжет.

Лишь только выбежали на открытую площадку, Григорьев сразу увидел: у основания струи возник «фитиль» — яркий участок высокого давления в газовой среде.

На многих фонтанах видел их Николай Иванович, и самой причудливой формы. Но такого еще не встречал. И по форме, и по цвету он напоминал полиэтиленовый бочонок.

Фонтан опередил их! С отстрела превентора начался их тщательно разработанный по минутам план операции. Удалить его надо так, чтобы не повредить фланец трубы, на которую будут ставить новое герметизирующее устройство. Теперь же, после пушечного выстрела, вы-

званного прорывом пробки из камней, повреждена и не может быть использована вся верхняя часть колонны.

Николай Иванович резко остановился. Теперь можно не спешить. Растерянно поглядывали на фонтан остановившиеся рядом с Григорьевым помощники. Стихия спутала все карты группе.

Григорьев первым повернул обратно. За ним понуро двинулись остальные. Все их усилия, долгая, кропотливая подготовка оказались напрасными. Назначенная на завтра операция откладывалась. Но, шагая в штабной вагончик, Николай Иванович уже знал, что делать. Надо развеять миф о непогрешимости избранного ими раньше варианта, доказать, что на старом плане свет клином не сошелся. Тогда он сможет заставить всех интенсивно искать новое решение. Так не раз бывало с ним в армейской разведке: тщательно разработанная операция в последний момент срывалась, и тут мгновенно находился другой ход. Они отступали, но разные бывают отступления.

Ребята сидели на скамьях вдоль стен, словно десантники перед прыжком. Григорьев поднялся, оглядел своих товарищей и вдруг весело сказал:

— Нет худа без добра. Фонтан, считайте, дружескую услугу оказал. Все равно порвало бы эту колонну. Так уж лучше сейчас, когда мы можем тут же поправить дело.

Но на душе было тревожно. Разрушенная колонна ставила под удар приспособление. Нетерпение изобретателя, личное самолюбие — всем этим можно было поступиться. Но отказ от испытаний надолго задержит дальнейшее продвижение установки, которую ждут во всех геологических управлениях страны. Давнишний спор из-за блоков-роликов казался теперь пустяковым. Станислав Глыбчак сказал, откашливаясь:

— Надо хвататься за другую колонну.

В словах главного конструктора Григорьев уловил потаенный смысл: захватное устройство установки предназначалось для колонны только одного диаметра — подгоняли под самый распространенный калибр. Значит? Станислав Семенович спокойно выдержал устремленный на него негодующий взгляд.

— А вот как хватать, треба еще подумать. Где найти тот ухват?

Он неторопливо изложил суть модернизации. Для посадки установки на другой диаметр надо лишь сделать переходную катушку, выточить новый фланец. Конечно, точности особой не жди. Да уж фансонить тут ни к чему. Подходящий станок — только в поселке нефтеразведчиков.

— А я сюда не на экскурсию, между прочим, приехал, — раздался с верхней полки спокойный, ничуть не сонный голос Скорнякова.

Григорьев расцвел от удовольствия. Еще в Березове, где начинал Николай Иванович, прославился Виктор Скорняков тем, что единственный из местных токарей точил сложные переходники. Обычно Скорняков оставался в Тюмени, выполнял заказы группы. А нынче вместе с шефом собрался в отпуск, а угодил на фонтан.

Скорняков шумно вздохнул и начал по-настоящему укладываться спать. С первым же рейсом вертолета ему лететь в поселок. А там уж не до отдыха. Напарника сыскать вряд ли удастся. Впрочем, дело знакомое — за двадцать лет чего только не бывало в разведке!

— Ничего! Не впервой жить в каменном веке, — сказал Борода, хитро посмотрев на Григорьева.

Звали парня Иван Чередниченко. Но даже в штабных документах стал он проходить как Борода.

Настоящий вышколомонтажник должен раз в неделю крепко подержаться за лопату. — Он произнес это без особой бравлады. Видно, и впрямь доставалось ему на таежных точках, когда бульдозер выходил из строя.

— Там не так опасно, как кажется, — подбодрил начальник штаба. — Для камней это — мертвая зона. А возле самой струи — все равно что вблизи от пушки. Докопаетесь до нашей колонны, сделаете настил — ровенький-ровенький, как для самой строгой комиссии.

— Это чтобы установку не кренило? — осведомился

Борода и снова уставился на Григорьева голубыми глазами.

Этого бригадира вышкомонтажников Григорьев выдел сразу: под командой Чередниченко растаскивали по частям искореженную фонтаном вышку, расчищали поле для аварийной группы. Сделано все было чисто и избре- тательно. А каково Ивану уничтожить свой труд: несколько месяцев назад его бригада монтировала этот станок.

Иван пошел собирать свою команду, и Григорьев, выдав задание остальным взводным, поспешил проверить, как сделано ограждение на случай возможного взрыва.

Николай Иванович углубился в тайгу. Неждливое, жаркое для Приполярья лето высушило землю, и она растрескалась, как такыр. Ягель тоже высох и шуршал под ногами.

Григорьев шел вдоль распаханной бульдозером борозды.

Перекопано тщательно. Огню, если он возникнет, не перебраться через полосу, взявшую зону фонтана в кольцо. Вывороченные деревья вздымались корневищами угромо и настороженно, словно противотанковые заграждения.

Замкнув полный круг, начальник штаба вышел на «арену», где полным ходом разворачивалась подготовка штурма по новому сценарию. Возле устья копошились ребята под предводительством Ивана Чередниченко, дела совковыми лопатами углубление.

Несмотря на зной, песок влажен, и в яме тут же выступала вода. Ребят обдувало, как возле сопла самолета. Брезентовые курточки пришлось заправить в штаны да еще туго перепоясаться.

Григорьев выразительно постучал по циферблату часов. Они с Иваном договорились заранее: перерывы делать регулярно. Только так можно сохранить силы до пересменки.

Чередниченко тут же выкинул руки крестом, что на языке такелажников означает: довольно.

Ребята с готовностью составили лопаты, образовав пирамидку, напоминающую ружейную, и вместе побрели за насосный блок, где можно не бояться камнепада. Старшой неожиданно порыснул к специальному навесу. Разыскал помятую (видимо, камень отметил) флягу и понес ее к своим. В ней — фирменный «фонтанный компот» (Григорьев запретил пить сырую воду). Чередниченко сбросил флягу на песок и картинно отщелкнул крыш- ку, приглашая: налетай, хлопцы!

Сидящий на ремне трансмиссии, как на качелях, Анд- рюша Митрофанов даже сглотнул слюну и первым под- бежал к фляге. Выпив сразу две кружки, снова уселся на «качели» и заболтал ногами. Совсем молодой парень был буровым рабочим в вахте, допустившей фонтан.

Последним пил маленькими, скуными глотками Ана- толий Гаврилов, недавно демобилизованный солдат, ус- троившийся в нефтеразведочную экспедицию помощником бурильщика. Сам Чередниченко пить не стал вовсе. «Правильно, — еще раз порадовался Григорьев. — Сразу видно, бывал в передрягах. Ишь, борода, солдатская кос- точка! Подтянул хлопцев!»

Те, кого бывший руководитель этих ребят, боясь на- казания за аварию, аттестовал как «сбродную вахту», теперь под началом Ивана Чередниченко делали, пожа- луй, самую черную и самую опасную работу.

Григорьев решил: в день штурма возьмет Чередни- ченко с собой.

Григорьев одевался осторожно, чтобы не потрево- жить спящего под марлевым пологом, осыпанным ко- марьем, Виктора Скорнякова. Его будить нельзя: приле- тел поздно.

Николай Иванович вышел из вагончика. Дождь соби- рался не ко времени.

В этот ранний час можно хоть немного побыть одно-

му. Сегодня должно произойти то, чего ждали от группы Григорьева в главке, министерстве, то, что готовили сорок человек; вторую неделю упрямо работающие под обильным камнепадом.

Он подошел к установке. Она уже сориентирована на фонтан, лишь тросики пока лежали на песке. Через несколько часов канаты натянутся, как струны.

Настил возле устья сделан на совесть: борода со свирями орлами устроил настоящую танцплощадку. Свежеструганное дерево потемнело от масла, которым полили доски. Григорьев, отдернув брезентовый полог, зашел в островерхую палатку, где в ящиках хранилась разнообразная мелочевка: болты, гайки, шпильки, прокладки. Поднял лежащую на брезенте связку шайб, надетых на проволочное кольцо, стал перебирать их медленно и рассеянно, как четки.

Николай Иванович давно убедился: одна прокладка может напрочь сгубить операцию, не окажись она в нужный момент под рукой.

Григорьев посмотрел на часы. Его одиночество кончалось. В семь утра объявлен общий подъем и полная боевая готовность.

Нет, не четки перебирали сейчас пальцы начальника штаба. Гайки скорее походили на костяшки бухгалтерских счетов, и ложились они одна к другой в строгом согласии: все проверено, перепроверено, учтено...

Григорьев раскрутил над головой правую крагу. Трактор, стоящий в отдалении, быстро сделал разворот на месте, нарисовал на песке нечто похожее на мишень и подошел на отведенную ему позицию. Туда же подкатил, и второй «болотник», лопоча широкими траками. Быстро вдели тросы в ролики на всем пути установки.

Григорьев, широко расставив ноги, стоял, как капитан на качающейся палубе.

Ревет фонтан, грива его сегодня чуть склонена к болоту. Это на руку: камни падают в сторону, противоположную той, где находятся люди.

Начали!

Правая рука Григорьева застывает в воздухе и резко опускается вниз. Послушные сигналу, синхронно тянут тросы тракторы, и прямоугольная конструкция начинает двигаться на струю. Захват ее нацелен на ствол колонны, виднеющейся в прорыве недавно канале...

Скоро контакт.

Есть контакт!

Теперь установка прочно соединена с колонной. Можно осуществлять вертикальные и горизонтальные маневры. Сначала газ станет выходить через горловину превентора, а там, закрывая систему плашек, его отожмут в горизонтальные отводы, разделив струю. С этого момента фонтан считается управляемым. Но сначала нужно оседлать устье.

Крестообразный слиток металла — превентор — пошел на сближение со струей, вплотную приблизился к ней... Рассек столб газа, сам оставаясь неколебимым. И, как искры от наждака, брызнули «ручейки». Струя опала, утратив две трети своей высоты, расширилась, расплзлась, стала бесформенной. Так был и с водой на полигонных испытаниях. Разом все пространство возле устья наполнилось белесым густым туманом. Завеса газа позволяла лишь угадывать положение соединяемых деталей. Видимость, как в парилке, когда только что открыли вентиль. Самое страшное, если, действуя наугад, Глыбчак, стоящий на пульте, просчитается и с силой столкнет фланцы превентора и колонны. Вот тут и может грянуть взрыв!

Ждать, пока туман рассеется?

Григорьев раздумывал лишь несколько секунд. На отработанном до тонкостей условном языке он сообщил Глыбчаку: «Продолжай маневр» — и, вдохнув воздух полной грудью, бросился в этот туман.

Взрыв мог последовать каждую секунду. Это знали многие из тех, кто пытался разглядеть Григорьева в плотной завесе. Рука Глыбчака на пульте онемела.

Непросто двинуть рычаги! Но и медлить конструктору нельзя. И Глыбчак чуть-чуть подал ручку вниз, направляя превентор к центру. И тут же другой ручкой сократил расстояние между фланцами.

...Первыми возникли на полотне кадры, снятые уже на цементировании управляемого фонтана — заключительном эпизоде «сценария». Крупно — манометры с сумасшедшими скачками чутких стрелок. Водители цементировочных агрегатов напряженно смотрят за шлангами, по которым закачивается раствор. Шланги пульсируют. Даже стальные трубы на козлах вибрируют от огромной нагрузки. На приборах стрелки ползут к критическому делению, обозначенному черной чертой.

Общий план, снятый с верхней точки: в продуманном порядке выстроились возле устья КраЗы, бульдозеры, автокран. Вот видно, как ненасытная скважина выпивает искусственный водоем. Тут же заработала центробежка, установленная на резервном искусственном озере. Оператор подсмотрел и этот момент.

Технические характеристики, короткие комментарии, которыми скупое сопровождает киносюжет Григорьев, впечатляют не меньше, чем сама лента.

Демонстрация фильма продолжается.

Появляются и обещанные Григорьевым кадры — фонтан, «фитиль», похожий на полиэтиленовый бочонок, и установка.

Время раскручивается вспять. На молочно-белый фитиль движется, управляемое с пульта сооружение.

Фиксатор упирается в трубу. И тут пространство экрана заполняется густой пеленой. Это газовая завеса держится на экране, как тогда на «арене». По команде с пульта превентор начинает маневрировать.

Струя резко подпрыгнула вверх, но уже поздно. Все видят, что она бьет теперь через превентор, — и, значит, участь фонтана предрешена.

Туман постепенно рассеивается... Но что это?

Рядом с установкой, в центре возможного взрыва, человек в шлеме! Неужели он был здесь все это время?

Григорьев сконфуженно кашляет. Теперь надо объяснить, что он все же увидел то, что не зафиксировала бы и самая чувствительная пленка. Он вынес из удушливой завесы газа крупицу нового знания, необходимого для того, чтобы избавить других от риска. В разведке — как в разведке.

«ТЫ ЗАМЕНИШЬ ЕГО...»

Николай
ГОЛОВИН

Старшина запаса Николай Дмитриевич Головин был командиром орудия танка Т-34 в 63-й гвардейской Челябинской танковой бригаде 10-го гвардейского Уральско-Львовского добровольческого танкового корпуса. Этот корпус входил в состав 4-й гвардейской танковой армии, которой командовал генерал Д. Д. Лелюшенко.

Воспоминания свои Н. Д. Головин писал в 1946 году.

Впервые о Николае Головине я узнал от генерал-майора М. Ф. Коротеева. Сообщая фамилии танкистов, участников освобождения Праги, он писал мне: «Свяжитесь с Головиным Николаем Дмитриевичем. Он живет в Керчи, на улице Горького, д. 15, кв. 16. Исключительно меткий стрелок из танковой пушки!» Последнее время Головин работал мотористом рыболовного судна и по несколько месяцев находился в плавании. Часто письма от него приходили из-за морей и океанов. Потом он передал мне свои воспоминания, которые я подготовил к печати. Славный боевой путь прошел комсомолец Головин от Украины до Берлина и Праги. Он награжден орденами Славы 3-й степени, Отечественной войны 2-й степени, Красного Знамени, чехословацким орденом Боевого креста, медалями «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» и другими.

Н. ЕМЕЛЬЯНОВ,
г. Львов

Весной получили новые танки Т-34—85. Сильная машина! Если 76-миллиметровая пушка пробивала «тигра» с четырехсот метров, то 85-миллиметровая — с тысячи. Немцы были близко от Киева. По ночам полыхали зарева пожаров.

Но мы уехали в другом направлении, к городу Славути. Выгружались ночью, через два часа двинулись к фронту.

Снег сходил быстро. На дорогах непролазная грязь. Танкам не препятствие, но автомашины застревали. Я впервые увидел, как тяжело солдатам идти по слякоти, нести оружие, выручать застрявшую технику... Тяжел солдатский труд. А наступать надо. Наш танк шел в колонне замыкающим. Мы видели, как сильно теснят фашистов. Сколько техники побросали они!

Догнали свою бригаду недалеко от Подволочиска, а 1-й танковый батальон в селе Скорики. Оно находится километрах в десяти севернее Подволочиска, куда шла наша 63-я гвардейская бригада. Это была Тернопольская область, одна из первых западных.

Только прибыли в Скорики, как узнали, что первый танковый батальон понес потери из-за ошибки майора Гоя. Гой, видя, что танкисты смертельно устали после боя, разрешил им отдохнуть. Фашисты в это время подняли к Подволочиску силы, укрепились. Они расставили противотанковые пушки в засадах, замаскировали, и, когда разведывательная группа вошла в город, несколько танков попали под огонь. Командир был ранен. Непростительное расслабление!

Танки батальона стояли в километре от Скориков. Готовились к атаке. Комбат меня вызвал и сказал, что в танке Бондаря погиб башнер, я должен его заменить.

Бондарь мне понравился, оказался веселым парнем. Он серьезно спросил меня: знаю ли я пушку, снаряды, могу ли открывать клин затвора. Я в его глазах выглядел мальчишкой — был щупленьким и небольшого роста. «Ладно, — сказал он, послушав меня, — открывай затвор, готовься. Атака будет серьезная». Не успел я познакомиться со стрелком-радистом, как командир за-

кричал: «Вперед! Башнер на место! Заряжай!» Машина с ревом рванулась вперед, ломая мелкие деревья, пробиваясь из леса. Мы шли в атаку. Впереди обозначились окопы противника. Вижу, фашисты бегут по полю к ближайшему лесу. Лейтенант кричит: «Осколочными!» Я даю осколочными...

Вдруг из леса вырываются шесть «тигров» и две «пантеры», с ходу открывают ураганный огонь по танкам. Застучали и противотанковые пушки.

Я впервые участвовал в танковом бою и, конечно, боялся, что снаряд раздробит броню. Кругом стоял сплошной гул. Поле покрывал густой дым. Горящие танки с грохотом взрывались, отбрасывая тяжелые башни. Вот «пантера» увлеклась перестрелкой с «тридцатьчетверкой», а нас не заметила. Мы врезали ей бронбойным снарядом, загорелась.

Увлечшись, потеряли ориентировку. В перископе увидел, что наших танков близко нет. Взглянул назад, сердце сжалось от боли — горят четыре «тридцатьчетверки», автоматчики расстреливают их. Погибли танкисты.

Бондарь решил вывести танк из-под огня. У меня кончились снаряды, открываю крышку, беру осколочный, и вдруг — ослепительная молния, треск. Пришел в себя, вижу, что из-под моторной перегородки — черный дым и огонь. Я к Бондарю — под ним кровь. Неподвижен и радист. Присмотрелся — убиты.

Я поднял пистолет лейтенанта. Огонь в танке разгорался, я стал задыхаться от едкого дыма. Открыл люк, по башне застучали пули. Загорелась одежда. Я сделал резкий рывок, вылетел из танка, ударившись об землю.

Фашисты били из пулемета. Прячась, пополз к носовой части. В броне — дыра. Танк горел. Зная, что он скоро взорвется, я побежал. Вдруг из-за танка выскакивает немец с автоматом. Не сразу сообразил, что делать. Немец тоже застыл, как столб. Секунду смотрели друг на друга. Я первым вышел из оцепенения, выстрелил. Немец схватился рукой за грудь, рухнул...

Танк пылал, как костер. Густой черный дым расстилался. Маскируясь

в дыму, я побежал. Впереди увидел окоп, прыгнул в него. Раздался сильный взрыв: в танке оторвало башню. В дыму мою пробежку гитлеровцы не заметили. Около леса увидел «тигра». Видно, он и ударил по нашей машине. По полю уже ходили фашисты, подбирали своих раненых.

Осторожно выглянул из окопа. Четыре «тигра» и три немецких самоходных орудия — «фердинанды», а за ними автоматчики. Двинулись, значит, в контратаку. Через мой окоп перепрыгнул фашист с автоматом. Шум моторов стал утихать.

Скоро снова загудели моторы. Два «тигра» шпарили назад. Самоходок уже не было. Многие автоматчики бежали без оружия. Среди них взорвалось несколько снарядов. Я обрадовался: «Молодцы «Катюши»!..» Вскоре появились наши танки, наши автоматчики!

Одна «тридцатьчетверка» догнала «тигра» — ударила сзади. Выскочили три танкиста. Один побежал к моему окопу. Не успел я в него выстрелить, как он свалился на меня, но, видимо, смертельно раненный. Я выбрался из-под него, хотел взглянуть, а на меня прыгнул наш автоматчик, схватил за горло. Я ему свой заряженный пистолет пихаю в живот, мол, чудило, давно бы застрелил, а он, дьявол, и не смотрит на меня. Когда я уже поднес пистолет к лицу, он убрал руки. Кричу: «Я свой, не видишь, что ли?»

Наших танков не было видно — ушли в атаку. На поле горел «тигр», который зажгли наши танкисты. Я пошел в Скорики, там увидел майора Гоя. Доложил ему, что машина сгорела, экипаж погиб. «Твоя фамилия Головин?» — спросил комбат. «Да!» — говорю я. «Иди на танк, — и сказал мне номер. — Там ранен заряжающий и ты заменишь его». Снова атака!

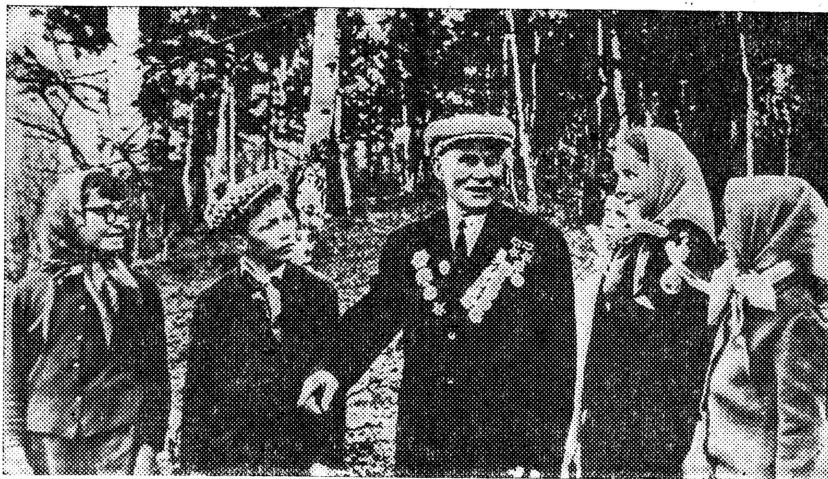
Уральский танковый корпус выбил фашистов со станции Подвололчиск и перерезал железную дорогу между Тернополем и Проскуровом (ныне Хмельницкий).

Много было потом боев. А все же знаменательно, что первый мой в жизни бой был выигран!

ПЕРВЫЙ

Николай
НОВЫЙ

Знаменитый милиционер П. Е. Пономарев с пионерами Старых Решет (снимок 1969 года).

Павел Елизарович Пономарев — первый милиционер, ставший Героем Советского Союза.

А в 1939 году прямо на боевых позициях за мужество и отвагу маршал Чойбалсан наградил его орденом Красного Знамени Монгольской Народной Республики.

Он — единственный из уральцев Герой Труда МНР.

...Старые Решеты. Горы, покрытые лесом. Железнодорожная ветка. Речка Решетка... Вот и деревянный дом с красной крышей, первый на улице Ключевской. Весь поселок отсюда — как на ладони. Красивое, ладное место выбрал Павел Елизарович. И жилье срубил своими руками просторное, крепкое. Здесь жил последние годы первый уральский милиционер-герой. Веду неторопливую беседу с его женой, доброй женщиной с простыми русскими чертами лица. «Пейте еще чаю. Кладите варенье», — хлопчет Анна Николаевна.

Скромная обстановка. Много цветов. На почетном месте — большая фотография мужчины в военной форме с двумя треугольниками в петлицах и золотой звездой Героя на груди.

...В четырнадцать лет Павел кашеварит в отряде Ивана Каширина —

у самого Блюхера. «У реки Белой, — писая полководец, — люди решили немного отдохнуть, помыться. В это время напали белые. Каширинцы выбежали голышом из воды, в таком виде вскочили на коней — и в атаку». Пашина кухня стояла у самой реки. Ну и загрохотали по ней из всех орудий. Как только жив остался! Тогда и первое ранение получил. А сколько их было потом — не сосчитать! С отрядом В. К. Блюхера дошел до Омска. Кашеварил, а между делом пулемет изучил, стал пулеметчиком. Кто знает, как бы все обернулось, не заболел в Омске тифом. Когда выздоровел, пришлось возвращаться домой. Едва только 15 стукнуло, в Луговой председателем комитета бедноты выбрали...

Кулакам он — как кость в горле. Избу его окружили, давай двери ломать, окна бить. Когда в окна полезли, выстрелил из нагана, распах-

нул дверь — и в темноту... Рванулся к саням, крикнул коням: «Пошел!» Началась погоня, да поздно. Через неделю вернулся в село с отрядом. На сходе сказал кулачю: «Не мешайте Советской власти! Ничего у вас не выйдет. Сметем!» И в 1927 году поступил в милицию. Выдали пальтишко да заячьи шкурки. Обшил ими — получилась шуба. Вот в такой шубе и ездил по району. Ловил воров, дезертиров.

...Ночью бандит поджег амбар с колхозным зерном. Павел погнался за ним. Конь у кулака добрый, а изгородь не смог перепрыгнуть. Свалился ездок. Лежа в упор выстрелил, но только шапку пробил. А шапка из заячьих шкурок — жалко... Связал беглеца, привез в лучшем виде в милицию...

Не ради славы милиционер Пономарев вступал в схватки, заглядывал смерти в глаза.

Весной 1939 года призвали Павла Елизаровича на переподготовку в Красную Армию. Долго жена не получала писем. А потом: «Ранен, лежу в госпитале в Улан-Удэ». 30 августа газета пришла с Указом Президиума Верховного Совета СССР о присвоении П. Е. Пономареву звания Героя Советского Союза...

...В мае 1939 года 82-я Пермская дивизия прибыла к монгольской границе. Сопки, песок. Более семисот верст проехал и он, пока не прибыл к маленькой речушке Халхин-Гол. Шестая японская армия дралась ожесточенно.

Во время одного из кровопролитных, изматывающих сражений, когда цепи самураев нескончаемой лентой надвигались на наши позиции, поливая их густым свинцовым дождем, оборвалась связь КП полка с подразделением. Возникла угроза окружения. Командир полка напутствовал: «Восстанови связь. И... постарайся выжить».

Ползком, захлебываясь песком и пылью, передвигался по линии. Провод... провод везде исправен. Вот и блиндаж. Здесь увидел растерявшихся бойцов. Командир и связист убиты. На исходе боеприпасы. А на горизонте — японские цепи. Вдруг звонок. Снял трубку, доложил: «Командир отделения связи Пономарев у телефона». «У аппарата Жуков», — услышал он в трубке. Сообщил о том, что командир и связист убиты. В подразделении осталось не более взвода солдат. «Командир отделения Пономарев, — твердо прозвучал в трубке тот же голос. — Приказываю вам принять командование на себя и во что бы

то ни стало продержаться до подхода наших. Отступить нельзя».

Японские цепи приближались. Как мог, ободрил бойцов. Потом расположил пулеметы так, чтобы с флангов простреливался лог. А цепям самураев, казалось, не было конца. Они шли уверенно. Вот они совсем близко. Пулемет вдруг замолчал. Осколок снаряда раздробил висок русоволового парня.

Пономарев поднялся во весь рост. Рукопашная! Он видел, как все, кто был в окопе, кто только мог подняться, бьют штыками неприятеля. Японцы не выдержали...

Да, командир отделения. Пономарев умел воевать.

...Темной ночью Пономарев на японском мотоцикле с двумя бойцами на предельной скорости проскочил передовые позиции. Японцы, очевидно, даже не поняли, что за мотоцикл и что за люди смело едут по расположению. А красноармейцы, действуя молниеносно, сняли у японского штаба часового, связали офицера, погрузили в мотоцикл и, выжимая из двигателя все, что только можно было выжать, под ураганным огнем вернулись, с «языком»...

И вот наступила та памятная ночь — с 12 на 13 июля 1939 года. Боевая задача была короткой: взять двух бойцов и — в ночной секрет. Залегли меж сопками. Напряженная, тревожная, обманчивая тишина. И вдруг из-за кустов шорох... Там передвигались люди. Сколько их? Сколько бы ни было, задержать и предупредить! Пономарев приказал одному бойцу двигаться к своим.

Неожиданно, как из-под земли, прямо перед носом выросли вражеские силуэты.

В первую минуту успел только подумать о том, что хорошо сделал, сняв шинель. Лежать на ней тепло и не так выделяешься на песчаном покрывале. Упал на землю, шепнул Абросимову: «Снимай шинель, ложись!» Да поздно. Скосила солдата пуля. Понял, что придется принимать бой одному. Прицелился по-лучше и выстрелил. Еще раз, еще. Потом в гущу самураев полетели гранаты. Решил сменить позицию. Поднялся, побежал и тут же упал. Резкая боль пронзила правую ногу. Ранен! И все-таки менять позицию надо. Пополз. Вдруг сухой щелчок: оружие отказало. Песок набился в затвор. А японец уже рядом. Молниеносным ударом штыка свалил его. Подполз к Абросимову. Взял винтовку и гранаты убитого товарища. Резкая боль обожгла правый бок. Еще рана. «Главное — не потерять сознание!» Кое-как штыком выкопал в песке укрытие. Японцы

стреляли, но атаковать уже боялись. Хотя дважды пытались подползти к окопчику. Остановил 16 убитых, 49 раненых — таков итог его ночного боя.

После войны — снова на пост...

Надо сказать, милиция тогда несколько неуклюжую форму носила. Правда, Павел Елизарович носил ее с каким-то особенным изяществом. И нелепые краги, и шлем «здравствуй и прощай» сидели на нем даже элегантно.

Однажды доставил в отделение подвыпивших фронтовиков. Ну, офицеров задержание, конечно, крепко обидело. Кричат Пономареву: «Окопался здесь! Тебя бы на фронт!» Павел Елизарович не спеша, молча разделся, причесался, взял планшетку и идет к столу. На груди сверкнула звезда Героя Советского Союза. Офицеры переглянулись, вскочили. «Садитесь, товарищи, садитесь!» — Павел Елизарович добродушно махнул рукой. Офицеры продолжили стоять. Потом высокий светловолосый капитан, запинаясь, сказал: «Простите нас, пожалуйста, товарищ капитан. Лягнули, не подумав. Обиды на сердце не держите!»

— Не в обиде дело. Честь фронтовика ронять нельзя...

...Был в Свердловске один крутой поворот. Водители его называли «петля смерти». Часто случались там аварии. Пономарев настоял, чтобы его на эту петлю поставили. И почти до пенсии там простоял. При нем не было ни одного несчастья...

РЕБЯТА ЗАВОДСКИЕ

Подлинные человеческие качества
проявляются в критические моменты жизни

Николай
КУЛЕШОВ

«Здравствуйте!

Пишу вам вот по какому вопросу.

Однажды я возвращалась из отпуска. В Волгограде моими попутчиками были трое командировочных из Серова. Ребята заводские. Двое — Виктор Ерошенко и Василий Кордюков — наверняка комсомольцы. Мы познакомились, поговорили, вскоре легли спать. В четыре часа утра произошло крушение: последние вагоны на крутом повороте отцепились и слетели под откос. Очнувшись в крошечной тьме, не в состоянии пошевелиться...

Если бы не было этих ребят, меня бы, наверное, не было в живых. Без посторонней помощи мне бы никак не выбраться. Считают, что подлинные человеческие качества проявляются в критические моменты жизни. Да, это так. Витя и Вася — прекрасные ребята. Истинные герои, без высокопарности. И я очень прошу вас не оставить это без внимания, рассказать о них. Ведь это очень подходящий воспитательный момент, подчеркивающий значимую роль комсомола. Я сама комсомольский работник и знаю: важно это.

...Совсем раздетые, босиком, почти полтора часа стояли они в снегу, помогая нам, откапывая вещи. Были очень собраны, успокаивали, ободряли, не давали падать духом. Помогли выбраться, донесли вещи, нашли место. И потом, когда все уже было позади и мы устроились в другом вагоне, как они заботились обо мне, насколько были внимательны!

Мне очень хочется отблагодарить этих славных парней.

НИНА ПОПОВА,

г. Усть-Каменск Челябинской области.

Ничего героического, человек как человек. Худощавый, среднего роста, неброская одежда. В комитет комсомола зашел, как, наверное, и сотни других, без шума. Прикрыл за собой дверь, поздоровался. Честно говоря, думал увидеть прямо-таки богатыря. Уверенного в себе, сильного, с блеском в глазах. Но и разочаровываться повода не было. Письмо рассказало о нем значительно больше, несмотря на скудость повествования...

Итак, Виктор Ерошенко. Обычная биография. Родился и вырос он в Серове, здесь же закончил металлургический техникум, недолго поработав на механическом заводе, ушел в армию. Служил в погранвойсках на дальневосточной границе. Закончил службу старшим сержантом, старшиной взвода. И сейчас дома висит мундир со значками «Отличник погранвойска», «Отличник Советской Армии», «Молодой гвардеец пятилетки...» Секретарь комсо-

мольской организации взвода, старшина отличного подразделения («Принял отличным и сдал его отличным»). Сейчас, с января нынешнего года, снова работает на родном механическом техникум-технологом («На работе все нормально»). А там, на далекой дальневосточной, комсомольца Ерошенко приняли кандидатом в члены партии. («Отлично помню весь этот день, ведь это было накануне XXV съезда КПСС».)

И еще. Он любит музыку, играет в эстрадном оркестре.

Вот, пожалуй, и все, что я узнал от него. Протянуть ниточку от какого-либо факта из биографии до той критической ситуации, в которой он оказался, вряд ли можно. Обычная все-таки биография...

То же и с Василием Кордюковым: и его биография могла бы уложиться в привычную: «Учился, работаю... приняли в комсомол... правительственных наград нет...» Василий живет в Серове, работает на механическом заводе, окончил школу рабочей молодежи, не так давно приняли в комсомол. Вот, пожалуй, и все.

...До этого момента они друг друга не знали. Познакомила их первая дальняя командировка. Да так, будто стали они родными братьями...

В купе попутчица вязала кофточку. Парни почитали на сон грядущий, когда утомились, улеглись спать. Старший уже спал. В купе, по обыкновению, было жарко («Постаралась проводничка!»). И сон парней, наверное, по этой причине оказался нестойким. Вышли покурить в тамбур, хлебнуть свежего воздуха. Приближалось утро. Погромыхивал состав, отмахивая километры долгого пути.

— Засыпая, я услышал какой-то странный шум позади состава...— Вот, пожалуй, и все, что помнит Виктор из предыстории той критической ситуации.

— То ли проснулся, то ли очнулся, сейчас, конечно, и не могу точно сказать. Темень, дышать почему-то нечем, во рту снег.

— Испугался? Наверно, не успел. Все произошло мгновенно.

Сквозь сон, конечно, слышал странный шум, непохожий на стук колес. Но это же не повод проснуться! На крутой дуге дороги сошел последний вагон. Потасил за собой предпоследний... Их вагон был «счастливым» — четырнадцатый. Оказавшись на боку, он еще тащился за составом, загребая разбитыми окнами снег.

— У меня торчали из снега только ноги. Нужно было выбираться, хотя и не знал, куда выбираться. Откопался.

И первое, что я услышал, был женский крик. Кричала Нина, соседка по купе.

Сейчас он считает, прикидывает, взвешивает. Там рассуждать и взвешивать было некогда. Отрезанным от мира четырьмя стенками купе нужно было выбираться из этого снежного плена.

Их купе было последним. Капал мазут с пола, ставшего вдруг потолком. Становилось влажно и душно. Спасением была дверь. К счастью, ее не заклинило, открыли, словно люк, и помогли в нее подняться Нине. В купе посвежело.

— Ребята, нужно искать документы и груз,— это был не приказ Пелевина, самого старшего среди них и старшего в их командировочной команде. То была просьба.

Да, теперь нужно было искать то, ради чего они ездили в командировку.

— Раскопали рюкзак, в нем был фонарик. Вот с помощью его и отыскали документацию и груз.

Только потом они принялись за поиск своего белья. Не заметив даже, что уже час босыми ногами месят сырой снег.

Обычные парни...

Возможно, кое-кому покажется, что ничего особенного в этом поступке нет. Выбрались сами, помогли другим. И все. Но они не растерялись! Да, так бывает в жизни: одного того, что парни не растерялись, хватило, чтобы спасти жизнь человеку. Жизнь!

Потом, когда мы разобрались во всем, я дал прочитать письмо Виктору. Он перевел дух, вспоминая пережитое.

— Да, наверное, каждый поступил бы на нашем месте так же...

Я бы хотел, чтобы его оптимизм восторжествовал. Хорошо бы, если б всегда и каждый был готов прийти на помощь!

А в Серовском горкоме комсомола только из Нинино письма узнали о заводских парнях.

— Вася руку об стекло поранил, но уж это мы потом, в другом вагоне увидели. А «снежные ванны», как пишет Нина, и для нас оказались с последствиями — лежали немного в больнице...

СПАСЕННЫЙ ХЛЕБ

Александр
ПУЗАНОВ

Рисунок
С. Сухова

— Как ты думаешь, могут нам дать тему о целине? — сын вопросительно смотрит на меня, а сам раскачивается на стуле, хотя я десятки раз говорил ему, что этого делать не надо.

— Про героизм, наверно, какая-нибудь тема будет.

— Геройское — это про солдат...

— А Чушкина помнишь?

— Который у нас ночевал? Седой такой, полный?..

— Ты все про него знаешь. Как работал, как хлеб спасал. Ни одна газета про его подвиг не писала, а ты возьми и в сочинении напиши. Если тема про подвиг будет.

...Я коротаю время на вокзале. За окном ночь. Когда кто-нибудь открывает дверь, в зал белесой волной вкатывается последний апрельский холод.

Чтобы отогнать дремоту, достаю из кармана телеграмму, перечитываю: «Поезд опаздывает буду Макушино шестнадцатого час ночи Чушкин». Поезд запаздывает здорово, и я начинаю нервничать.

Вот-вот должен подойти другой поезд. С него сойдет еще один человек. Его письмо тоже в моем кармане: «Благодарю, что не забыли. К 16 апреля приеду с алматинским в пять часов утра».

Если поезда придут одновременно, Чушкин и тот, второй, встретятся, узнают друг друга. А это в мои планы пока не входит. Или другой вариант: кто-то приезжает, и, пока я отвожу его домой, — прибывает другой поезд, а меня на вокзале нет...

Я почти засыпаю, когда хриплый репродуктор вдруг встряхивает меня и моментально поднимает на ноги. Я мчусь на перрон. Из вагона выходит человек. В желтой дубленке. Седые волосы, две вертикальные бороздки между бровями, раздвоенный, с яминкой подбородок. Не сразу я узнаю в нем того Эдика Чушкина, чей портрет был напечатан в районной газете четверть века назад...

...День в редакции начался, как обычно. Готовили материал в номер. Бегали к машинисткам и в типографию. Ждали свежую почту. Обратный адрес на одном из конвертов был: село Пески Поворинского района Воронежской области. А наше Макушино и от Кургана-то недалеко, нечасто нам шлют весточки из такой дали далекой.

Автор письма В. Ковалев сообщал редакции: «Эдуарда Ивановича Чушкина, о котором пойдет речь ниже, я знал еще до отъезда на целину. Уже тогда Чушкин был лучшим трактористом в МТС. Недавно у нас была конференция по книге Л. И. Брежнева «Целина», и я услышал от Эдуарда Ивановича историю о схватке с огнем. Мне хочется, чтобы ваша газета рассказала об этом случае и попросила откликнуться очевидцев тех событий. Думаю, что интересно будет вашим читателям».

Письмо селькора было напечатано, и вся редакция ждала, когда кто-то из участников описанного события отзовется и сообщит о себе. Воспоминания эти как нельзя кстати были бы накануне 25-летия целины.

Прошла неделя, минула другая. Никто не писал. Отк-

ликов не было. Зато снова пришло письмо от Ковалева: «Спасибо вам. Получил от вас весточку и Эдуард Иванович. У него есть страстное желание побывать на земле, где он по зову партии прокладывал первую борозду и которую обживал».

На приглашение ответил сам Чушкин: «Здравствуйте! Пишет вам Чушкин Э. И. Извините, не смог сразу ответить, так уж вышло. Большое вам спасибо за проявленный интерес к прошлому. В заметке, написанной В. Ковалевым, не называлась фамилия второго участника, прицепщика Алексеева Валерия Ефремовича. После вашей публикации я получил от него письмо. Он тоже рисковал при тушении пожара своей жизнью. Если вас устраивает, я могу приехать 10—15 апреля — как раз в то время, когда мы приехали в Макушинский район в 1954 году».

Я поехал в совхоз, на землях которого Чушкин поднимал целину. Неужели не найдется ни одного человека, который помнит тот случай?

Бывшего бригадира тракторной бригады Кузьму Васильевича Ковалева, однофамильца нашего корреспондента из Воронежской области, я нашел в Сетовном.

На кухне пятистенного дома хозяин подставил стул, сам присел на лавке у окна.

— Кузьма Васильевич, вы участвовали в освоении целины...

— Было такое, — коротко кивает хозяин и лезет в карман за папиросами.

Кузьма Васильевич сам по себе фигура. Судьба его с детских лет связана с землей. В 1928 году он, бывший батрак, выучился на тракториста, доверили ему по тем временам чудо-машину — «фордзон». В тридцать третьем, когда образовалась МТС, первый в округе тракторист стал бригадиром тракторного отряда. Землю-землюшку защищал Ковалев и в Великую Отечественную войну. А когда вернулся в родной край, уже на второй день снова был у трактора. Помнит и свою первую целинную весну.

Ему предложили возглавить первую тракторную бригаду. В нее вошли те, что приехали из Ставрополя, Шадринска, из Уральска и Кургана, из бывшей Балашовской области. Первый тракторист, первый бригадир, первые добровольцы... Это трудно, конечно, быть первым, трудно, но ведь и надо кому-то. Весной пятьдесят четвертого в полях, где испокон веков лишь ветер гулял по ковылю (не потому ли и деревня называлась — Серебряное?) да луговой кашке, земля готовилась принять первые семена пшеницы.

— Редко мы тогда бывали дома... Дневали и ночевали в поле. Радовались, что пашни становится все больше и больше. Тракторы были с иголки, плуга новые. А ребята — какие были молодцы!..

— В вашей бригаде работал Чушкин?

— Эдиком звали? Работал, как же. У меня на квартире все те годы жил. И старуха подтвердит. Хороший парень был. Не пил, не курил. Трудолюбивый шибко! Еще мотоцикл ему продали — тогда большая радость, сейчас легковушки не так ценят. Орденом его в 57-м наградили. Не помню каким, а врать не стану...

Спрашиваю как бы мимоходом:

— А не помните такого случая, когда Чушкин с прицепщиком хлеб от огня спасали?

Ковалев долго смотрит в половицу, будто впервые увидел ее и крайне заинтересовался.

— Хлеб, говоришь, спасали? Нет, такого не помню. Врать не стану, а не помню.

Снова молчит, достает из пачки папироску. И я молчу.

— А когда это было?

— Осенью пятьдесят шестого года. Уборка начиналась.

— Так в то время Чушкин уже в бригаде Сергунина Петра Евдокимовича работал. Он теперь в Шадринске живет. Адрес сейчас найду...

Родился Чушкин в 1934 году. Родина — село Пески Воронежской области. Закончил в школе всего четыре класса. И было это вскоре после окончания войны. Работал в колхозе — кто куда пошлет, а то и сам без приказа находил себе дело. Когда стукнуло четырнадцать, определился прицепщиком. Показалось, что толку мало: и от рядового ушел, и до механизатора не дотянул. Ни то, ни се.

Добился, чтобы послали на курсы трактористов. Совершил тогда год-другой набросил, чтобы не отказали. А справку с него потребовать не догадались. Или сделали вид...

Дали ему после курсов «Универсал». На нем и пахал, и землю готовил, и сеял. А зимой в вечерней школе учился. Закончил семь классов — по тем временам стал человеком очень образованным, не каждый председатель колхоза такой грамотой мог похвастаться.

Когда заговорили о целине, Эдуард пошел в райком комсомола. Там похвалили, одобрили, но... С отправкой не торопились. Уходили от прямого ответа: хорошие механизаторы и дома позарез нужны. А у ребят только и разговоров, что о целине. Самые горячие написали в ЦК комсомола: так и так, заминка получается. Интересно, сохранилось ли то письмо где-нибудь в архивах? Музей бы всесоюзный о целине создать, и вот такие письма — туда... А на самом видном месте положить комсомольскую путевку.

У Чушкина красная книжечка порядком пообтерлась. Дата выдачи в ней стоит: 4 апреля 1954 года. И еще вложено стихотворение:

**Многое забудем мы и сами —
Целина другая в эти дни,
Только ты путевку ту с годами,
Как солдат погоны, сохрани.
И, оптовской молодостью гордый,
Спросит сын тебя: «Как надо жить!»
Покажи ему не только орден —
И путевку эту покажи.**

О Чушкине много писали на целине газеты. Во все годы.

«...Трактористы Чушкин и Попов на ДТ-54 выработали уже 1700 гектаров. Взяли обязательство вспахать до конца года еще 900».

«...Комсомольско-молодежная тракторная бригада № 21, где секретарем комсомольской организации избран Эдуард Чушкин, добилась хороших результатов. Сам Чушкин выработал 1680 гектаров мягкой пахоты и сэкономил 32 центнера горюче-смазочных материалов».

«...Тракторная бригада Сергунина на полях колхоза им. Ленина наряду с уборкой успешно поднимает зябь... Товарищи Чушкин и Литов, работая на повышенных скоростях, ежемесячно вспахивают зябь на восьми-девяти гектарах».

В районной газете «Путь к коммунизму» за 26 декабря 1956 года целый эпизод рассказывается.

Все шло хорошо. Руки трактористов умело и точно устанавливали на свои места агрегаты сложной машины

ДТ-54. Очередь дошла до коробки скоростей. Прежде чем поставить на машину, Эдуард Чушкин осмотрел ее: все ли сделали монтажники? Вдруг, не веря глазам, обнаружил, что вместо нового подшипника поставлен старый, негодный. «Может, ошибся, — подумал про себя и еще раз внимательно осмотрел подшипник. — Нет... Старая деталь!»

Сергунин, возглавлявший работу сборочного узла, решил посоветоваться с рабочими: что делать будем? Надо во что бы то ни стало подготовить последнюю машину, иначе график будет сорван. Ребята остались у трактора. Машина была сдана комиссии в срок и с хорошим качеством.

Много писали о Чушкине.

Но нигде, ни в одной газете, никакого упоминания о пожаре...

А пожар был.

Чушкин принял трактор от сменщика вечером. Нырнул в кабину, включил скорость, прибавил газу — трактор вздрогнул и стал забираться влево, на ближнюю пахоту. Чушкин до отказа потянул к себе рычаг фрикциона, и машина волчком крутнулась на месте пять раз.

— Опять Эдик чудит! — перебросились парни на стানে.

Каждый день видят, а привыкнуть не могут никак. Чушкин не чудил, он проверял двигатель. Не заглохнет при пяти оборотах — значит, силен, можно загонять в борозду.

Проверил, соскочил на землю.

— Все в порядке? — спросил прицепщик Валерий Алексеев, которого все почему-то звали Олесей.

— Хорош. Пошли плуг регулировать.

Настраивать плуг он давным-давно научился мастерски. Сделает так, что трактор на повышенной скорости тянет, а пахота ровная и глубокая.

Бригадир Сергунин, дядя Петя, всегда придирчиво проверяет качество пахоты и всегда после проверки призывает:

— Где Чушкин — там мерить не надо.

Пахали зябь всю ночь. Утром, только стали подсобирываться на стан, приехал в ходке на лошади Сергунин:

— Смены нет. Приболел Толька. Попашите еще.

— Проголодались. А так что... Попашем.

— Сейчас привезу что-нибудь пожевать.

Через час появился с сумкой: варенье, яйца, две бутылки молока, хлеб.

Опять пахали. Круг за кругом. Был конец августа, а даже утром здорово припекало. День снова обещал быть знойным — воздух становился до того упругим, что распирало грудь и дышалось с трудом. Но хлебам это на пользу: быстрее подойдут — вон как начал отливаться золотом ближний массив! Лишь бы не прихватило зерно, не сделало щуплым, маловесным.

Пахали на участке между поспевающим полем пшеницы и болотом. В болоте высохшие будылья прошлогодней травы, бесчисленные кочки — недаром их звали Чертовы.

После очередного разворота Эдуард остановил трактор, вышел из кабины размять кости, глотнуть свежего воздуха. С хрустом потянулся — сказывалась усталость.

И тут увидел огонь... Пламя катилось степью — целиной от болота к массиву. «Откуда?..» — мелькнула мысль, и тут же вспомнил, что стояла на том месте с вечера «летучка», машина техпомощи.

— Ах ты... — выдохнул только. — Олеся, быстро на плуг!

Уже из кабины помаячил: крути, выглубляй. Трактор рванулся навстречу огню, оставалась до него сотня-другая шагов. Главное — не дать пламени набрать силу, перерезать ему путь. Одного прохода плуга будет мало, огонь все равно перепрыгнет пахоту, но чуток ослабнет, и пока приходит в себя, — есть возможность пройти еще раз.

Все время шли перед самым огнем. Фронт на сотни метров не был ровным, линия получалась кривой. Там, где пламя спадало, Олеся почти полностью выглублял плуг, и Чушкин бросал трактор к другому опасному участку. Олеся все время крутил колесо, сообразуясь с рельефом: если заглубить мелко — полоса станет ненадежной, если глубоко — двигатель заглохнет, и тогда огонь возьмет свое наверняка.

Порой огонь, прыгнув, как разъяренный зверь, оказывался рядом, набрасываясь на трактор, волной переваливал через него, проникал в кабину, и Чушкин переставал слышать шум двигателя. Когда вырывались из пламени, Эдуард на ходу выскакивал, чтобы посмотреть на прицепщика — как он? Тому обжигало руки, он нахохлился, выглядел черным вороненком. Тракторист трусцой бежал сбоку, смотрел на задний мост. На прицепной серьеге горела трава. «Хорошо, что на мосту нет подтеков. Хорошо, что нет подтеков», — бормотало в голове одно и то же.

— Эдик! Что-то делать, — кричал Олеся и тыкал рукой на серьгу, — делать что-то надо!..

Эдуард пригоршнями хватал землю за плугом и кидал под бак. Если взорвется — обоим крышка.

Позже, при встрече, я спросил Чушкина: как же у них обошлось? «Нас спасло, что одежда на нас не промасленная была и на тракторе не было подтеков, — ухаживали за ним каждый день».

На какой-то миг казалось, что наступили сумерки. Солнца не было — лишь на короткое время сквозь дым появлялся бледный диск, как при затмении. Хорошо, что ветер несилён. Все бы насмарку...

Наперерез полю во весь мах скакала бригадирская лошадь, запряженная в ходок. Но в ходке сидел, вытаращив глаза, не бригадир — другой мужик. Он сунул Эдику помятую бумажку. Чушкин схватил, развернул: «Эдик, опаша полюсу». Швырнул записку — она моментально взвилась и исчезла в клубах дыма.

Петр Евдокимович Сергунин, бывший бригадир дядя Петя, потом подтвердил:

— Да, так оно и было. Утром к кузнице чабан прибежал: болото горит. Я послал мужика с запиской к Чушкину, а сам бросился людей собирать. Погода жаркая, а меня озноб трясет: шутка ли — 400 гектаров спелого хлеба сгорит...

Олеся тоже подтвердит:

— Сроду не забыть тот день. Как вспомню — все перед глазами задний мост, а над ним бак. Руки трясутся, к колесу прикоснуться нельзя — до того накалилось. Самого взбудетенькивает (он смешно показывал, как его тогда встряхивало). Гудит под баком-то!..

...Окончательно они тогда успокоились, когда напротив главного огня опахали на два раза. Ослабшее пламя если и перескочит, — уже не так страшно.

Отъехали в сторону, остановили трактор. Пали на землю. Прискакал из деревни дядя Петя, бригадир, привел народ, у каждого в руках вицы — захлapyивать огонь. Глянул на парней, а сам все повторяет:

— Было бы делов-то... Делов-то было бы...

Те лежат, оба в саже, на лице одни глаза обозначены да зубы поблескивают.

— Цело, дядя Петя. И пшеница, и трактор...

Бригадир подошел к Чушкину, взглянул на его опаленные ресницы, брови и волосы на висках, ухватил пятерней за чуб, другой рукой обнял.

— А ты тоже здорово струхнул, — сообщил Олеся Чушкину, лежа на спине и глядя в ясное небо. — Лица на тебе не было. На меня-то откуда, интересно, такое мужество напало, что я с плуга не удрал? Ума не приложу...

...Когда опять подошла очередь Чушкину пахать, Сергунин сказал:

— Езжайте допахивать Чушкино поле.

— Куда-куда? — не понял Эдик.

— На поле свое, говорю, езжай! Не остались бы в живых — памятник поставили бы на то место.

— А как бы он выглядел?

— Машину щебенки высыпали бы на могилу, — подсказал Олеся, пока бригадир раздумывал над проектом памятника.

Юбилей целины праздновали в районном Доме культуры: Репродуктор распевал на всю округу: «Здравствуй, простор широкий!..» На заднике сцены было изображено море колосающей пшеницы, багровая заря и большие цифры: «25». Авансцену украшал огромный сноп, перевязанный красной лентой с надписью «Целинный хлеб».

В зале собрались первоцелинники, передовики производства, гости.

Кузьма Васильевич Ковалев привел с собой сына, зятя, двух дочерей и внука — все они прикипели к этой земле, продолжили династию хлеборобов.

— Кузьма Васильевич, вы помните всех своих трактористов? — спрашивает ведущий.

— Конечно, — отвечает Кузьма Васильевич.

— И Чушкин был среди них?

— Обязательно.

— Хотелось бы с ним повидаться?

— Какой разговор...

Эдуард Иванович крепко обнимает своего бригадира. А к ним спешит уже и другой бригадир — Петр Евдокимович Сергунин.

Хорошо, что тогда, на вокзале, их поезда пришли не в одно время!

А. Д' АКТИЛЬ

Марш энтузиастов

В буднях великих строек,
В веселом грохоте, в огнях и звонах,
Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна ученых!
Ты по степи, ты по лесу,
Ты к тропикам, ты к полюсу
Легла родимая, необозримая,
Несокрушимая моя.

ПРИПЕВ:

Нет нам преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака.
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесем через миры и века.

Нам ли стоять на месте!
В своих дерзаниях всегда мы правы,
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы.
К станку ли ты склоняешься,
В скалу ли ты врубаешься, —
Мечта прекрасная, еще неясная,
Уже зовет тебя вперед.

Создан наш мир на славу.
За годы сделаны дела столетий,
Счастье берем по праву
И жарко любим, и поем, как дети.
И звезды наши алые
Сверкают, небывалые,
Над всеми странами, над океанами
Осуществленную мечтой.

1936 г.

И никто не собьется

Поэтический клуб «Светунец» создан при Челябинской областной писательской организации два года назад. Он молод. И состоит в основном из молодых. Его создание было откликом южноуральских писателей на Постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью».

Клуб объединяет лучшие поэтические силы области. Произведения его участников публиковались в коллективных сборниках, выходящих в Москве и в местном издательстве, в журналах «Знамя», «Юность», «Волга», «Урал», «Уральский следопыт» и других.

Стихи молодых постоянно появляются на страницах областной периодической печати, звучат по телевидению и радио. За два года клубом подготовлен поэтический сборник «Светунец», страницы которого будут предоставлены лучшим произведениям сорока поэтов.

Название клубу дал сборник известного поэта-уральца Вячеслава Богданова. Своим девизом участники клуба взяли строки, обращенные к Родине: «И никто не собьется с дороги в неподкупном свечении твоём...».

*Геннадий СУЗДАЛЕВ,
руководитель клуба «Светунец»*

**Василий
УЛАНОВ**

Кровельщики

Обманчиво осеннее тепло:
сгустились тучи, небо потемнело.
К полудню снег на кровлю понесло,
сгребать его — веселенькое дело!
И стынет битум в варочном котле,
и рубероид не раскатишь круто,
Ему бы сутки полежать в тепле,
но дорога нам каждая минута.
А вдруг всерьез нагрянут холода?
Прогноз природы так непостоянен...
И вырастет у стройки «борода»,
которой нет ни в графике, ни
в плане.
И обжигал нас острый ветерок,
когда мы крышу все же в срок
накрыли,
растаял снег, и в золотистый рог
трубил октябрь, и дни, как летом,
были

**Павел
ОСТАНИН**

В парке

В нашем парке осень
разбросала краски,
грустно, но не очень —
день осенний ласков.
Внучка в шубке лисьей,
ежик — не Наташа,
вся в звенящих листьях
то поет, то пляшет.
Ловко бросит в просинь
и поймает мячик,
ей шестая осень
ничего не значит.
Ветер лист раздует,
соберет в охапку.
Мы сидим в раздумье —
дед ее и бабка.
Тихо вянут розы
в клумбе у калитки
и грустят березы
в бронзовых накидках.

С ДОРОГИ...

**Валентин
ЛЕГКОБИТ**

Я не привык в предсказаниях
божиться,

Только одно
Предскажу наперед:
Если в строке моей
Что-то родится,—
Что-то во мне отболит и умрет.
Слово «люблю» — исключенье.
И снова
Я повторял бы
Среди ночи и дня
Только одной
Это высшее слово,
Только одной,—
Что не любит меня.

**Владимир
КУРБАТОВ**

До ягод,
до ягод еще далеко.
Еще далеко до ручьев колокольных,
еще далеко до листвы беспокойной...
Да мало ль еще до чего далеко?
Но солнце встает высоко-высоко,
но дышится мне восхитительно-
вольно,
но сердце стучит непослушно-
разбойно,
и песня звучит окрыленно-легко...
Куда подевалась душевная боль?
Синоптики так объясняют явление:
сказался на нашем, друзья,
настроеньи

тот факт, что сегодня
на улице ноль!

Совсем не беда, что под снегом
земля.
Весна все дела начинает с нуля.

**Людмила
СОСНОВСКАЯ**

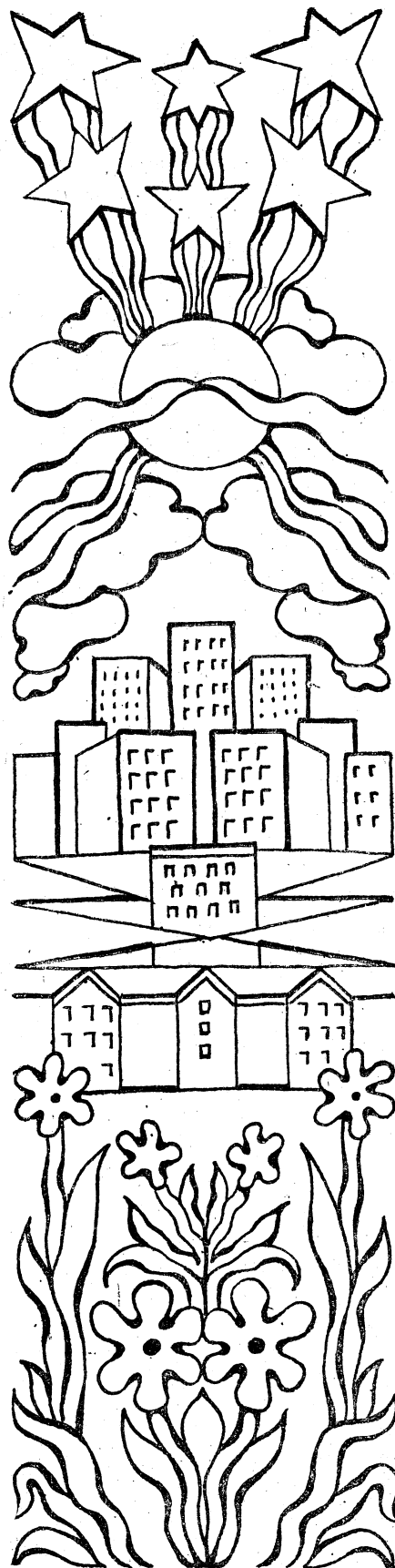
Звезда

Ночь высекала на небе искры,
домой пора...
И каждый шаг, как будто выстрел
в тиши двора.
А там, за месяцем, направо
горит всегда
Слегка торжественно и здраво
моя звезда.
И до рассвета будет грозно
за мной следовать.
Звезде, наверное, непросто
моею быть.

**Юрий
ЗЫКОВ**

Как странна слов иных природа...
Хотим того иль не хотим,
Любовь считаем женским родом,
А надо б женским
и мужским.
А может, в слове суть идеи
И следствие таких причин,—
Что женская любовь сильнее,
Чем то же чувство у мужчин?

**Евгений
МУРАВЛЕВ.**

Живу в селе, где люди окают.
И вдруг тревога западет,
Что я хожу вокруг да около
Их земледельческих забот.

Заваленный бумагаи грудами,
О поле затоскую вдруг.
И на току весь день орудую
Лопатой, рвущейся из рук.

Хлебнув зари арбузной алости,
Определяюсь в косари.
И наливаюсь я усталостью,
Меня бодрящей изнутри.

Цветущими пропахну травами,
Перекурю у озерца...
Так о селе дается право мне
Писать от первого лица.

Иду я полев рыжим, колким
И радуюсь, что привелось
Родиться на Руси,
В поселке,
Продутом временем насквозь.

Пусть в нем избы поредели
И тихо гложут вишняки,

Живут в нем при крестьянском деле
Мои родные старики,

И что, казалось, в век наш значат
Проселок,
Роща,
Крик грачей?..
А вот иду и чуть не плачу
От этих самых мелочей.

**Владимир
ЧУРИЛИН**

По веткам резко щелкала капель,
И, радугой выпячивая спину,
Бухарский кот обнюхивал апрель,
Из форточки являсь наполовину.

Голубизна раскалывала сад,
И, очумев зелеными глазами,
Кот целый мир баюкал на усах
И шевелил шикарными усами.

Магнитогорску

В приморье снег, как белый поролон,
Весь полон нарочитости и фальши.
Мне хочется свернуть его в рулон
И выкатить куда-нибудь подальше.

Как далека уральская зима,
Сугробы у запущенной запруды..
Я, кажется, и впрямь сойду с ума,
Коль завтра же не выеду отсюда.

А, впрочем, тут не климат виноват —
Мартенами, как звездами, мерцая,
Зовет меня любимый комбинат
И люди с очень сильными сердцами.

Там ждут меня ребята-слесаря,
Там звездными высокими ночами
В полнеба разливается заря
Над нашими багровыми печами.

Люблю тебя, трудяга-городок,
И, уходя в суровые походы,
Я верю, что любая из дорог
В конце концов ведет меня к заводу.

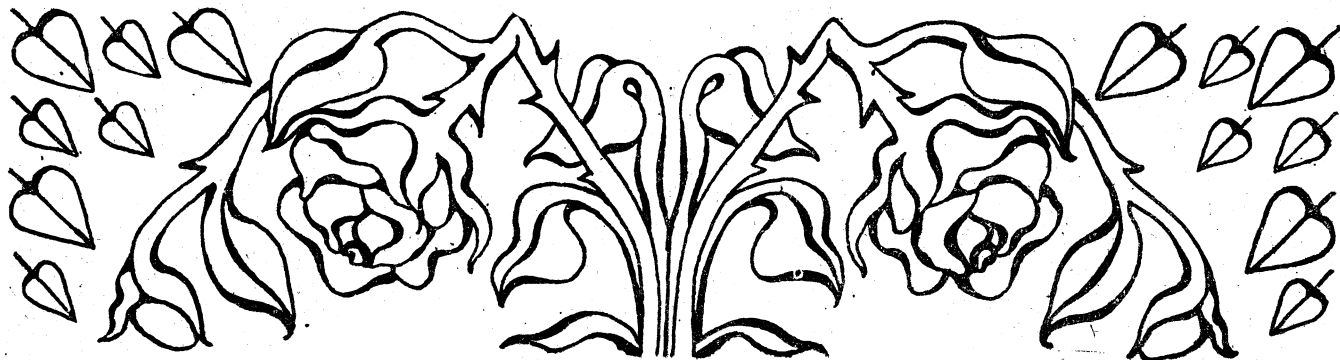
**Сергей
СЕМЕННИКОВ**

Какая ночь!
Какая тишь!
Звезда в окошке серебрится.
И мне нисколько не спится.
И ты, наверное, не спишь.

Луна печальна и нежна.
Далекий свет с землею дружен.
И он мне очень, очень нужен,
А ты еще сильнее нужна.

Необычайно чутье —
Такая тишь легла на крышу.
Я даже сердце твое слышу,
А ты, наверное, мое.

В душе уютно и светло,
Как после длительной разлуки.
Ох и ледышки твои руки,
Им на щеках моих тепло.

**НИКОЛАЙ
КОВАЛЕВ**

Первый снег

Он тихо падал в девичьи ладони
И постепенно от тепла сгорал,
А тучи, словно бешеные кони,
Неслись галопом к дымчатым горам.
Девчонка, глядя в небо, хохотала,
Снежинки приминая сапожком,
В пригоршни искры снежные хватала
И целила в меня пушистый ком.
Она дарила мне сиянье снега,
Как я цветы дарил ей по весне,
И рассыпались звонко брызги смеха
В ночной неповторимой белизне...
Потом она ушла в далекий город
И унесла туда свой чистый смех.
И снова снег мне сыпался за ворот,
Но это был не тот, не первый снег.

**ЛЕОНИД
КУЗНЕЦОВ**

Там, где лился пот с орды Батыя,
Сорняки колючие растут.
До сих пор в степных краях России
Лютые татарники цветут.

Предков кровь дала другие знаки:
С трепетом гляжу из-под руки
На поля, где пламенеют маки,—
Памяти народной костерки.

Как скала, навстречу черным силам
Родина вставала в час крутой!..
На виду веков стоит Россия,
Силу измеряя добротой.

**Александр
КОМИССАРОВ**

Несмеяна

Воды зеленое стекло.
Пожухлый лист на стылой ветке.
Рябины красные розетки.
Вокруг и тихо, и светло.

Вокруг и тихо, и светло.
Вот если б Сивку-Бурку свистнуть,
Его бока ногами стиснуть
И ускакать в свое село.

И ускакать в свое село.
Там, у соседского Лукьяна
Жена, царевна Несмеяна.
Лукашке сроду так везло.

Лукашке сроду так везло.
А ведь она меня любила,
Да погнала в дорогу сила,
И я ушел себе на зло.

И я ушел себе на зло,
А из окошка у Лукьяна
С укором смотрит Несмеяна...
Вокруг и тихо, и светло.

**Петр
БАЛДИН**

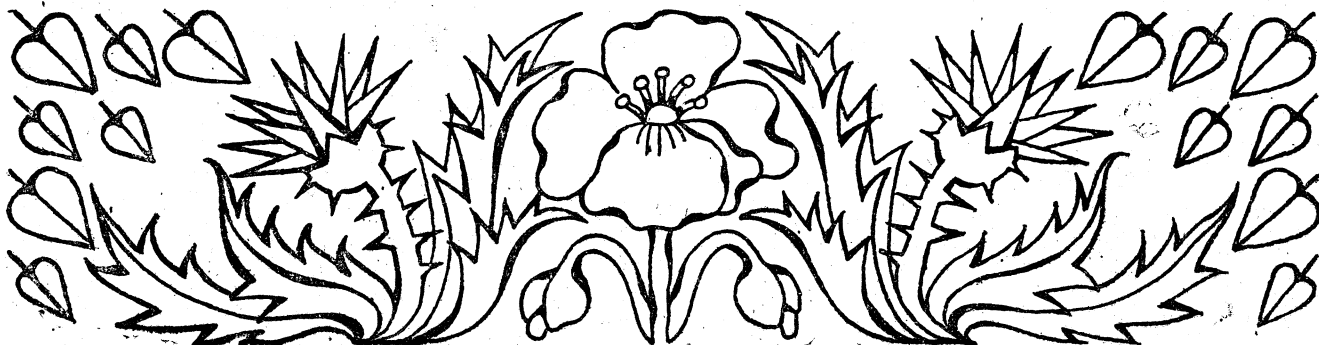
Святая новгородская земля!
Поклон твоим земным и чистым
лика!
За красной кладкой древнего кремля
Собор белеет над рекой великой.

Строители из русского села,
Пришедшие по князьему велению,
Не знали, что их мысли и дела
Переживут года и поколенья.

И здесь в исконно русской стороне
Досель смущают у приезжих взоры
Оставшиеся фрески на стене,
По-новгородски строгие узоры.

Я перед стариной ничтожно мал,
За горизонт ее уходят вехи.
Мне кажется, что храм в себя вобрал
Все вечное в невечном человеке.

Рисунки О. Аплесниной

ПРЕЗЕНТ

**Борис
АЛМАЗОВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

Я расскажу историю, которую слышал от своей бабушки, а потом во всех подробностях от стариков нашего хутора. Они так часто и так красочно рассказывали ее, что мне стало казаться, будто я сам был если не ее участником, то свидетелем. Будто все это случилось на моих глазах.

А связана эта история с моим дедушкой, Харлампием Прокофьевичем. Только тогда он еще дедушкой не был, потому что история эта произошла много-много лет назад, тогда его еще и по отчеству звали редко,

все больше по имени, по фамилии или по должности — сотник. Он был командиром вспомогательной казачьей сотни. Называлась она вспомогательной потому, что помогала Красной Армии ловить бандитов, которых оставалось много после гражданской войны. Эту сотню собирали по тревоге, когда красноармейцам нужна была подмога. Красноармейцы и милиционеры — ребята молодые, а во вспомогательной сотне служили опытные фронтовики. Мой дед, например, воевал уже десятый год (если, конечно, не считать отпусков по ранениям да кратких побывок между боями).

В ту пору шел ему тридцать шестой год и хоть был он рослый, крепкий человек, но служить бы уже не должен — и по возрасту, и по ранениям для службы не подходил, а самое главное — воевать устал!

Ни о чем он так не мечтал, как вернуться домой, повесить шашку и винтовку на стену, скинуть солдатские сапоги и пройтись босиком по теплым крашеным половицам. Сходить в баню, похлебать кислого молока, поиграть со своими тремя дочками, которых видел последний раз полгода назад. Но приказа о том, чтобы идти по домам, все не было и не было.

1

В погоне за бандитами зашли казаки далеко от родных станиц — в Брянские леса. Тут и застигла их зима. Зима и вообще-то невеселое время года, а когда зимуешь в чужой стороне, в сырой землянке, где со стен течет вода, да в чужих лесах, где нет привычного степного простора, а упирается взгляд, словно в забор, в частокол деревьев, и нет боев, а все ученья да ученья, и только воронье кружит над лесом да ветер воеет, вот тут-то и наваливается на человека тоска. И Харламий так тосковал, что комиссар боялся, как бы с ним от тоски не приключилась болезнь. Он следил, чтобы сотника зря не тревожили, и Харламий все свободное время старался спать. Потому что тогда время идет быстрее и снятся всякие сны. А что могло ему сниться, если он о доме думал? Дом ему и снился.

Снилось горячее солнце и высокая трава, которую он косит звенящей косой, снились розовые стены хат и белое кипение цветущих садов, снилась степь без конца и без края, с меловыми горами на горизонте. Снилось жена, которая, ласково улыбаясь, ставит на щелястый стол в саду чугунок с наваристыми бараньими щами, и золотые головенки дочек, и как они, стуча деревянными ложками, сидят вокруг стола.

Но Харламий просыпался и опять видел сырые бревенчатые стены землянки, а когда, накинув шинель, выходил на воздух, опять окру-

жал его чужой темный лес, снег, истоптанный в жижу конскими копытами, и стаи галок над соснами, и снова наваливалась тоска.

Настал март. Запахло весной. Зацвели вербы. У Харлампия сон пропал. Спать не может — так домой хочется. Посев скоро, а кому сеять? Жене одной не справиться! Тогда стал он все ночи напролет ходить. Километров за двадцать от лагеря уходил. Шагает по лесным дорогам, а сам про дом думает. Все ему кажется, что за быками он идет, на плуг тяжелый налегает и отваливается от лемеха влажный пахучий чернозем.

2

Вот раз под утро возвращался Харламий в лагерь. Зеленым весенним туманом охвачен лес, каждая почка набралась влаги, натужилась, чтобы скорее выбросить свежий пахучий лист.

Некурящий сотник особенно остро чувствовал все оттенки и волны запахов, которыми были полны кусты и деревья. И вдруг ветер донес до него еле слышный запах махорки. Это не был дымок от самокрутки. Так пахнет одежда у курящих, только сами они этот запах не чувствуют.

Харламий еще ничего не успел подумать, а тело его, привычное к войне, уже само делало все, что нужно. Он бесшумно лег в корни дерева и увидел, как из кустов вышли два человека. Первый нес винтовку со штыком.

«Часового убили,— понял сотник.— Лагерь без охраны».

Из лесу стали выезжать конные, показались подводы с тюками и тачанка. Банда прорывалась за кордон и напоследок решила разделаться с отрядом, где служил Харламий.

Может быть, одну или две секунды медлил сотник, прижимаясь к земле. Спасительная мысль, что он не вооружен, что он один и ничего не может сделать с сотней бандитов и поэтому лучше спрятаться, мелькнула в его голове. Он понимал, что если встанет, то жизнь его кончена и не видеть ему больше ни дома, ни детей... Но там, в землянках, были его товарищи, которых не меньше, чем его, ждали дома, и жить они хотели ничуть не меньше... И он встал!

Тенью пошел Харламий рядом с бандой. Бандиты стали строиться для атаки. Развернулась тачанка. Возница зажимал храпы коням, чтобы не заржали. Харламий оглушил его ударом в висок. Кони дернулись, но Харламий поймал дышло и огладил их. Потом осторожно вытащил у бандита шашку и наотмашь рубанул пулеметчика.

Развернул пулемет и огненной струей стал косить врагов.

Харламий стрелял и стрелял, а краем глаза

видел, как от землянок замелькали огоньки выстрелов.

— Что! Что! — кричал он, распаяясь от боя. — Не вышло!

И тут страшно ударило его в затылок и повалился он вперед, обхватив руками горячий пулемет.

Нет таких людей, которым бы не было страшно. Нет такого человека, у которого в минуту опасности не дрогнуло бы сердце, не стали бы ватными ноги. И храбрец боится! Только храбрец умеет страх свой победить! Подумать о товарищах, о Родине. А трус — он всегда думает только о себе.

И я горжусь своим дедом, потому что он был храбрым. Я горжусь им, потому что он был умелым воином, и до сих пор помнят его в нашем хуторе потомки тех казаков, которых спас он тогда в Брянском лесу. Но повесть моя не про храбрость. Потому что храбрости одной мало для человека. И если говорят о человеке: «Он был храбрым!» — это еще не значит, что был он человеком хорошим. Вот хороший человек всегда храбрый, но у него есть и другое...

3

Очнулся Харламий в землянке. Над ним сидел комиссар, а землянка была полна казаков и красноармейцев.

— Случилось тебе три радости! — говорил комиссар. — Первая радость — жив ты, Харламий! Пуля ударила тебя вскользь! Это тебя тот бандит приласкал, что с конями хороводился. Возница, одним словом, которого ты оглушил.

Он дал раненому сотнику попить и продолжал:

— Отсюда получается тебе вторая радость. Хоть и не шибко, а ранен ты, и, стало быть, выходить тебе вчистую, по ранению! Идешь ты, стало быть, домой!

От этих слов Харламий сразу полегчало, и он сел на нарах, хотя голова у него гудела и кружилась, а бинт, намоченный кровью, прилип к затылку.

— Ты погоди, ты лежи, — уложил его обратно комиссар. — Главная тебе радость иная! Вот тебе товарищи скажут!

Казаки и бойцы улыбались.

— Что за радость? — спросил Харламий и подумал: «Уж коли домой отпускают, что может быть радостней?»

— А ты подумай! — сказал его однополчанин Хрисанф Калмыков. — Ты подумай!

— Не могу! — пошутил Харламий. — Мне думать нельзя, я в голову раненый!

— Ну, тогда мы тебе не скажем, — засмеялся Хрисанф. — А то еще помрешь.

— Да не томите, ребята!

— Уж так и быть! — сказала Хрисанф и встал торжественно: — Значит, поздравление прими, Харламий Прокофьевич! Мы тебя, бывало, дразнили: «Молодеж — девичий отец», поскольку у тебя три дочери имеются... А теперь никто тебя так дразнить не сможет, как родился у тебя сын! Об чем получена депеша.

Тут все бойцы стали смеяться и хлопать сотника по плечам и жать ему руку.

— Казацкому роду нет перевода! — сказал Калмыков.

Так мой дед Харламий узнал, что у него родился сын. Мой отец.

4

Фельдшер не велел Харламийю вставать еще несколько дней, и он лежал один в пустой землянке, когда все уходило чистить коней или прочесывать леса, и все мечтал.

Он представлял себе, как придет домой, как все домашние к нему кинутся. И еще пытался представить, какой у него сынок, какие у него волосики, пальчики...

Одно только заботило его — подарки!

— Как без презента домой ехать? — ломал он голову.

Казаки дали ему несколько кусков мыла, из того, что полагалось им на взвод. «Бери, Харламий, на презент, дома в мыле большая недостача, а мы и веничками березовыми отмоемся». Комиссар наградил его штукой сукна и штукой ситца — девочкам на платья. Но Харламий все ломал голову, что сыну в подарок привезти?

— Голову свою без дырки — вот лучший презент! — смеялись казаки. — Нужен ему твой подарок. Вот фершал говорит, что он еще все вообще вверх ногами видит.

Но Харламий этого понять не мог. Как это видеть все вверх ногами? А про то, чтобы ехать без подарка, и слышать не хотел.

— Это же ему на всю жизнь память! — растолковывал он красноармейцам. — Что батька с войны на память привез! Нужно что-нибудь необыкновенное! Вон мой отец шашку турецкую привез, у самого ихнего паши отбил, над колыбелью моей повесил! Так я эту шашку пуше глаза берегу! Дом гори — я шашку спасаю.

Но красноармейцы ничего ему посоветовать не могли, только смеялись да крутили головами, — дескать, у вас, у казаков, не только фуражки набекрень, но и мозги туда же!

Настал день отъезда. На утренней поверке получил Харламий бумаги, сдал казенного коня и отправился на станцию. Хрисанф Калмыков пошел его провожать.

Верстах в трех от лагеря, в стороне от дороги, услышали они какие-то странные звуки. Держа винтовки наготове, два казака вышли на полянку, залитую весенним половодьем. На полянке лежала коряга, а на ней сидел крошечный мокрый медвежонок.

— Не трожь его! — прошептал Калмыков. — Тут, наверно, медведица поблизости ходит. Наши ребята вчера лес прочесывали, наткнулись на медведей, стреляли, стреляли, да, видать, мимо. Пойдем от греха!

Но медвежонок был такой смешной. И Харлампию* показалось, что он жалобно зовет его. Не утерпел он, подошел к зверьку и погладил медвежонка по крутолобой мокрой головке.

Медвежонок поднялся на лапках и, ухватив казака за палец, начал вылизывать его розовым язычком.

— Ух ты! — сказал Харламбий. — Вот он — презент необыкновенный. Вот он, подарок сыну моему.

— Да ты что! — сказал Калмыков, опасливо озираясь. — Куда ты его из родных местов потащишь!

— Так ведь он брошенный! Не иначе как разъезд вчера медведицу угнал либо убил. Потерялся медвежонок.

— Потерялся — найдется! Что ж думаешь, медведица ребенка свое бросит?

Но Харламбий представил, как приедет он домой, как выпустит медвежонка во дворе и как все хуторяне сбегутся и будут кричать:

— Вона! Какой презент Харламбий своему сыну навоевал!

— Все! — сказал он Калмыкову. — Заберу его с собой! Тут он все равно пропадет! Бросила его медведица!

— Да мыслимое ли дело, чтобы мать дите бросила? В уме ли ты?

— А где ж она?

— А вот сейчас как выскочит — узнаешь где! Может, пошла сухое место искать. Ее, видать, вода из берлоги выгнала. Весна нынче ранняя... Отпусти ты его! Вишь, он какой заморенный!

— Вот я его дома-то и подкормлю... Что ж я его мучить буду?

— Вот заладил, как младенец бессмысленный! — рассердился Калмыков. — Совсем ошалел. Куда ты его в хутор потащишь? Разве медведю место с человеком?

— А собаки? — сказал Харламбий. — А собаки как же?

— То собаки, а то зверь лесной! Он тя сожрет!

— Ну да! Что я, медведя не прокормлю!

Я тут на всю жизнь выпался, теперь дома день и ночь работать буду!

Так Калмыков Харлампия не отговорил, только поссорились они напоследок.

6

Домой нужно было еще добраться. В ту пору ездить было непросто. Поезда ходили от случая к случаю, пассажиров на них набиралось столько, что никакие удостоверения и билеты не помогали, так что приходилось надеяться на авось да на широкие плечи.

В вагон Харламбий сесть и не пытался. Он, как только подавали поезд, лез на крышу. Холодно, конечно, на вагоне ехать, но зато воздух свежий и компания веселая — такие же, как он, демобилизованные красноармейцы.

Они сначала думали, что Харламбий поросенка везет, а как узнали, что казак медвежонка раздобыл, из соседних вагонов прибегать стали — смотреть. Тут и Харламбий медведя своего разглядел как следует. Медвежонок маленький — в папаше умещался. (Все равно папаша на забинтованную голову не лезла.) Сидит презент в папаше, глазками-бусинками посверкивает. Каждые два часа вылезает и орет — еды требует! Да так жалостно: сядет на задок, лапами голову обхватит и кряхтит, подвывает.

А солдат, пожилой татарин, что вместе с Харлампием домой добирался, приговаривает:

— Головушка ты мой горький! Какой такой — несчастный совсем! Куда я попал! Мама нету, кушать нету... Казанский сирота! — Красноармейцы смеются, а Харлампию не до смеха — боится медвежонка не довести.

О пропитании для себя не думал: кусок сала есть, сухарей два десятка, кипяток на станции в любом количестве. А медвежонок сала не ест, мал еще. Сухарей, в кипятке размоченных, пожевал, так не за голову, а за пузцо свое кругленькое схватился.

— Обкормил совсем ребенок! — сказал татарин. — Глупый твоя голова! Ему молока давай! Мал совсем.

Спасибо, красноармейцы помогали. Они свешивали головы в вагоны и кричали пассажирам:

— Товарищи-граждане, молока не найдется?

— Чего? — удивлялись в вагонах. — Да на что вам молоко?

— Для прокормления дикого медвежьего дитенка, как пострадавшего от стихийного бедствия и войны. Которые с молоком, окажите помощь, по силе возможности, как беспризорному...

Мешочки не верили. Тогда солдаты привязывали папашу и на ремнях спускали в окно. Медвежонок рычал, пассажиры удивлялись.

И какой-нибудь запасливый старичок с кор-

зиной или тетка, вся укутанная платками, доставала из фанерного чемодана бутылку.

— Вот,—говорили они.—Чего война понаделала! Медведи—и те по дорогам маются!

А медвежонок Презент впивался в тряпочную соску и не отпускал, пока не опоражнил бутылку. Потом он вытягивал губы дудочкой, радостно чмокал и засыпал, забившись в папаху. Харлампия он, видимо, считал медведицей, а папаху берлогой. Чем казался ему поезд и красноармейцы? Не знаю. Может быть, лесом, в котором шумит ветер. А может, еще чем. Только ни солдат, ни поезда он не боялся.

7

Добирался мой дед домой три недели. Презент хоть и кормился плохо, а подрос и руки Харлампию оттягивал, а сам идти не желал. Шестьдесят верст, что отделяли наш хутор от станции, казак прошел за сутки и поздно вечером постучался в ставень родного дома.

Жена Харлампия испуганно глянула в темноту окошка, ахнула и кинулась отворять.

Девчонки заревели, увидев бородатого человека в прожженной шинели, с грязной повязкой на голове. А он блаженно улыбался и приговаривал:

— Да что вы? Что вы! Доченьки мои золоты! Отвыкли! Батьку не узнали?

— Какой ты нам батька?!—рассудительно сказала пятилетняя Катька.—Наш батька на войне! Воюет!

— Все,—сказал Харлампий, садясь на порог и стягивая сапоги.—Отвоевался!

Осторожно, как по льду, подошел он к люльке, где качался и чмокал губами во сне крошечный мальчишка.

— Вона!—залибовался он.—Беленький какой! В нашу породу.

Он присел на кровать рядом с колыбелью, качнул ее раз, другой и вдруг запел тихонько, хриплым, сорванным от команд на морозе голосом, мучительно припоминая слова песни, которую пела ему в детстве мать:

Коник ты мой, коник,

Золотая грива.

Возьми меня, коник,

В шелково седельце...

— Не гуди так!—остановила его Катька.—Ты его напугаешь...

Она слезла с печи, деловито прошлепала босыми ногами по половицам и, заглянув в люльку, сказала:

— Спи, Сашенька, спи, маленький.

— Ты его что ль нянчишь?—спросил Харлампий, любуясь дочкой.

— А то?—ответила она.—Мать-то с утра до вечера в поле.

— Ну ничо!—сказал сотник.—Теперь легче будет. Теперь я работать пойду.

— А Катька нам Сашеньку качать не дает!—стала жаловаться средняя дочка Аниська.—Будто он только ее братик. Жадина.

— Не жалься!—счастливо улыбаясь, сказала мать, внося таз с горячей водой, чтобы вымыть мужу ноги с дороги.—Вот доносчица кака!

— Я вот привез, с кем вам нянкатся!—вспомнил сотник. Он достал папаху с медвежонок и положил ее посреди комнаты на пол.

Презент моментально вылез из нее и, став на задние лапы, завертел любопытным носом, принюхиваясь к домашним запахам. Девчонки завизжали от восторга. Они схватились за руки и принялись водить хоровод вокруг необыкновенного подарка.

Медвежонок, словно понимая, что теперь это его дом,—тоже приплясывал и кружился.

— Я тут еще материи привез!—расслабленно говорил Харлампий.

— Да шут с ней, с материей! Жив! Живой!—глотающая радостные слезы, приговаривала жена, снимая с головы мужа заскорузлые бинты.

А перед ним все плыло и качалось. И, проваливаясь в сон, он шептал:

— Все, отвоевался... Дома, дома я...

8

Утром в хуторе узнали, что Харлампий с войны пришел. И народ стал собираться к нему в дом: новости узнать, про ближних порасспросить. За взрослыми увязывались и ребятишки. Они уже прослышали о диковинном звере медведе, что привез сотник. Медведи у нас на Дону не водятся, и никто из ребятишек зверя этого не видывал.

Каждого малыша, что возникал в проеме двери и опасливо жался к косяку, Харлампий проводил в горницу и одаривал твердокаменным бубликом, связку которых прихватил на станции. И хотя бублики и вообще всякие сласти были по тем временам большой редкостью, ребятишки, как только видели медвежонок, про них мгновенно забывали.

Харлампиевы дочки спешно шили ему платье, наперебой поили молоком и учили слушать. Медвежонок ворчал, отмахивался, а когда его тормошили, бежал прятаться под печку.

Гости выманивали его оттуда кусками хлеба с медом. И веселились, глядя, как он тянет за медом черную блестящую пуговицу носа.

Дед Тимоня вспоминал, что когда его полк стоял в Москве, то он видел у одного замоскворецкого купца медведей вместо цепных собак, и что медведи эти стерегли двор в тысячу раз лучше собак.

Гости засиделись допоздна. Последних Харлампович проводил уже с лампой в руках. Дед Тимоня все не мог досказать, как он с отцом Харлампович рубал турок на Шипке, а одноногий гармонист Васька (тот, что считал себя счастливейшим человеком, потому что на войне ему оторвало ногу, а не руку, и он мог продолжать играть на гармошке) во всю ширину развернул меха расписной гармоники и закричал в темноту теплой ночи:

— Начинаются дни золотые...

И тут из горницы раздался страшный грохот. Когда Харлампович вскочил в комнату, медвежонок был уже под печкой, а хозяйка подбирала по всему полу черепки и складывала их рядом с поломанным самоваром. С печи испуганно таранились девчонки.

— Чтоб ты прокис, окаянный! — приговаривала женщина. — Скатерть, идол такой, стянул! всю посуду вдребезги, у самовара носик отломал.

— Начинаются дни золотые! — радостно подсказал Васька-гармонист. — Взяли зверя в дом, он вам теперь пропишет...

— Да будет вам! — сказал смущенный Харлампович. — Махонький он, не понимает.

— Не понимает? — сказала жена. — Небось, где мед стоял, — понял! Это он за медом на стол полез — вот скатерть и стянул! Вот я тебе! — погрозила она веником под печку.

— Ре-ре-ре... — ответил медвежонок.

— Ничо! — сказал Харлампович. — Где посуда бьется, там весело живет! Я ему завтра конуру сколочу — нехай во дворе живет, к сторожевой службе приучается!

9

Но медвежонок во дворе жить не смог. Как только Харлампович вынес его из хаты, дворовый пес Цыган стал яростно рваться с цепи. Он залез на лаю, глаза у него наливались кровью.

«Загрызет!» — подумал казак, прижимая к себе медвежонок, а у того тоже шерсть стала дыбом от злости.

— Ишь ты какой! — Харлампович похлопал Презента по круглому задку. — Маленький, а храбрый. Ладно. Живи в сенях!

Он вытащил в сени папаху и устроил там звереныша.

Но как только он уехал в степь, а его жена ушла с девчонками по воду, Президент вытащил папаху из сеней и, ворча, затолкал ее под печку обратно. В сенях он жить не захотел.

В горнице никого не было, только Сашка плыл, качаясь, в люльке. Медвежонок долго поворачивал за нею свой любопытный нос.

Он попытался достать колыбель лапой. Не достал — высоко. Закряхтел, почесался. Оглядел комнату. На что бы такое влезть? Недалеко от люльки стояла табуретка. На табуретку Президент вскарабкался легко. Теперь люлька плавала совсем близко от носа.

Мишка толкнул ее лапой. Колыбель качнулась, он толкнул ее сильнее. Люлька сделала большой размах и спихнула медвежонок с табуретки. Он грохнулся на пол. Зарычал. Вскочил на табуретку и вцепился в край колыбели острыми когтями. Люлька понесла его по комнате. Понравилось. Стал прыгать с табуретки на люльку.

Когда хозяйка с дочерьми вернулась от колодца, нагруженная ведрами и кринками с водой, то увидела, что по всей комнате, едва не переворачиваясь, летает колыбель, а на ней, прямо над спящим Сашкой, сидит довольный Президент.

— Было у меня четверо детей! — сказала хозяйка, стаскивая медвежонок, который вопил и отмахивался широкими лапами. — А теперь пятеро стало. Пятым — мохнатый — самый озорной! Придется тебе, Катерина, за ним следить, кабы беды он не наделал.

10

Однако уследить за Президентом было сложно. Каждый день он что-нибудь вытворял. То устроит снежную метель из пуха. Девчонки с утра подушками кидались. Медвежонок обрадовался — думал, что с ним играют. Стал подушки ловить. Ловко ловит. Да только на лапах у него коготки острые — схватит подушку, она моментально с треском на клочки разлетается. Пока девчонки его утихомирили, он три подушки распустил. По всей хате перья летают! Девчонки в перьях! Обед весь в перьях! А сам медвежонок из бурого стал белым.

— Ну что мне с тобой делать? — говорил Харлампович, когда возвращался вечером с поля и домашние рассказывали ему, что нового натворил за день Президент.

Медвежонок лизал ему руки, терся крутолобой башкой о широкую грудь сотника, и не мог казак его наказывать. Так, шлепнет для порядка по круглому задку, но мишка, наверно, и не понимал, что это наказание, — думал, новая игра.

Он считал себя в доме главным и был уверен, что у людей нет другого дела, как с ним играть. Он хотел во всем принимать участие. И принимал, на горе хозяевам.

Медвежонок был на редкость смышленным; стоило ему один раз увидеть, как хозяйка закрывает на вертушку двери, как он тут же открывался их открывать.

Он научился выдвигать ящики из комода: упрутся задними лапами в нижний, а верхний тянет изо всех сил зубами. Кряхтит, старается! Хлоп! — и ящик вылетел, всего медведя бельем засыпал.

Прибежит Катька на грохот, а мишка посреди комнаты на куче простыней сидит, Сашкин чепчик примеряет!

Хотел Презент во всем хозяину помогать, поэтому как только Харламий приходил домой, Презент не спускал с него своих маленьких, как дробинки, глаз.

Святой своей обязанностью считал медвежонок подавать казаку домашние чиряки — тапочки. И если девчонки опережали его, сердился и начинал драться мохнатыми лапами.

Стоило Харлампию сестре ужинать, как он тут же оказывался у него на коленях, и возникала его мохнатая голова над столом, и вертел он любопытным носом — что нового? Что хозяин есть будет? Не перепадет ли и ему? И нетерпеливо стучал лапами по столу: «Что, хозяйка, мешкаешь? Работника не кормишь?»

Пока Харламий был в доме или на базу, медведь от него не отходил — путался под ногами и в каждое дело лез: помогал.

Стал Харламий плетень починять. Привез тальника, начал плести. Плетет — песню поет. Соскучился на войне по домашней работе, а тут еще вечер хороший такой, теплый, лето настает, вишня зацветает. Мир на земле.

Плетет Харламий, ну и Презент тут же крутится, хозяин на него внимания не обращает. И напрасно. Потому что медвежонок все прутья, которые он между кольев насадил, обратно вытаскивал. Казак с одного конца плетень заплетает, а медведь с другого расплетает.

Вот пошли девчонки с матерью в огороде подсолнухи сажать. Мать борону тащит, Аниська большим колом ямки делает, а Катька в каждую ямку семечко кладет.

Один ряд прошли, второй... Вдруг слышат, Дашутка с крыльца кричит:

— Медя, Медя идет! — и рукой показывает. Оглянулись — а во всех ямках пусто. Презент за ними ходил и аккуратно семечки подбирал. Так и ходили строем: мать с бороной, Аниська с колом, Катька с семенами, а позади мишка, и один ряд, и второй, и третий...

Пришлось подсолнухи пересевать, а Презента в чулан запереть. Пока сеяли, он там все кринки со сметаной побил! Выскочил из чулана белый, как рождественский пряник. Одни глазенки перепуганные торчат.

Перекладывал Харламий трубу у летней печки, что в саду стояла. Летом в доме готовить жарко, да и страшно пожар устроить.

Поставил стремянку, залез, обгорелые кирпичи поменял да трубу чуть не на метр выше выложил, чтоб у топки тяга сильнее была. Пре-

зент в это время по саду шатался, прошлогодние яблочки искал. И не думал Харламий, что медведь за ним внимательно наблюдает.

Закончил Харламий трубу. Слез, полюбился. Красивая труба — высокая, белая. Пошел руки от известки вымыть. Возвращается, а трубы нет! Сидит на стремянке Презент и старательно по кирпичику трубу разбирает. Одни кирпичи вниз сбрасывает, а другие в трубу заталкивает. От усердия язык высунул. Пришлось Харлампию всю работу сначала начинать, да еще из трубы кирпичи вытаскивать.

В степи зимой главная забота — топка. Леса в степи нет, поэтому топят печи кизьяками. Кизьяки — это солома с навозом. Готовят их обычно все лето. Отгораживают во дворе досками угол, свозят туда сухой навоз и перемешивают его с водой и соломой. Чем лучше кизьяки намешаны, тем веселее будет гореть печь.

Топчут кизьяки всей семьей, даже крошечные детишки — и те розовыми своими пятками месят колючую солому. Труд этот хоть и не очень тяжелый, но утомительный.

Когда Презент увидел, что вся семья Харлампия, взявшись за руки, пляшет в углу двора, он пришел в восторг. Сначала он обежал весь двор на задних лапах, отдавая честь, потом прокатился через весь двор с боку на бок, потом рывкнул и прошелся колесом. И, уж совершенно придя в восторг, плюхнулся в жидкий навоз и во всей красоте кинулся к девчонкам. Тут уж было не до кизьяков! Пришлось баню топить да всех девчонок и Презента заодно щелоком отмывать.

11

Рос медвежонок очень быстро. К осени от папахи, что служила Презенту берлогой, осталось одно красное суконное доньшко. А сам он не то что в папаху, а в собачью конуру уже не помещался.

Однако рос медвежонок — росли и проказы. И хоть веселили его проделки всю семью и даже весь хутор, приносили они немалые убытки.

За одну только неделю Презент оборвал люльку, которую давно отобрал у Сашки, снял с петель дверь в сарае и обломал яблони в саду — качался на ветках и рвал зеленые яблочки.

Харламбиева жена и девчонки за любым делом уже привыкли все время присматривать — где медвежонок? Потому что стоило ему затихнуть, как через некоторое время либо грохот где раздавался, либо ругань соседей: Презент границы между дворами не признавал и шкодил в соседском саду не меньше, чем в своем. Хорошо, соседи были добрые, поворчат и перестанут, а случись злые люди, не сносить бы Презенту головы.

Четыре улья он у соседей разобрал. Залез на крышу в погоне за аистами и сбросил почти всю солому.

Пришлось Харлампию и ульи чинить, и пчел собирать, и крышу соседям заново соломой крыть.

Стали замечать, что куры куда-то исчезают. С каждым днем все меньше топчется их по двору. Не иначе Презент куда-то их деваает. Решил Харлампий за медвежонком последить.

Рано утром Презент выкатился во двор и первым делом полез умываться в бочку под водосточной трубой. Он долго рычал и плюхался в мутной воде. Вылез — разлегся на завалинке сушиться. Часа полтора сушился: уж он и так, и эдак ляжет, и нос в лапы спрячет, и пузо свое сытенское выставит, и с завалинки свесится.

А тут и куры вышли из курятника. Медвежонки оживились. Сначала он просто так, для порядка погонял их по двору.

Куры с кудахтаньем разбежались в разные стороны. Медвежонку было их не догнать. Тогда он забрался на кучу песка в дальнем углу база, сгорбатился и начал песок пересыпать.

Нагребет в лапу, поднимет и сыплет тонкой струйкой.

— Ах ты! — подивился Харлампий, он следил за медведем через щель прикрытых ставень. — Насмотрелся, как жена кур кормит, зерно им сыплет. И вправду похоже.

Куры сначала опасливо, а потом все беззаботнее со всего двора стали собираться к медведю. Вот одна сунулась под самую лапу. Удар! И курица замерла, дрыгнув ногами. Медведь оглянулся и торопливо сунул курицу под себя. И опять принялся подманывать глупых птиц.

— Вот это да! — поразился Харлампий. Он так удивился медвежьей смекалке, что даже курицу ему не было жалко. Презент забил еще одну птицу и пошел их прятать в овраг.

Харлампий видел в овраге кое-как заброшенную песком и листьями кучу битых кур, но думал, что это кто-то из соседей выбросил заболевших птиц. На них часто нападали всякие болезни. Теперь он понял, что это работа Презента. И тут впервые закралась в душу казака тревога: он слышал, что хищник, живущий дома, до тех пор не опасен, пока не попробовал крови.

— Но ведь он кур-то не ест, — успокаивал себя Харлампий и тут же добавлял: — Пока не ест!

— Надо его на цепь сажать, — решил он, но все откладывал, потому что жаль ему было лишать потешного, веселого медвежонка свободы. И хоть было от мишки много беспокойства, но Харлампий и себя, и домашних уговаривал: ничего медведь дурного не делает, права он хорошего, а если и шкодит сверх меры, так потому, что он зверь, не человек, и живет по своим мед-

вежьим законам, живет, как положено жить медведю его возраста.

Жене Харлампий ничего про кур не рассказывал: она и так Сашку одного в доме не оставляла, боялась, как бы медвежонка его не попортил, не напугал бы нечаянно.

Дня через три вся семья Харлампия была разбужена страшной возней во дворе и собачьим лаем.

Цыган, дворовый пес, которого отдали на другой хутор, чтобы он не загрыз медвежонка, вернулся. Пришел не один, с ним явились соседский пес Завирайка и беспутная дворняга, что лезла во все драки. Цыган обошел двор, наполненный чужим звериным запахом. Он нервно зевал и ставил метки на столбы, задрал ногу, — возвращал свои бывшие владения. Когда же что-то мохнатое, пахнущее врагом, выкатилось на крыльцо, Цыган одним прыжком хотел достать его горло. Но не тут-то было. Презент давно превратился из маленького мохнатого заморыша в крепкого и ловкого зверя. Он отвесил Цыгану такую затрещину, что тот с воем покатился в кусты. Не успел Харлампий выскочить, чтобы прекратить драку. (Он боялся, что собаки порвут медвежонка, и ему жаль было старого Цыгана, который пришел к себе домой, а тут вот такая встреча.) Не успел Харлампий закричать: «А вот я вас!», как драка закончилась... Собаки бросились бежать.

Первой с воем побежала беспутная дворняга, которую вообще никто не трогал, за ней припустил Завирайка. Один Цыган решил стоять насмерть за свой двор, но хозяин схватил его за обрывок веревки на шее и отвел на новое место жительства.

А медведь долго, оцетинившись, косолапил по двору и рычал во все закоулки — врагов пу-гал.

12

С того дня, как прогнал Презент собак со двора, стал он на улицу выходить. Он и раньше все в открытую калитку нос совал, выглядывал, что там делается.

Самым большим удовольствием для него было ходить за водой вместе со всеми. Как только загремит ведро, он хватает зубами конец веревки, подает ее хозяйке, а сам за другой конец держится и бежит рядом.

За водой ходили всей семьей, всю посуду брали, даже трехлетняя Дашутка с кувшинчиком шла. С водой у нас на хуторе плохо. Степные наши края — воды мало. Заленишься, не пойдешь с утра к колодцу, часам к двенадцати там одна грязь останется. Жди следующего утра. У колодца собиралась большая толпа женщин и детей, а Презент компанию любил и не хотел оставаться дома один.

Еще издали привставал он на задние лапы и тянул шею — высматривал, есть ли у колодца народ, а последние сто метров на задних лапах шел, вихляя задом.

От колодца ему кричали и махали руками, некоторые ребятишки издали приходили на медведя посмотреть, потому что медведь был великий артист и всегда устраивал представления.

В роли дрессировщика выступала Аниська.

— Кувырнись! — командовала она, и Презент ловко переворачивался, мелькая в воздухе черными круглыми пятками.

— А ну-ка покажи, как бабы за водой ходят!

Она клала на плечо медвежонку прутик, и он, прижав его лапой, шустро бежал вокруг колодца.

Ребятня покатывалась со смеху, и взрослые казачки смеялись, хотя время было совсем не веселое, но тем ценнее была каждая, даже пустяшная, радость.

Хуторские ребятишки припасали медвежонку всякое угощенье: кто яблоко, кто макуху — выжимку от подсолнуха.

Один медвежонок на улицу не ходил — опасался драки с собаками и сильно боялся коров, особенно бодливую и злую Настурцию. Молока у нее не было, но хозяйин ее, по прозвищу Балабон, не отправлял на бойню, потому что гордился ее бойцовскими качествами.

Качества эти были не коровьи, а прямо-таки собачьи! Да еще не у всякой собаки бывает такой поганый нрав. Утром она шла впереди стада и даже бык ее сторонился. Гордо несла она свою дурную голову с обломанным рогом, часто вламывалась в толпу у колодца, и тогда казачки с визгом растаскивали ребятишек; злая корова могла не только напугать, закатать в пыль, но и пырнуть рогом!

Однажды в самый разгар представления, когда все сгрудилось вокруг танцующего медведя, появилась Настурция. Мотая однорогой головой, кинулась она в самый центр толпы. Женщины бросились врассыпную.

Дашутка и Катька повисли на матери, а вот Аниська, что верховодила медведем, замешкалась, споткнулась и осталась на улице одна. Она прижалась к колодезному срубу и закрыла ладошками лицо.

— Аниська! Аниська! — кричала мать, не видя, где ее девочка, но Аниська со страху молчала.

Настурция боднула брошенное ведро и проткнула его. Она мотнула головой, и ведро грохнуло о сруб. Острый рог нацелился девочке в живот. Корова копытом разгребала пыль и медленно отступала для удара. Только дернулась она вперед, как на ее морде повис Презент!

Одним ударом он вырвал корове глаз и впился в горло. Корова рванулась и стряхнула

медвежонка. Он покотился в бурьян, но тут же вскочил и всеми четырьмя лапами ухватил ее за вымя.

Раскорячившись, корова поволокла его по улице, пытаясь сбить зверя задними копытами, но медведь держал мертвой хваткой. С большим трудом пятеро мужчин оторвали его от коровы. Отовсюду бежали люди.

— Молодец! Молодец! — кричали ребятишки медведю, но его было не узнать. Из веселого, шаловливого медвежонка, который больше всего походил на живую игрушку, он превратился в жестокого и опасного зверя. Он был весь в крови и слизывал ее, урча от злости.

— Ну, все! — сказал кто-то из мужчин. — Теперь от него добра не жди. Крови попробовал.

13

Скоро на взмыленном коне прискакал Харлампий. Медведя уже загнали в сарай. Сотник перецеловал дочек, обнял жену и, зарядив винтовку, стал ждать гостей.

Часа через два у его крыльца собралась толпа хуторян. Впереди всех махал руками и кричал Балабон:

— Нынче не старый режим! Пора казачки замашки бросать! Это раньше вашему племени воля была, а теперь другая власть. Изволь перед ней долг сполнять!

— Я властей николи не обманывал! И от долга своего не бегал! — спокойно ответил Харлампий. И хуторяне улыбнулись в бороды. Они то знали, что в шестнадцатом году Балабон дезертировал с фронта и сидел в тюрьме. Об этом он сам кричал на каждом митинге, называя себя «жертвой царизма». Хотя был он не жертвой, а первым пьяницей, и тот большой надел земли, что дала ему Советская власть, как нищему иногороднему батраку, норовил продать, да только никто не покупал...

— Нехай платит! — кричал Балабон. — Шутка ли! Сельскохозяйственную животную попортил ради забавы! Она, может, теперь год хворать будет. Я этого дела так не оставлю. Ноне наша власть, и она не даст нас в обиду! Думашь, сотник, не найдется на тебя управы? Хо-хо! Еще как найдется! Не отвертисься!

Харлампий рванулся с крыльца и пошел к сараю.

— На! — сказал он, выведя свою корову. — На! Подавись!

Охнула и присела на ступеньки Харлампиева жена. Еще бы, корова была лучшей в хуторе. Даже Балабон и тот растерялся.

— Ну! — крикнул ему старик Клейменов. — Получил? Катись теперь! Вша вонючая! Катись, пока тебе пятки на затылок не завернули. Спасибо тебе, Харлампий Прокофьич, что не сронил

нашей чести! — добавил он, снимая фуражку. Хуторяне загомонили, некоторые стали доставать из поясов деньги, чтобы собрать на новую корову.

— Одно дело справили, — сказал старик. — Теперь другое.

У Харлампия замерло сердце.

— Так что... — замылся старик. — Медведя убери! У нас детишки тут, скотина... Беды не миновать! У тебя своих ребятишек четверо... В доме медведю не место! Всем обществом, всем хутором тебя просим, убери ты его.

— Слушаюсь! — прошептал побелевшими губами Харлампий.

14

Когда стало темнеть, он поставил перед медведем тарелку меда, смотрел, как медведь, дрожа от удовольствия, вылизывает ее, и задумчиво перебирал у Презента шерсть на загривке.

— Ну что, поел? Пойдем тогда! Ничего не поделаешь.

Он вскинул за плечо винтовку и вывел медведя в овраг. Презент всегда очень радовался, если хозяин брал его с собой. Он бежал, весело заносил зад на сторону и косолапая.

В глухом углу оврага, где густо разрослись кусты шиповника, Харлампий приказал медведю стоять. Но тот не понял, и когда сотник отошел на выстрел, медвежонок опять крутился у его ног и терся крутолобой башкой о его сапоги.

Раз десять Харлампий отводил его к кустам, но Презент думал, что это игра такая, и мчался за хозяином.

Харлампий упарился. Наконец догадался. Снял с винтовки ремень и привязал медвежонок. Презент очень удивился, но рваться не стал, уверенный, что хозяин придумал что-то очень интересное.

Харлампий отер рукавом пыль с винтовки, клацнув затвором, загнал патрон в патронник и увидел, что у него трясутся руки.

«Что это со мной?» — подумал он и прицелился медведю в голову.

Медведь мотал круглой башкой.

«Не попаду! — смятенно подумал Харлам-пий. — Намучаю только».

— Встань! — крикнул он медведю.

Презент вскочил на задние лапы и тут же перевернулся через голову. Винтовочный ремень развязался и больше медвежонку не мешал. Но Презент не побежал к хозяину. Он прошелся своей косолапой походкой, вихляя задом и кланяясь. Он начал представление! Он веселил хозяина.

Туман застлал перед Харлампием мушку. Он протер глаза рукой, но мушка дрожала и плавала, и сотник никак не мог подвести ее под левый бок медведя.

Сколько раз, сидя в засаде, на войне, он спокойно и уверенно, будто на полковом стрельбище, целился во врагов, подпуская их поближе, и бил метко и быстро. Но то был враг, сильный и вооруженный, и если не ты его, то он тебя... А здесь плясал медвежонок, и Харлам-пий не мог нажать спуск.

Медведь показывал полную программу. Он уже изобразил, как бабы за водой ходят, как пьяный мужик валяется, как хозяйки белье стирают, и после каждого номера отдавал честь и обходил воображаемых зрителей.

«Боже мой! — подумал казак. — Да ведь его убить — как ребенка невинного!»

Напрасно Харлам-пий старался разозлиться и специально вспоминал корову, которую пришлось отдать, и теперь придется сидеть без молока с грудным-то Сашкой.

Но тут же припоминал, что медведь спас Аниську и кинулся на корову, которую все боялись. И вспомнил мой дед все проказы Презента, и вспомнил полянку, залитую водой, и маленький мокрый комочек, что скулил на коряге. И вдруг всплыли перед ним все товарищи, которых потерял он на войне. Как падали они с коней в лихих атаках, как настигали их пули, осколки, газы и валялись они на дно траншей, как металась и звали матерей в душных палатках прифронтовых госпиталей.

— Господи! — стонал Харлам-пий. — Что это со мной!

Медведь подошел к хозяину и ткнул в сапоги.

— Вот беда! Вот беда! — шептал человек. Он перехватил винтовку и трясущимися руками вставил ствол мишке в ухо.

— Раз! Два! Три! — сосчитал он, но руки не слушались, стали как деревянные, и выстрела не получилось.

— Не могу! Не могу! — прошептал Харлам-пий и увидел на краю оврага свою жену.

— Не могу! — сказал он, жалко улыбаясь и садясь в пыль. — Рука не подымается.

И жена, сбегав в овраг, прижала к себе Харлампиеву голову и все гладила его по потному лбу и седеющему чубу, успокаивая. Потом она подняла винтовку и повела обмякшего, слабого мужа домой. И он пошел, покорно опираясь на ее плечо и нетвердо, как пьяный, переставляя ноги.

Медвежонок покатился впереди, не подозревая, что произошло.

В этом месте бабушка всегда замолкала и я боялся вздохнуть, чтобы не нарушить это молчание. Она долго смотрела куда-то далеко-далеко, потом молча вставала, снимала передник, причесывалась, шла в горницу и выдвигала тяжелый ящик комода.

Там, завернутая в рушник, лежала старинная фотография. На ней была сама бабушка и мой дед, Харлам-пий Прокофьевич, снимались они в 1916 году, когда дед был ранен в ногу и приехал после госпиталя в отпуск.

Моя бабушка, тоненькая, темноглазая, в кружевной кофточке и длинной юбке, бережно поддерживала его под руку, потому что дед без костылей ходить еще не мог, а с костылями сниматься не захотел.

Он стоял прямо и твердо. Русый чуб стружками завивался на лихо заломленную гвардейскую фуражку. Густая завесь крестов и медалей пересекала его широкую грудь. Празднично сияли новенькие погоны хорунжего. Но в скорбных складках под колечками усов да в серых, широко открытых глазах таилась горечь и боль... И только по бережной, тонкой руке жены у его локтя можно было понять, что перед нами раненый фронтовик и стоять ему очень трудно. И столько выпало ему страданий, что хватило бы на целый народ в каком-нибудь благополучном маленьком государстве.

— Вот, — шептала бабушка, стирая невидимую пыль со стекла. — Вот какой он был — Харлаша... Дедушка твой. Вот какие мы молодые-то были... — И две старинные крошечные сережки поблескивали сквозь ее седые волосы, как две слезинки...

15

На следующее утро, едва засинел в окошках рассвет, Харлам-пий собрался в дорогу. Тихо, чтобы не разбудить детишек, простился с женой, взял мешок с провизией и вывел на улицу медведя. Дорога им предстояла длинная, за триста километров, в большой город. И весь путь нужно было идти пешком, потому что в поезд с медведем не пускали, а лошади от одного медвежьего запаха ломали оглобли и рвали построжки.

И сейчас, почуяв звериный запах, они топтались и испуганно храпели в конюшнях.

Хутор спал, закрыв ставнями глаза окон, только тихие кошки, выгибая спины, ходили по заборам, да дворовые псы перебрехивались с утра пораньше. Но они начинали рваться с цепей и хрипеть от злости, когда ветер доносил до них запах медведя. Так под яростный собачий лай вышел мой дед на околицу. Какой-то мужик, страдавший бессонницей и хроническим любопытством, высунулся из-за плетня и подмигнул:

— Что, казак, в цыгане подался? Будешь с медведем по ярмонкам народ потешать?

Но сотник так зыркнул на него из-под козырька, что мужик, тихо охнув, присел за забором.

Харламий с медведем на поводке вышел в степь, над которой уже наливались золотом небеса, а на востоке появился алый лампас расцвета.

Человек и зверь шли осенней оранжевой степью, легкие паутинки садились на них. Журавли, пролетая над их головами, кричали тоскливо, прощаясь с родиной. Любопытные суслики желтыми столбиками поднимались около своих норок:

— Что за чудеса? Человек и невиданный в степи зверь?

Минуя хутора и сторонясь дорог, шел мой дед тревожной осенней степью двадцать третьего года. Разные люди выходили на огонь его ночных костров: бойцы продотрядов, милиционеры, молчаливые бородачи с винтовками под лапами шинелей, калмыки на верблюдах.

Разные они были, но все одинаково удивлялись, увидев, как мирно укладываются на ночь в скирду соломы зверь и человек, как согреваются друг друга своим теплом, как охраняет медведь человека, а человек накрывает его своей долгополой шинелью.

И, уходя в ночи, они оглядывались, крутили головами:

— Вот ведь как! Вся жизнь вокруг переламывается, а тут человек медведя в город ведет. Воистину: дом горит, а часы идут...

И каждый старался уделить часть скудных припасов своим этой странной паре. И, вздохнув, говорили прохожие:

— Вот кабы люди так-то мирно меж собой...

Осыпались багровые клены, сронили золотую листву дубы, холодом веяло от потемневших рек, и по утрам белый налет изморози покрывал стерню скошенных полей, когда вдаль показались городские трубы.

16

Цирка в городе не оказалось, и Харламий долго бродил в толпе мальчишек по бесконечным улицам, отыскивая какую-нибудь город-

скую власть. Полдня просидел он во дворе губкома, пока посылали курьера куда-то за специалистом да пока этот специалист отыскался да приехал.

Медведь показывал всем желающим полную программу: и кланялся, и «Барыню» плясал, и честь отдавал... Выступал он сам, безо всякой команды, точно решил повеселить хозяина напоследок.

— Чей медведь? — интересовались зрители.

— Мой... мой... — тихо отвечал сотник, сидевший у стенки на корточках.

— Занятная зверюга. Ишь как выкомаривает...

— Хороший... — подтверждал Харламий.

А медведь ходил по кругу. Молодые красноармейцы, беспризорники, просители и ходоки из дальних станиц и деревень и даже арестованные спекулянты смеялись и били в ладоши:

— Давай, Миша, попляши! Твои ножки хороши!

Специалист осмотрел медведя и сказал, что зверь замечательный, очень здоровый и для только что организованного зоосада просто находка. Потом он выписал какую-то бумажку и дал Харлампию:

— Это, значит, компенсация. Идите быстрее в кассу, а то закроют.

Харламий хотел что-то сказать медведю, но специалист начал трясти ему руку, благодарить за удивительно интересный экспонат для зоосада и стал торопить его, чтобы он быстрее шел в кассу.

— Да зачем в кассу-то? — подумал Харламий, но специалист так торопил его и подталкивал, что он побежал на второй этаж и стал в очередь.

Сквозь окно ему было видно, как специалист что-то кричал. Вышли два красноармейца в буденовках, взяли медведя за веревку и повели куда-то. Презент упирался, вставал на задние лапы и все смотрел на дверь, куда ушел Харламий.

— Что ж они волокут-то его так? — Он хотел выскочить во двор, но сзади напирала очередь и в спину его толкали:

— Товарищ! Товарищ в шинели! Да, да, вы! Вот именно, казак! Что вы крутитесь, ваша очередь получать.

Строгий кассир выдал ему тридцать новеньких хрустящих червонцев, заставил расписаться в ведомости, и Харламий аккуратно вывел: «Алмаз...»

Кассир велел пересчитать деньги — все ли точно. Он пересчитал — ровно тридцать, завернул деньги в платок, сунул за голенище и накопец-то выскочил во двор.

Там никого не было.

— Эй, хлопец! — спросил он вертевшегося беспризорника. — Медведя не видел?

— А его на автомобиле увезли!

— Куда?

— Почему я знаю! Может, в Москву!

— Ах ты, грех тяжкий! — посетовал Харламий. — Нехорошо. Не простился я с ним. Хоть бы малины сушеной купить ему, что ли, на прощанье! Нехорошо...

17

Он так намучился, пока шел с медведем по степи, что всю обратную дорогу проспал и чуть не проехал свою станцию.

— Я им сказала, — говорила жена, стаскивая с него сапоги, — что ты мишку в гости к бабушке повез. В лес, значит, погулять. А то каждый день пытаются: «Где батя? Где мишка?» Ревут.

— Умница ты у меня, — похвалил жену Харламий.

— Что это? — удивилась та, разворачивая сверток, выпавший из сапога.

— А... Это мне в городе дали. Говорят, положено. Компенсация какая-то. — Харламий так устал, что засыпал на ходу, но тут он увидел странный взгляд жены и то, как дрогнули у нее губы.

— Я так думаю, — как бы извиняясь, проговорил он, не понимая, однако, что могло обидеть жену. — Раз положена эта самая компенсация, дак что не взять? Деньги все же.

— Воля твоя, Харлаша... — печально сказала жена, — а только лучше бы не брал ты этих денег...

Харламий не услышал. Он спал, привалясь к косяку.

Весь следующий день он рассказывал девочкам, как встречали его медведи в лесу, как обрадовалась внуку бабушка-медведица. И дочки млели от восторга, хотя им очень жаль было, что медведь не вернулся с отцом, а решил у бабушки погостить.

— Что ж он, по нас и не скучал? — обидчиво надула губы Аниська.

— Как не скучал! Скучал! — сказал Харламий и вдруг вспомнил, как тянули медвежонка красноармейцы и как он все оглядывался на дверь, куда ушел Харламий. «Нехорошо, — опять подумал он. — Нехорошо, что я не простился. Хоть бы меду ему купить...»

Заботы дневные, суета будней заслонили память о медвежонке. Тут нужно было продналог сдавать, то снопы с поля возить, то молотить... Вставал он с рассветом, возвращался затемно, некогда было ему думать о Презенте. Томительное, слакотное время — ноябрь на Дону. Невылазная грязь на дорогах, холодный ветер воев в трубах, и солнце, которого все так же немало, не греет и не веселит душу. Все

дни — как тяжелый понедельник, когда до отдыха далеко и не видно конца трудам.

Но вот выпал первый снег! Ударил мороз, и все обновилось. словно новая жизнь началась.

Харламий вышел на крыльцо — посмотреть, как бегают по двору девчонки, играют со щенками, которых взяли взамен Цыгана и Презента. Вышла на крыльцо жена, вынесла Сашку, и он тарачил голубые глазенки на снежную белизну, на первый в своей жизни снег, на щенков, которые снежными комками катались по базу. Снег превращался на их пуховых шкурках в серебряные бусинки воды и делал их еще круглее.

Вдруг один из щенков зарычал, ощетинился и бросился под крыльцо. Захлебываясь еще не страшной яростью, он вытащил заваливающую красную суконную тряпочку, и Харламий узнал в ней донышко той папахи, что служила берлогой Презенту. И стало ему не по себе.

Он прошелся по двору. Снег скрипел и сбивался комками на его чириках... Непонятная злая тоска, как в Брянских лесах, когда томился он вдаль от дома, навалилась на Харламия.

— Даша, — спросил он. — А где те деньги, что я из города привез?

— В комод, — странным голосом ответила жена.

И еще тревожнее стало сотнику, потому что обычно жена прятала деньги за икону Николая Чудотворца, который строго смотрел из угла: все ли в порядке дома.

— Пойду спрошу, чего в газетах пишут, — сказал он и пошел через весь хутор к учителю, который когда-то учил его грамоте и которого Харламий уважал наравне с отцом.

— Что это за компенсация такая? — спросил он, когда они выпили по третьей чашке рыжего морковного чая, сиротского напитка голодных лет.

Учитель объяснил, что когда Харламий отдал Балабону свою корову, это была компенсация за ущерб.

— А деньгами? Деньгами может быть эта самая компенсация? — томясь и надеясь, что учитель скажет такие слова, которые снимут его тоску, спросил Харламий.

Но учитель сказал:

— Может! Ты, например, сапоги или барана покупаешь — деньгами платишь. Стало быть, компенсируешь затраты материала и трудов.

Ночью Харламий проснулся, будто его в бок толкнули. Тихо пиликал сверчок, густая темнота стояла в хате.

— Даша! — позвал Харламий. — Даша... Выходит, я его продал! — Харламий похолодел от собственных слов. — За тридцать червонцев продал!

Жена не отозвалась, делая вид, что спит, и страдая от того, что, может быть, первый раз в жизни не знает, как помочь мужу.

18

С этого дня Харламий как захворал. Все стало валиться у него из рук. Вяло взмахивал он цепом, когда обмолачивал снопы. Три дня набивал ободья на колеса, а прежде сделал бы это шутя за три часа.

Странное оцепенение овладело им. Он мог застыть с поднятой ложкой в руке и уставиться в угол, так и не донеся ее до рта. Мог часами сидеть прислонясь к печи.

Ему вспоминался запах медвежьей шкуры и замшевые пятки Презента, его смешная прысочка и ворчание... Залитая водой поляна и крошечный медвежонок на коряге или крыша вагона и бутылка молока, что подавали пассажиры.

И над всем этим, заслоня, вставало суетливое прощанье и взгляд медвежонка, когда искал он глазами хозяина, чтобы защитил он его от ведущих в неизвестное людей.

— Господи! — шептал Харламий. — Зачем я его взял тогда из лесу? Зачем?

Он похудел, стал тревожно спать. А проснувшись среди ночи, все представлял, как два красноармейца уводят медведя, а тот оглядывается, словно зовет.

Иногда, в отсутствие жены, открывал Харламий комод и доставал проклятые червонцы. Он хотел бросить их в печку или раздать нищим, но не мог, не решался. Он пересчитывал деньги и клал их обратно. Они жгли ему руки.

— Харлаша! — не выдержала, наконец, жена. — Съезди в город! Проведай Мишу! Поглянь, как ему там... Может, и тоска твоя пропадет. Может, и не виноватый ты вовсе?

Город и летом не блистал красотой, а зимой я совсем показался Харлампию жутким. Грязный снег сугробами лежал вдоль улиц, угольная пыль густо запылила его. Сажные, взъерошенные воробьи копошились в навозных кучах. Облезлые кирпичные дома в густой завеси сосулек угрюмо смотрели на редких прохожих.

Зоопарк помещался в парке бывшего Дворянского собрания. Издалека был виден сквозь голые ветви длинный дощатый забор. Пестрые плакаты, нарисованные от руки, покрывали его, и хоть краска на них почти смылась, Харлампий прочитал, что они объясняют, как человек произошел от обезьяны в результате борьбы за существование.

С обезьяны начиналась и выставка зверей. В большом сарае, что отапливался буржуйкой, стояла клетка с макакой, которая печально куталась в одеяло.

Во дворе клетки стояли рядами. В них сидели лисы, зайцы.

Стайки экскурсантов, в основном мальцы-пионеры, переходили от клетки к клетке.

Харлампий увидел Презента. Медведь лежал на исцарапанном когтями полу, уткнув нос в лапы. Большая коряга стояла посреди клетки с толстыми прутьями решетки. Вода была налита в корыто.

«Презент. Медведь бурый. Хищник. Кормить воспрещается», — сообщала надпись.

— А это медведь обыкновенный, — сказал кто-то, и конопатые носы пионеров повернулись в сторону Презента. Медведь встал, походил по клетке. Он сильно вырос, но шерсть его утратила прежний блеск, а походка — веселость. Он повернулся к экскурсантам и стал качать головой из стороны в сторону, выпрашивать подачку.

Вдруг он замер. Потом рывкнул, встал на задние лапы, прижался к прутьям решетки и застонал... Он увидел Харлампия!

Ветром перелетел казак через барьер ограждения! Не глядя, отшвырнул сторожа и, просунав руки сквозь прутья, обнял своего друга. Медведь тоже просунул лапы через решетку и положил их на плечи хозяину.

И заплакал человек. Запричитал в голос. Слезы потекли по его бороде.

— Миша! — закричал он, прижимаясь лицом к решетке. — Мишенька мой горький! Загубил я тебя! Поломал я твою жизнь! И зачем я тебя из лесу взял да на муку такую каторжную отдал! Прости ты меня, ради бога!..

А медведь стонал и лизал хозяину заплаканное лицо.

Родной! Золотой! Самый лучший на свете мой дедушка! Никогда я тебя не видел! Потому что в 1941 году, без всякого приказа (какой

приказ, когда был ты уже на самом деле делом и стариком), в который раз снял ты со стены шашку и пошел защищать Отечество.

И когда в неравном бою сронил ты лихую чубатую голову на прелые листья чужого осеннего редколесья, меня еще не было на свете.

Не ты качал мою колыбель. Не ты сажал меня в первый раз в седло. Не тебе на далекой бахче, среди зреющих арбузов, в сумраке шалаша, читал я по складам букварь. И не ты встречаешь меня хлебом и медом, когда в редкие часы отдыха возвращаюсь я в наш тихий хутор.

Но я твой внук. Твоя кровь!

Старики оставляют потомкам наследство: тот сад насадил, другой обучил внука редкому ремеслу, третий спел песню, которую слышал от своего деда.

Я никогда не видел тебя живым, мой добрый дедушка. Тайком доставал я из комода заветную фотографию, ставил рядом с зеркалом и все смотрел, все искал в своем лице твои черты. Я становился тобою, когда слушал рассказы уцелевших однополчан о храбрости твоей, о верности присяге, но больше всего о том, как ты плакал и просил прощения...

У кого? У медведя!

Мой добрый дедушка! Ты и после смерти учил меня! Когда случалось мне попасть в дурную историю или появлялась возможность сорвать удачу на чужом несчастье (потому что дурные дела человеческие заманчивы, а выгода иной раз кажется дороже правды), слезы твои стояли передо мною и отступался я от замыслов своих.

Не было и нет большего запрета, чем мысль, что дед и отец мой, павшие на войне, меня бы осудили.

Не богатство, не ум, не храбрость делают человека человеком, а совесть и доброта. Если это есть — все остальное приложится, а нет, так и человека нет!

И когда спрашивают меня, каким был мой дедушка, — я отвечаю:

— Он был самым честным и добрым на свете!

Он выстрадал и оставил мне историю про медвежонка...

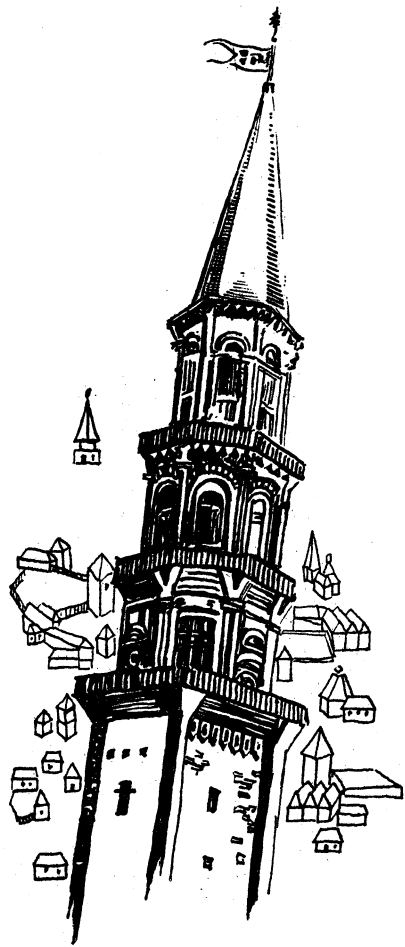
А у этой истории был и другой конец. Говорят, что когда в наших краях организовывался заповедник, то там поселили пару медведей из зоопарка. Так Презент опять попал на волю, но долго и мучительно пришлось ему к воле привыкать. Ну да она того стоит!

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ НЕВЬЯНСКОЙ БАШНИ

Игорь
ШАКИНКО

Оформление
З. Баженовой

Не время ли... по-новому
раскрыть тайну Невьянской башни...
П. П. БАЖОВ

Она великолепна звонким летним утром и в ночной тишине, в лучах ослепительного солнца и в зимнюю вьюгу. Но она хороша каждый раз по-особому, как, наверное, и всякое другое значительное архитектурное сооружение. В чем секрет волшебного очарования, которое исходит от талантливого произведения архитектуры? В таинственной соразмерности его частей? В особых линиях силуэта? В продуманных украшениях? Или еще в чем-то? Вероятно,— и в том, и в другом, и в третьем...

Невьянская башня выглядит сравнительно просто. Высокий строгий четверик с редкими, как будто случайно разбросанными по стенам небольшими окнами и крыльцом, примыкающим к одной из стен. На четверик поставлены три восьмерика, верхний увенчан восьмигранным шатром со шпилем и флюгером.

Четверик прост, даже суров, как крепостной бастион. Все архитектурные украшения из фигурного кирпича сосредоточены на восьмериках. Но и там соблюдено чувство меры, хотя башню и относят к стилю барокко, постройкам которого свойственна усложненность, а порой и вычурность.

Как пишет архитектор Р. П. Подольский, башня «по своему общему решению — это распространенный в старой русской архитектуре тип многоярусных башен и колоколен». И все-таки башня совершенно оригинальна, она не повторяет себе подобных. Башня — творение талантливого задчего, но не эпигона.

Она красива...

И все-таки в ее величии мы ощущаем что-то мрачное, трагическое. Скорее всего это происходит потому, что мы уже знаем страшные легенды и предания, которые окружают Невьянскую башню вот уже третье столетие.

Поговорите с невянянскими старожилками, да, собственно, не обязательно только с ними, и вы услыши-

те эти легенды и предания. О том, как в стены башни по приказу Демидова замуровывали живых людей. Что ее подземелья служили страшной тюрьмой, в которой узники подвергались ужасным пыткам. Что в башне есть комната, из которой Демидов слышал разговоры своих узников.

Особенно же распространена легенда о том, что в подземельях башни Демидов тайно плавил серебро и золото и чеканил «воровские» демидовские рубли. Когда слухи об этом дошли до столицы, то на Невьянский завод секретно послали князя-ревизора. Однако Демидова предупредили, и он, чтобы скрыть следы своих беззаконий, приказал открыть шлюзы плотины, и вода затопила подземелья вместе с сотнями мастеровых.

В. И. Немирович-Данченко, путешествовавший по Уралу сто лет назад, так записал свои впечатления от рассказов о Невьянской башне.

«В ее подземельях и народ топтали, в ее закоулках людей замуровывали, в ее черных казематах и застенках держали вредных и опасных супостатов. Царство призраков стало и уделом сказок. Легенды остались в народной памяти, и народ упорно связывает их с этою старою башней; народ говорит о ней то, что не скажут выходцы с того света, народу каждое пятно на этих онемевших стенах кажется следами убийств, каждый загадочный шум в стене — стонами когда-то замученных в каменных мешках жертв».

Эти легенды широко известны не только уральцам. Их знают по кинофильму «Петр Первый», по романам Евгения Федорова и Павла Северного, по старинным гравюрам и современным живописным полотнам, по многочисленным журнальным и газетным публикациям, по музейным экспозициям и просто из разговоров, когда речь заходит об уральской экзотике.

Но, как ни парадоксально, Невьянская башня — пожалуй, самый популярный, самый известный памятник истории и архитектуры Урала — остается до сих пор и самым неизвестным, вернее сказать, неизведанным, ибо одно из значений старинного русского слова «ведение» — отгадывание, знание тайны. Невьянская башня и в самом деле полна тайн, разгадать которые до конца не могут вот уже более двух веков.

Тайна всегда распаляет воображение, возбуждает особое любопытство, желание раскрыть ее. У Невьянской башни были и есть свои поклонники и энтузиасты. Годами ведут они неустанный поиск: дотошно расспрашивают невянских старожилов, простукивают толщу башенных стен, терпеливо роются в архивных недрах, пытаются добраться до легендарных подземелий...

Много лет посвятил изучению истории башни В. Г. Федоров. Результатом его архивных и других изысканий явились два издания небольшой книжки «Тайны Невьянской башни». Особенно плодотворно последнее время ведет наступление на секреты башни геолог С. А. Лясик. Взяв на вооружение исследовательские методы разных наук, вплоть до химических и спектральных анализов, он раскрыл неизвестные страницы истории башни, разгадал некоторые ее тайны.

И все-таки Невьянская башня во многом продолжает оставаться загадкой...

ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

Кроме давних вопросов о том, насколько историчны легенды о чеканке Акинфием Демидовым серебряных рублей и затоплении подземелий с мастеровыми (о плавке серебра мы поговорим позднее), в истории Невьянского завода есть еще немало белых пятен.

Один из вопросов, по которому все еще спорят историки, — когда же именно построена Невьянская башня. В литературе встречается по крайней мере пять дат: конец XVII — начало XVIII века, 1710, 1725, 1732, 1741 годы. Первая, вторая и четвертая дата ничем не аргументированы,

кроме логических рассуждений. Последняя дата — 1741 год, выдвинутая профессором А. Г. Козловым, подтверждена ссылками на архивные документы Центрального государственного архива древних актов. Но, как показала проверка этих ссылок сначала С. А. Лясиком, а затем автором этих строк, речь в архивных документах действительно шла о строительстве Акинфием Демидовым часовой башни или часовой колокольни в 1741 году, но только не на Невьянском, а на Нижнетагильском заводе.

Наиболее распространена дата — 1725 год. Главным доказательством правильности ее В. Г. Федоров считает найденную в Невьянске в 1958 году старинную чугунную плиту с орнаментом и текстом, который он прочитал неправильно: «Сие созидаю... памяти... комиссара Никиты Демидова лета 1725 генваря 1 дня». Федоров сделал вывод, что эта плита отлита в честь сооружения башни, которая должна явиться фамильным памятником роду Демидовых. А поводом для возведения башни, считает В. Г. Федоров, явилось пожалование Никите Демидову дворянского звания. Поскольку указ об этом (кстати, так и не подписанный Петром I) составлен в сентябре 1720 года, то Федоров решил, что «башня была, вероятно, заложена в начале 1721 года». С. А. Лясик, проведя тщательное исследование, доказал, что чугунная плита никакого отношения к башне не имеет.

Хотя аргументация Федорова оказалась несостоятельной, тем не менее 1725 год является наиболее вероятной датой постройки башни. Он упоминается в справке, составленной Невьянской заводской конторой в 1827 году для пермского губернатора, и в документе 1828 года, написанном перед ремонтом башни и ее курантов.

Кто же были творцы знаменитой Невьянской башни? Кто зодчий, по проекту которого создан один из шедевров русской архитектуры? Кто строил? На эти вопросы пока нет никакого конкретного ответа, а только зыбкие гипотезы и легендарные слухи.

Легенда об итальянцах, которых якобы Акинфий Демидов выписал «из-за моря», родилась наверняка из простой аналогии: наклонную башню в Пизе строили итальянские мастера, они создали и наклонную башню в Невьянске.

Однако академик И. Гмелин, посетивший Невьянский завод в 1742 году, пишет о «дешевых строителях», упрекая их за наклон башни и называя поэтому не «самыми наилучшими». Упрек, может быть, не совсем справедливый. Современные специалисты восхищаются прочностью и красотой, даже изяществом каменной кладки башни. При ее сооружении «здешние строители» (наверное, по замыслу зодчего) применили совершенно оригинальные инженерные решения. Архитектор Подольский, обследовавший Невьянскую башню еще в 1930-х годах, пишет: «Следует... отметить чрезвычайно интересную конструкцию примененных здесь железочугунных балок. Сплошное сечение литой чугунной балки 190×145 мм, повторяющееся по форме деревянный брус в зоне растяжения (внизу), усилено по всей своей длине железным стержнем 60×36 мм, втолпленным непосредственно в тело чугуна».

Конструкция такой балки, имеющей пролет свыше шести метров, свидетельствует о весьма ранней попытке зодчего (1725 г.) совершенно правильно сочетать два разнородных материала, дающих при совместной работе прекрасную систему, широко использованную лишь в XX веке в аналогичном сочетании бетона и железа».

Историки инженерного искусства считают применение таких металлических конструкций первым случаем в мире. Второй раз подобный способ применили при возведении купола Майнцского собора в 1828 году, и третий раз — при постройке Исаакиевского собора в Петербурге.

Вся башня построена без применения дерева. Зато металл использован очень щедро. Четверик в ять рядов связан железными затяжками. Чугунно-железные балки проложены в зонах растяжения восьмериков. Литые чугунные коробки для окон и дверей, семиметровая железная фигурная решетка на коньке крыльца башни, на балконах ярусов. Красивы литые чугунные перила. Шатер башни покрыт железом и венчается металлическим двухметровым флюгером — двоемеей ветренницей, металлическим громоотводом и позолоченным шаром с шипами-лучами...

Невьянская башня — творение невянских мастеров самых разных профессий. И, к великому нашему сожалению, мы не знаем даже их имен. Неизвестно и имя зодчего, по проекту которого создан этот шедевр русской архитектуры.

И. Э. Грабарь, рассказывая о биографии архитектора А. Ф. Кокоринова, упоминает, что его отец тоже был архитектором и работал на заводе Демидова, где в 1726 году и родился будущий ректор Академии художеств.

Профессионального архитектора Акинфий Демидов наверняка мог держать только на Невьянском заводе — в своей горной резиденции. А если это так, то отец Александра Филипповича Кокоринова и мог быть автором проекта Невьянской башни. Но, увы, новые документы в биографии А. Ф. Кокоринова достоверно показали, что он родился в Тобольске, а отец его служил по духовному ведомству.

Есть еще несколько гипотез об архитекторе Невьянской башни, но они требуют проверки, а потому о них рано еще говорить. А пока приходится довольствоваться легендарными слухами о том, что после сооружения башни зодчего и строителей тайно увезли на Кольванский завод, заковали в кандалы и сгноили в рудниках.

Кто знает, может, эта легенда отражает и реальные факты? Ведь немало известно трагических судеб талантливых зодчих и строителей.

Смысл и назначение каждого архитектурного творения — польза и красота. О внешнем великолепии Невьянской башни мы уже говорили. Незвестный зодчий сумел воплотить в ней завет старых русских мастеров, возводивших еще деревянные храмы: «...рубить высотой, как мера и красота скажет». И потому башня до сих пор радует глаз своей гармонией.

Ну, а зачем понадобилась Демидовым высокая каменная башня? Каково ее назначение?

Чаще всего каменные башни строили для обороны. Таково, например, первоначальное назначение кремлевских башен Москвы. Но Невьянский завод уже окружала деревянная крепость с семью деревянными же башнями. А новую, каменную, поставили внутри острога совсем отдельно, независимо от других строений. Ее самостоятельность, гор-

дое одиночество было замыслом зодчего, давшего башне соответствующее архитектурное решение: широкие восьмерики как бы удваивали число фасадов и, обращаясь к зрителю тремя или четырьмя гранями, словно приглашали обойти вокруг.

Нет, Невьянская башня вовсе не являлась оборонительным сооружением.

Иногда ее называют сторожевой колокольней. Мол, для Демидовых очень важно было следить за дорогами, чтобы вовремя заметить приближение ревизоров и других нежеланных гостей.

Наверное, башню использовали и для надзора. Но это отнюдь не являлось главной ее функцией. Сторожевую вышку целесообразнее было бы поставить на другом берегу Нейвы — на горе. Там даже с небольшой высоты открывался отличный обзор окрестностей Невьянска.

Вообще чисто утилитарное назначение башни — одна из ее тайн. Не ради же заводской «архивы», казначейской палаты да пробирного горна — что, по Мемориальной книге Махотина, размещались на разных ярусах башни во второй половине XVIII века — создавалось столь сложное сооружение?

О назначении так называемой «звуковой комнаты», в которой каждое слово, шепотом сказанное в одном из углов, отлично слышно в противоположном, нам вообще ничего не известно.

А вот идейный смысл Невьянской башни для нас, пожалуй, более понятен. Демидовы создали памятник самим себе, башня — это символ их могущества. Вспомним, что уже к 1725 году Невьянский завод превратился не только в самое крупное и передовое металлургическое предприятие мира, но и в резиденцию обширного демидовского горного царства. К тому времени Демидовы уже добились исключительных привилегий и получили власть над тысячами людей.

Почти четверть века демидовские люди осваивали Урал — искали руду, ставили заводы, мостили дороги, обживали дикое место. И давали отличный металл — не в пример казенным заводам, которые, кстати, Демидовы не раз пытались забрать в свои руки.

Мы можем только догадываться о масштабах честолюбивых замыслов Акинфия Демидова (старик Никита бывал на Урале наездами). Судя по всему, аппетит у него был отменный. Почти весь горный Урал видел он в мечтах под своей властью. Протягивал он хваткую руку и в далекую Сибирь. Не только частных промышленников теснил Акинфий Демидов с Каменного Пояса, но даже вступил в дерзкую борьбу с посланником самого царя Петра — горным начальником Василием Татищевым.

Всегда и любимыми средствами старался горнозаводчик подчеркнуть свое превосходство, свое могущество, свою власть. Его невянская резиденция во всем превосходила недавно рожденную государственную столицу Урала Екатеринбург — и по числу жителей, и по промышленной мощи, и по добротности строений. А каменная башня, каких не было ни на одном казенном заводе, должна была окончательно подчеркнуть это превосходство.

Для нас же Невьянская башня — памятник таланта и труда старых уральских мастеров, которые даже сегодня вызывают у нас, живущих в эпоху НТР, восхищение и уважение.

КУРАНТЫ

Несколько лет назад с Невьянской башни сняли строительные леса — закончили реставрацию наружных стен и купола. Но башенные часы остались мертвыми: поломаны стрелки на облупившихся циферблатах, искорежен музыкальный вал, колокола покрыты пылью и окислами...

А вскоре в Невьянске состоялась лекция. Сотрудница музея рассказала об истории башни, о том, как велись реставрационные работы. А после лекции вопрос из зала: «А как же с курантами?» Лектор стала объяснять, что ни в Свердловске, ни в Перми не нашлось специалистов, которые могли бы восстановить башенные часы, что их будут приглашать из Москвы... И снова молодой задорный голос из зала: «А сами-то мы что?» А ему кто-то в ответ: «Вот ты и возьми!»

И Александр Саканцев взялся. Взаялся разгадать секреты старых мастеров и восстановить куранты на башне. Работал он тогда наладчиком сварочной аппаратуры, но было у него одно хобби — старинные часы. Квартира Саканцева похожа на музей: все стены увешаны часами — старинными и современными, разных форм и размеров...

Вместе с помощниками Александр Саканцев стал изучать куранты. Собирали уцелевшие детали, а почти половины частей и вовсе не оказалось. Составили ведомость де-

фектным деталям, нуждающимся в реставрации,— их насчиталось около трех тысяч! Разгадывали схемы механизмов, делали чертежи недостающих деталей...

Года через полтора башенные часы пошли. Но главные трудности были впереди, когда взялись за музыкальную машину и за музыкальный вал, на котором когда-то закодировали старинные мелодии. Какие? Это была одна из тайн Невьянской башни.

На валу остались следы от 2186 шпеньков. Терпеливо и тщательно восстановили их. Теперь нужно было разгадать главный секрет курантов. Каждый шпенок в определенной последовательности цеплялся за рычаги, которые струнами-тягами соединялись с молоточками на колоколах. Но в какой именно последовательности? Сколько мелодий и какие закодированы на валу?

Начали экспериментировать. Изучали старинные ноты, применяли математические расчеты, вычерчивали графики... Это была долгая, кропотливая работа.

И вот наконец, почти через три года, одиннадцать из двадцати мелодий, записанных на музыкальном валу, расшифрованы. И наконец-то, когда после часового боя через систему рычагов включили музыкальную программу, вместо прежнего хаотичного перезвона колоколов над Невьянском поплыла старинная мелодия. И было это в декабре 1976 года — в день 275-летия города Невьянска.

Нотную запись разгаданных мелодий послали музыковедам Свердловска и Москвы. Специалисты высоко оценили качество музыкальной расшифровки. Оказалось, что на музыкальном валу курантов были записаны английские марши и танцы XVII века.

Но почему именно английские? А потому, что куранты, установленные на Невьянской башне, были вывезены Акинфием Демидовым из Англии. Об этом говорит Г. Махотин в своей Мемориальной книге: «...На ней часы аглинские с курантами, в них 9 колоколов 249 пуд 3 фунта. Оные часы... положены в расчет ценою 5000 рублей».

Ричард Фельпс, как установил В. Г. Федоров, был мастером литейного цеха в Лондоне, где его колокола установлены, например, на курантах собора св. Павла. Кто же изготовил часовой и музыкальный механизмы, неизвестно. В. Г. Федоров считает, что их создателем был английский часовой мастер Лонгли Бредли, поскольку именно он сделал механизм курантов для собора св. Павла.

Обстоятельства приобретения курантов до сих пор неясны. Они, пожалуй, даже загадочны, ибо, начиная с Северной войны и до 1732 года (а именно в этом году куранты уже

были в Невьянске и установлены на башне), Россия и Англия находились во враждебных отношениях и не имели даже дипломатических связей. Заказ же курантов наверняка был сделан еще до 1730 года.

Возможно, что заказать куранты в Англии Акинфию Демидову помог светлейший князь Меншиков, с которым и Акинфий, и его отец Никита были в самых близких отношениях. На московской церкви св. архангела Гавриила, так называемой Меншиковой башне, «поставлены были часы с курантами из Англии, которые били каждый час и четверти часа, а в 12 часов начиналась колокольная музыка и продолжалась целые полчаса».

При Петре I куранты привозили обычно из Голландии. Меншиков же достал английские, да не только с часовым боем, но еще и с музыкой.

О Меншиковой башне и ее курантах Акинфий Демидов знал наверняка, ибо для покрытия ее «шпичера» и двух полуглавы прислал с Невьянского завода «железа дощатого сибирского». Знал Демидов и о таком обстоятельстве. В июне 1723 года «во 2 часе по полудни наступила великая туча... и испустила из себя со страшным громом перун, который утратил в самое яблоко верхнее...» От удара молнии начался пожар, сгорели деревянные перекладки, и колокола вместе с часовой машиной рухнули на свод, проломили его и «подавили всех в тот час прилучившихся в церкви не малое число народа...»

Молния подожгла Меншикову башню потому, что на куполе не было громоотвода. И это сразу же учел Акинфий Демидов: при строительстве Невьянской башни на шатре установили громоотвод. Когда в 1970 году его сняли, то все лучи оказались оплавленными,— очевидно, Перун не раз пытался сжечь Невьянскую башню.

Возможно, кого-то разочарует, что куранты на башне не уральской работы. Но здесь вот что интересно. Уже в самом начале невянские мастера дополнили английское изобретение. На самом большом набатном колоколе имеется надпись: «Sibir 1732 июня 1 лит сей колокол в Невьянских дворянина Акинфия Демидова заводах. Весу 65 пуд 27 фунтов».

Кроме того, невянцы не только быстро научились «ходить» за курантами, но и вскоре сами научились их делать. Уже через несколько лет на Невьянском заводе имелись «часовые машины», которые «к часам колеса прорезывают» и другие детали готовят. В середине XVIII века здесь стали делать «часы столовые и башенные» не только для демидовских заводов, но и для продажи. Часы-куранты невянской работы установили, например, на колокольном Нижнетагильского завода (1741 год),

на Бьньговской церкви, на котторе Верх-Нейвинского завода... И невянские колокола прославились своим звоном на всю Россию.

О курантах Невьянской башни тоже немало легенд. Об одной из них упоминает в самом первом своем опубликованном рассказе «Старая башня» А. Н. Толстой.

«В один страшный для России год, как раз во время пира, подул с озера сильный ветер, и все услышали, как часто и гулко звонили часы. Князь, который только что собирался присесть, чтобы выкинуть невиданное коленце, остановился. Замотал головой и упал на лицо, мертвый. Полил сильный дождь... Озеро с ревом хлестало через плотину черные волны. В этот час пришла на завод чума и косила людей не переставая, а часы звонили всю ночь. Погиб народ, перемерли все владельцы, иные здесь, иные в столицах, где даже царских чертогов не побоялась черная смерть. Завод отошел к опеке.

Часы с тех пор бросили заводить, боялись даже подъезжать к башне, и, странная вещь, перед несчастием каждый раз звонит часовой колокол ровно три раза. Таково предание».

...Из окна новой заводской гостиницы с пятого этажа хорошо видна Невьянская башня. И когда на фоне ночного летнего неба высится ее строгий силуэт и колокола протяжно и словно трагично отбивают полночь, невольно возникает ощущение тайны, исходящей от старых башенных стен... И начинаешь задумываться о том, как много за свои два с половиной века повидала башня, и просыпается любопытство и желание раскрыть еще не прочитанные страницы уральской истории...

ПОЧЕМУ НАКЛОНИЛАСЬ БАШНЯ!

Если смотреть на башню в определенном ракурсе в то время, когда по небу стремительно бегут облака, то иногда кажется, что ее наклон достигает катастрофических размеров, что она вот-вот рухнет и погребет под своими развалинами все свои тайны... Но проходит мгновение, другое, так прошли годы и столетия, а

башня все продолжает падать — она живет в этом бесконечном падении.

Наклон Невьянской башни тоже одна из ее загадок. Что это — замысел архитектора или случайность? А если случайность — то какая?

Народное предание объясняет это просто: башня наклонилась от злодейств демидовских.

Версий о причинах наклона немало. Считают, что башню построили наклонной по капризу Акинфия Демидова. Версия эта понравилась писателю Евгению Федорову, и он в своем романе «Каменный пояс» сочинил (на что по закону жанра имел полное право) письмо Акинфия Демидова своему приказчику.

«Намерен я строить в нашей вотчине, Невьянске, башню по образцу, кой в иноземщине, в граде Пизе есть... Наказываю тебе сыскать в Санкт-Петербурге иноземцев-каменщиков, которые дошли в башенной стройке...» Дальше Е. Федоров пишет: «Башня, по примеру пизанской в Италии, строилась с наклоном на юго-запад; чудилось, что она рухнет и каменная кладь расколется на части».

Это демидовское письмо стали цитировать как исторический документ даже в научных трудах. А потому часто приходится слышать, что Невьянская башня построена «по образу и подобию» Пизанской, хотя трудно найти столь не похожие друг на друга строения. Общее у них только то, что обе они наклонные, падающие.

А вот как о Невьянской башне повествует писатель Павел Северный:

«Для душевного покоя Акинфия Никитича Демидова, по его воле, каменная башня Невьянска выстроена схоже с башнями Московского Кремля. С наклоном изложена она оттого, что в Петербурге довелось все-ильному заводчику насыщаться, будто в итальянской земле, в городе Пизе, стоит для устрашения народа башня, готовая упасть».

Наклон Невьянской башни — на юго-запад, в сторону пруда, и в сознании невянцев крепко угнездилась тревожная мысль, что при падении она обязательно разворотит плотину пруда, выпустит из него запруженную воду, и тогда неустойчивый вал смочет с лица земли все живое на десятки верст».

А почему же все-таки наклонилась Невьянская башня?

Как известно, пизанская кампания покосилась во время кладки первого яруса, и затем ее стали намеренно строить наклонной, специально утолщая стены с одной стороны. А почему наклонилась Невьянская башня?

Инженер В. Кабулов высказал предположение, что «отклонение башни от вертикальной оси происходило в процессе строительства и после него. А причина — плохо изученные

геологические условия строительной площадки, неизвестная величина несущей способности грунтов».

Сейчас это изучено хорошо. Вся площадь города характеризуется сложными геологическими условиями. Коричневые и цветные глины, пески, многие из которых обводнены, илы, твердые коренные породы расположены рядом, чередуются между собой по горизонталям и вертикалям. Несущая способность их различна. Кроме того, башня стоит на берегу пруда, а там обводнена вся прилегающая территория. А вода, как известно, враг номер один всех строительных конструкций.

Всех этих факторов строители Невьянской башни знать, конечно, не могли, что и сказалось на устойчивости сооружения. Под действием сотен тонн кирпичных стен грунты под фундаментом стали неравномерно сжиматься, причем в юго-западном направлении наиболее интенсивно, и башня стала постепенно наклоняться.

Предположение инженера В. Кабулова поддержал геолог С. Лясик. «Действительно, — пишет он, — породы здесь напоминают слоеный пирог, поставленный к тому же под углом примерно 50 градусов к земной поверхности. В результате под действием тяжести башни различные по плотности и водонасыщенности слои сдвигаются, что и приводит к постепенному наклону башни. Лучше всего это можно продемонстрировать с карточной колодой... Поставленная под углом (да еще под грузом) колода непременно соскользнет в сторону...»

Предположение В. Кабулова, что башня стала наклоняться еще при ее строительстве, подтвердили ученые Уральского политехнического института, которые провели тщательное исследование фундамента и стен башни. Оказалось, что наклон начался при возведении четверика, а при сооружении восьмериков строители пытались выпрямить башню.

И еще один оригинальный аргумент. Невьянец Л. Мамонов, наблюдая долгое время за демидовским флюгером (в 1970 году его заменили), установил, что он описывает вокруг своей оси полный круг и даже при слабом ветре бывает направлен против наклона башни. Сделав математические расчеты, Мамонов пришел к выводу, что шпиль и флюгер были в свое время установлены строго вертикально уже на наклонной башне.

Строители башни блестяще справились с трудностями, возникшими при ее возведении. Башня построена настолько прочно, что, несмотря на крайне неблагоприятные условия, в которых она находится последние десятилетия, она все еще не собирается упасть.

МОНЕТНЫЙ ДВОР АКИНФИЯ ДЕМИДОВА

Легенда о демидовских серебряных рублях упорно передается из поколения в поколение. В дореволюционных журналах частенько публиковался анекдот о том, как Акинфий Демидов играл в карты с императрицей и, нарочно проигрывая, платил ей новенькими серебряными рублями. Забирая очередной выигрыш, императрица вдруг спросила:

— Какими деньгами платишь, Демидов? Моими или твоими?

На что Акинфий Никитич с поклоном ответил:

— Все твое, матушка, и мы твои, и работа наша — твоя.

В свое время писались даже очерки с претенциозным названием — «Монетный двор Акинфия Демидова». Немало страниц в своем романе отвел демидовским рублям и Евгений Федоров.

Чеканил или нет Демидов в Невьянске свои деньги? С этим вопросом автор обратился к профессору И. Г. Спасскому — крупнейшему в нашей стране специалисту по русским монетам и попросил высказать свои соображения. Вот что он ответил:

— К сожалению, в целом ряде исторических романов содержатся ляпсусы относительно истории русских денег, и с такими недоразумениями очень трудно бороться — печатному слову верят. К числу порожденных и распространяемых мифов относятся и «демидовские рублевки Анны Иоанновны», расписанные в романе Е. Федорова. Монетное дело — древнейшая область прикладной физики, а с ней Федоров явно не в ладах...

Для чеканки доброкачественной крупной серебряной монеты, тогдашней 77-й пробы, требовался не закуток в темном подвале, а целое предприятие с лабораторией и громоздкими механизмами. Такого сложного оборудования, по мнению профессора Спасского, в Невьянске в то время не могло быть.

Второй аргумент И. Г. Спасского, выдвинутый им против легенды о чеканке демидовских денег:

— Через мои руки прошли многие тысячи рублевиков и полтин царствования Анны Иоанновны, а в

богатой коллекции поддельных русских монет имеется лишь отвратительное литье фальшивомонетчиков из плохого металла или коллекционерские переделки.

Таким образом, несмотря на хорошее знакомство с русскими нумизматическими коллекциями, профессор Спасский не обнаружил монет, которые можно было бы отнести к демидовской чеканке. Это, пожалуй, самый серьезный аргумент Спасского. Ведь если бы демидовские рубли имели хождение, они наверняка осели бы в какой-нибудь коллекции: Что же касается первого аргумента, то он не совсем убеждает: в первой половине XVIII века Невьянский завод удивлял Россию и Европу своей совершенной по тому времени техникой.

Так или иначе, но о реальном существовании монетного двора Акинфия Демидова пока нет никаких убедительных свидетельств.

ТАЙНА НЕВЬЯНСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

Кто только не пытался найти подземелья Невьянской башни и разгадать их тайны! О том, что эти подземелья существуют, свидетельствуют некоторые архивные документы. В упоминавшейся уже Мемориальной книге, в которой дан подробный перечень всех строений Невьянского завода, говорится: «...под тою башнею палат, к низу складенных, 2».

А вот другое свидетельство — прошение невянца Прокопия Меньшакова императору от 10 февраля 1825 года, в котором он (Меньшаков), кроме всего прочего, описывает, как его засадили «под стражайший караул в такую ужасную палатку под башнею, что не только ночью, но и днем человеку быть было одному опасно».

Свидетельства довольно убедительные. Однако все попытки найти в самой башне какой-либо вход в подземелье не увенчались успехом.

А вот подвалы неподалеку от башни известны давно. В. Г. Федоров приводит выдержку из рукописи XIX века священника Невьянского завода Н. А. Словцова: «Назад тому лет 40 сделался провал во входе,

идушем в господские хоромы, и любопытные желающие пройти по таинственному ходу были остановлены железными дверями, запертыми огромными висячими замками».

Эти подвалы позднее видели многие. Довелось их увидеть и автору этих строк.

...Провал в земле. Вниз ведет деревянная лестница. Спускаемся по ней и попадаем в подземелье. Нет, это совсем не примитивный подвал. Могучие своды, выложенные из крупного старинного красного кирпича, похожего на тот, из которого сложена сама башня. Своды прочны и даже красивы, всеразрушающее время все еще не властно над ними. Под ногами толстый слой земли и битого кирпича. Вытянувшись во весь рост, невозможно достать рукой до верха свода. Проходим три подземных зала, соединенных между собой узкими проходами. Дальше хода нет. Два дверных проема замурованы. Толстая чугунная дверь завалена...

Это лишь небольшая часть подземелий. Остальную, значительно большую, удалось «увидеть» геофизическим прибором. По геофизическим данным, полученным учеными, работавшими под руководством кандидата технических наук В. М. Слукина, вокруг Невьянской башни находится целый лабиринт подземелий...

Теперь слово за археологами. Что они скажут?

Ну, а пока правы скептики, которые не верят ни в тайную плавку серебра, ни в чеканку демидовских рублей, ни в затопление подземелий вместе с мастеровыми...

К последней легенде (о затоплении) очень критически в свое время относился П. П. Бажов. В письме к поэту А. Суркову он писал:

«Вообще этой ходовой легенде я не верю именно потому, что не могу представить себе это дело практически. Вариант затопляемого подземного тупика невозможен, не выдержит никакое сооружение. Вариант «было да водой смыло», то есть проходной воды с крутым падением ниже подземелья и незаметным выходом в Нейву, тоже невероятен: требует работ и креплений чуть не линии московского метро. Да и первые Демидовы... были людьми деловыми, которые нашли бы выход попроще и без риска оставить улики. На Урале того времени ничего не стоило найти десятки хорошо укрытых мест и отпереться от фальшивомонетчиков было нетрудно: мало ли что они выдумают. Только и всего, и никакого подземелья не требуется. Но должен сказать, что легенда эта крепко укоренилась. Ее бездумно повторяют в Невьянке, ссылаясь на стариков, которые будто бы видели остатки подземных ходов, хотя направления указывают по-разному. Некогда вот только нам заниматься

подобными вещами, а стоило бы проверить раскопкой».

Современные археологи, которых пытались привлечь к раскопкам невянянских подземелий, чтобы подтвердить или опровергнуть историческую реальность тех или иных легенд, относятся к этому предложению крайне скептически и считают, что не стоит тратить время на дело, заранее обреченное на неудачу.

Было бы нелепо видеть в каждой легенде и в каждом предании зашифрованные исторические факты и события. Но и излишний скепсис тоже бесплоден. Ведь посрамил же недоверчивых серьезных ученых, отвергавших фактическую основу гомеорского эпоса, и в частности существование Трои, дилетант Шлиман. Наивно поверя в правдивость «Илиады», он нашел и раскопал историческую Трою.

Но не будем увлекаться — параллели всегда опасны. И все-таки в результате архивных розысков, проведенных автором этого повествования, удалось восстановить некоторые события, скрывающиеся за легендой о тайной плавке серебра на Невьянском заводе. Следует обязательно оговориться, что первым по этому пути пошел С. А. Ляжик. В последующих главах автор частично использует и его исследования.

ГРОБНИЦА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Около этого экспоната всегда многолюдно. И голос экскурсовода становится здесь по-особому торжественным: «Гордость эрмитажного собрания... Шедевр русского серебряного дела...»

Серебряная гробница Александра Невского действительно уникальна и великолепа. Памятник русской воинской славе. Торжественный. Пышный. Величественный. Саркофаг, или по-древнерусски — рака, большая пятирусная пирамида, две малых пирамиды с воинскими трофеями и пара напольных подсвечников... Кажется, никто и никогда не создавал из серебра столь грандиозного произведения искусства.

История этого памятника известна. Сразу после Полтавской побе-

ды Петр I основал на берегу Невы Александро-Невский монастырь — на месте, где, как предполагали, князь Александр разгромил шведов. А когда закончилась Северная война, Петр приказал перенести в монастырь мощи великого полководца, объявленного святым...

Спустя четверть века, при дочери Петра императрице Елизавете, останки Александра Невского поместили в серебряную гробницу, чеканные барельефы которой рассказывали о главных событиях жизни и победах полководца. На одной из сторон саркофага, на картуше, отчеканены слова Михаила Ломоносова:

Святой и храбрый Князь здесь телом
почивает,
Но духом от небес на град сей
презирает
И на брега, где он противных
побеждал
И где невидимо Петру
споспешествовал.
Явля Дщерь Его усердие святое,
Сему защитнику воздвигла раку в
честь
От первого сребра, что недро Ей
земное
Открыло, как на трон благоволила
сесть.

А на другом картуше, который держит один из ангелов, читаем такие строки: «Державнейшая Елизавета... сию... украшенную раку из первоприобретенного при ее благословенной державе сребра соорудить благоволила в лето 1750.»

Осматривая гробницу, невольно припоминаешь героические страницы истории Древней Руси, связанные с именем Александра Невского, восхищаешься гробницей, удивляешься искуснейшему мастерству художников, литейщиков, чеканщиков и громадности самой раки — 90 пудов драгоценного металла! — и благородству матового блеска сибирского серебра...

Но сначала как-то не придаешь значения тому, что само по себе это серебро — тоже памятник русской истории. Не придаешь, хотя и надписи на гробнице, и экскурсовод сообщают о том, что это «первоприобретенное серебро», которое русское «недро земное открыло». Да, это интереснейший памятник истории, несмотря на историческую неточность надписи: гробница создана вовсе не из самого первого русского серебра. Но она создана из серебра, к которому легенды Невьянской башни имеют прямое отношение.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Музей поэтов

Адрес этого единственного в стране домашнего музея поэтов: г. Пушкин, Вокзальная, 25. Его создал в своей квартире коллекционер С. Д. Умников.

Вот уже более сорока лет Сергей Дмитриевич коллекционирует материалы, посвященные жизни и творчеству А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, А. Ахматовой. Он создает к юбилейным датам поэтов экспозиции, включая в них первые издания, редкие портреты, картины, письма, экслибрисы...

В 1916 году Сергей Есенин работал санитаром в Царскосельском военном госпитале. Из Царского Села поэт писал письма друзьям. Здесь он встречался с молодежью, фотографировался у здания Лицея, где учился А. С. Пушкин. Эти и другие редкие материалы демонстрируются на стенде «С. А. Есенин».

Несколько сот экспонатов насчитывает стенд А. А. Ахматовой. Когда у экспозиции собираются гости музея, звучит голос поэтессы, читающей свои стихи, и романсы, написанные на ахматовские произведения Сергеем Прокофьевым.

За короткое время музея поэтов приобрел сотни друзей, стал известен в отдаленных уголках страны. С. Д. Умников отвечает на просьбы с Урала, из Якутии, Закарпатья и с Дальнего Востока, высылает репродукции редких материалов, рассказывающих о жизни и творчестве поэтов.

Всеволод
КРИВОШЕИН

Беличьи шкурки

в роли денег

Беличьи шкурки роль денег выполняли в Прикамье с первых веков новой эры до XIII века. Пермские племена — удмурты, коми, мордва, марийцы — до сих пор слово «белка» применяют не только в буквальном смысле, но и однозначно со словом «коленка» — деньги.

Известно, что до 1385 года на Руси собственных денег не чеканили, а обходились чужеземными. В XIV веке «всего распространеннее была татарская монета и всего привычнее для русского населения был татарский счет».

В процессе обмена сложился эквивалент, по которому за одну тангу давали три белки, а за две танги — семь белок. Сбор дани с населения и пошлин с купцов происходил тоже по этому эквиваленту.

Население Прикамья было с древних времен привычно к белкам, как к мерилу стоимости. Недаром в уставной грамоте чердынцам и усольцам все оценивается на белки, так как в Чердыни и Перми Великой белка была самым ходовым товаром.

Александр
ЗАБОЕВ

ВЗЛЕТ МЫСЛИ

Современная физика... Это громады атомных электростанций и ядерных реакторов, это мощные ускорители, термоядерные установки. Среди тех, кто расширяет границы наших знаний об окружающем мире, выдающийся советский ученый, специалист в области физики плазмы, управляемого термоядерного синтеза, магнитной гидродинамики **Роальд Зиннурович Сагдеев**.

В 32 года Р. З. Сагдеев избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР, в 36 лет — действительным ее членом, одним из самых молодых академиков страны.

Наша встреча с Р. З. Сагдеевым состоялась в его рабочем кабинете в Институте космических исследований Академии наук СССР. Академик собран, по-спортивному подтянут, обаятелен и прост.

Говорят, выдающийся физик И. В. Курчатов готовился стать кораблестроителем, микробиологом Луи Пастер в юности видел себя кристаллографом, старейший советский астроном академик А. А. Михайлов

мечтал стать химиком. Судьбу Р. З. Сагдеева в какой-то степени определило то, что его родители были учителями. Очень хорошая домашняя библиотека, в которой всегда можно было найти что-то интересное по физике и математике и пойти в занятия гораздо дальше школьной программы. Именно тогда зародился у Роальда интерес к науке, к открытию неизвестного.

Выбор шел между математикой и физикой. В конце концов чаша весов склонилась в пользу физики. Чисто интуитивно хотелось чего-то более практического, менее абстрактного, чем математика. Однако то, что Роальд выбрал физику, было неожиданно и для родителей, и для многих преподавателей — его успехи в математике были лучшими, нежели в физике. После окончания школы Роальд поступает на физический факультет МГУ.

Р. З. Сагдеев: В МГУ был особый подбор учеников, введенный академиком Л. Д. Ландау. Нужно

было сдать ему девять экзаменов, так называемый минимум Ландау. Всякий, сдавший эти экзамены, становился его питомцем. Занимаясь в университете, я одновременно посещал семинар Ландау и сдал все эти девять экзаменов. По окончании МГУ мне было предложено идти к нему в аспирантуру. Но по ряду обстоятельств аспирантура у Ландау не состоялась, и я стал работать в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова. Хотя, надо сказать, творческая связь с Ландау не прервалась и длилась еще долгие годы, до самой его смерти.

В ИАЭ Р. З. Сагдеев оказывается в творческом коллективе, возглавляемом академиками Л. А. Арцимовичем и М. А. Леонтовичем. Первые годы он непосредственно работает под руководством профессора Д. Франк-Каменецкого, очень известного в те годы специалиста по плазме и астрофизике.

В 1961 году Р. З. Сагдеев переехал в Новосибирск, где возглавил

теоретический отдел Института ядерной физики Сибирского отделения АН СССР и основал экспериментальную лабораторию по физике плазмы. Именно к этому периоду относятся его многочисленные работы, которые вошли в золотой фонд науки о плазме, сыграли основополагающую роль как в физике горячей, лабораторной, так и в физике космической плазмы. Р. З. Сагдеев создал сибирскую школу физиков-плазменщиков.

В Новосибирском академгородке Р. З. Сагдеев вместе со своим учеником доктором физико-математических наук А. А. Галеевым увлекается «Токомаками». И они создают основу теории «Токомаков», исследуют проблему удержания плазмы. Работа шла с участием академика Л. А. Арцимовича, который в то время был координатором всей плазменной программы в Советском Союзе. Необходимость более тесного творческого контакта с ним побуждает Р. З. Сагдеева возвратиться в Москву. Здесь он продолжает заниматься плазмой, но уже для термоядерных реакторов.

И вдруг в 1973 году Р. З. Сагдеев — во главе Института космических исследований. Что же заставило его после сугубо земных дел подступить к тайнам Вселенной? Все та же плазма...

Р. З. Сагдеев: Плазма — самое распространенное состояние материи. Однако физики еще не могут создать на длительное время сравнительно спокойную и достаточно горячую плазму. А в магнитосфере она существует постоянно и порой разогревается до таких температур, которые необходимы для того, чтобы зажечь солнце на Земле — получить управляемую термоядерную реакцию. Экспериментальное изучение бурных процессов в магнитосфере — неустойчивостей, характерных для четвертого — плазменного состояния вещества, интересно не только для геофизиков, но и для исследователей плазмы. Кроме того, космическое пространство — это безграничная лаборатория. Свой переход в космическую физику считаю вполне естественным и закономерным...

Исследования академиком Сагдеевым и его учениками неустойчивости плазмы стали основой для одного необычного эксперимента. Было осуществлено воздействие на магнитосферу Земли мощными пучками электронов, выпущенных космическими аппаратами и ракетами. Р. З. Сагдеев был научным руководителем советско-французского эксперимента «Аракс», в котором ракета, стартовавшая с острова Каргелен в Индийском океане, выдала в магнитосферу электронный пучок.

Электроны прошли по силовым линиям магнитного поля Земли более 100 000 километров, вызвав интенсивное радиоизлучение и искусственное полярное сияние в районе Архангельска.

Р. З. Сагдеев: Существует целое направление в науке — физика Солнца. Наше светило относится к типичным нормальным звездам, внутреннее строение которых считалось полностью объясненным. Астрофизики, кажется, досконально изучили ход термоядерных реакций на Солнце. Была рассчитана модель гигантского газового шара, находящегося в гравитационном и тепловом равновесии. Однако эксперименты по регистрации солнечных нейтрино доказывают, что их поток по крайней мере почти в десять раз меньше, чем это можно «выжать» из теоретических моделей Солнца. Была высказана даже гипотеза о том, что «ядерная печь» Солнца выключилась или нейтрино может быть неустойчивой частицей, распадающейся на пути к Земле. Не «закрывать», конечно, и более сложные модели Солнца...

Интерес физиков к нашему светилу обусловлен, однако, не только тем, что это ближайшая к нам звезда (наблюдая ее, мы имеем возможность получать информацию о процессах, протекающих в самых удаленных уголках Вселенной), и не только тем, что оно является доступным для изучения термоядерным реактором. Мы должны пополнять знания о Солнце и потому, что именно оно диктует условия солнечной системе. Важно, например, найти зависимость между изменениями климата Земли и активностью Солнца.

Изучение космической плазмы — лишь одна из сторон научной деятельности академика Р. З. Сагдеева. Он — руководитель научно-методического центра по изучению природных ресурсов из космоса. Академик Р. З. Сагдеев внес большой вклад в изучение других планет солнечной системы. Наука о планетах переживает, наверное, сейчас самое интересное время. Не проходит года-двух, как с космодромов направляются в глубины Вселенной новые автоматические станции. Почему ученые так привлекают эти небесные тела?

Р. З. Сагдеев: Одна из главных задач — выяснить происхождение солнечной системы, как и когда возникла вокруг Солнца система планет, какой она была и какой будет... И самое главное, на примере, скажем, Венеры, Марса мы можем лучше понять эволюцию «колыбели человечества». Уже сегодня успехи в изучении Луны и планет

солнечной системы позволяют понять такие этапы истории Земли, которые стерты временем или погребены под более поздними отложениями.

Другая задача — происхождение жизни. Обнаружение внеземных форм жизни явилось бы в полном смысле революционным открытием и серьезно повлияло бы на дальнейшее развитие науки.

Неиссякаемая энергия, талант исследователя сочетаются у Р. З. Сагдеева со страстным увлечением спортом, искусством. Играл в шахматы и в школьные годы был даже чемпионом Казани среди юношей. Однако считал и продолжает считать, что серьезное занятие шахматами требует полной отдачи сил. Поэтому одновременно с поступлением в университет сразу бросил играть серьезные партии и стал заниматься другими видами спорта. До сих пор постоянный участник «международных встреч» по футболу сборной команды института с командами ученых других стран. Такие встречи организуются во время международных симпозиумов, конгрессов, конференций.

Р. З. Сагдеев успешно закончил детскую художественную школу, где, как он выражается, приобрел некоторые навыки в технике живописи и рисунка. Продолжает и сейчас рисовать в свободную минуту, хотя таких минут бывает мало.

У академика Р. З. Сагдеева двое детей. Сын — студент физического факультета МГУ, дочь — школьница.

«То, что сын решил стать физиком, нет ли здесь давления со стороны отца?» — поинтересовался я у Ровальда Зиннуровича.

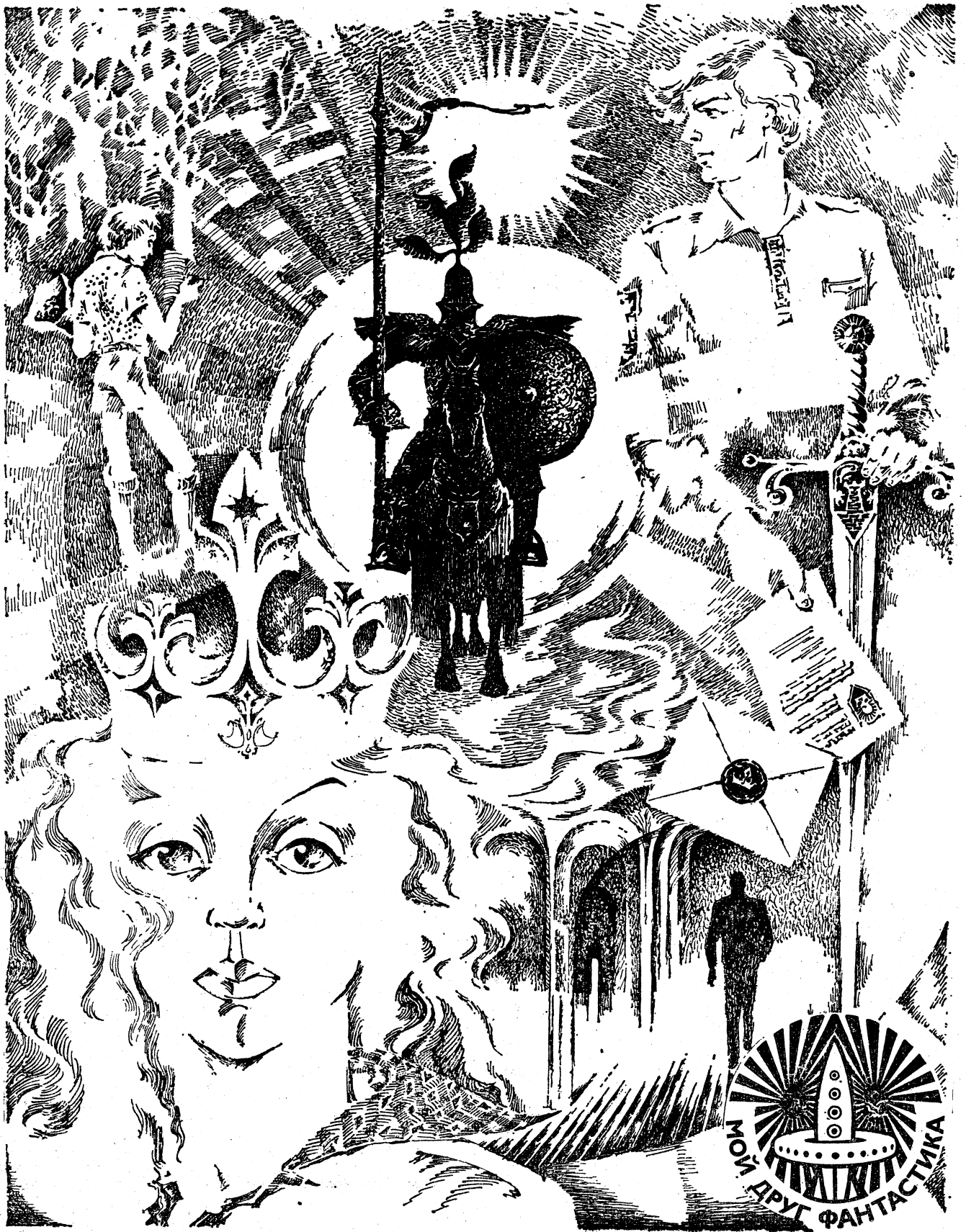
Р. З. Сагдеев: Говорить о моем давлении, наверное, было бы неправильно. Хотя мой пример был у него перед глазами.

В конце беседы мы говорили о необходимости объединения усилий ученых в познании тайн природы.

Р. З. Сагдеев: Законы механики и силы гравитации, заставляя спутники многократно опоясывать земной шар, определили глобальный и тем самым общечеловеческий характер космонавтики и космических исследований. Благодаря ракетно-космической технике, межконтинентальные, межгосударственные границы оказались раздвинуты, а человеческая деятельность, мысль получили невиданный простор...

Вел беседу ЮРИЙ ЗАЙЦЕВ

СРУБИТЬ КРЕСТ

Владимир
Фирсов

Рисунки
Е. Стерлиговой

Повесть

...Это все происходило так давно, что даже в книгах — самых древних, самых мудрых — не найти упоминания о событиях той поры. Каждый день над миром солнце поднималось величаво, освещая горы, реки и зеленые леса. Но не вился дым уютный над жилищем человека, не вставал с рассветом пахарь иль веселый дровосек. Не шумели на запрудах мельниц быстрые колеса, наковальни звон ритмичный тишины не нарушал. В постоянном страхе жили люди в те лихие годы. Смерть бродила между ними, поражая всех подряд. И не знал никто спасенья от ужасной этой гостии — ни младенец, ни мужчина, ни старик седобородый. Все равны пред нею были, и она, не разбирая, всех без промаха разила, собирать не уставая жатву жуткую свою.

И тогда взмолились люди, и услышало их небо, и сошли на землю боги жизни, смерти и любви. В неземном своем величьи, окруженные сияньем, по ступеням туч небесных вниз сошли они чредой. Ниц просители упали, глаз своих поднять не смея на посланников небес. И людей спросили боги — чем они так недовольны, почему они стенают, что за горе их гнетет? Были ласковы их взоры, речи их полны участия. Но не смели слова молвить распростертые в полях. И вторично спросили трое жителей небесных, и сквозило нетерпенье в их сверкающих очах. Приподнялся вождь отважный, убуеленный сединою, только слова недовольства вслух сказать он не посмел. В третий раз спросили боги — гневом очи их пылали, всколыхнулось шумно море, грозно дрогнула земля. И тогда старик решился, крепко на ноги поднялся и в лицо бессмертным бросил дерзновенные слова. Говорил он, что устали люди ждать всечасно смерти, что хотя бы они без страха жить положенный им срок. Долгий срок или короткий — это пусть решают боги, лишь бы был всегда единым жизни путь для всех людей.

Услыхав такую просьбу, топнул в ярости бог смерти — раскололась в этом месте потрясенная земля. А бог жизни улыбнулся — от одной его улыбки зацвели на мертвых скалах небывалые цветы. Бог любви вздохнул глубоко и сказал: «Старик, поведай, для чего ты это просишь? Ты на свете жил немало — больше, чем любой из вас. Если сделать, как желаешь, жизнь твоя прервется сразу. Не оставит ли, как было, до окончания веков!» «Нет! — сказал старик бесстрашно. — Не себе прошу я жизни. Я люблю народ мой добрый — так люблю, как ты учил. Пусть живут без страха люди, пусть не бродит смерть меж ними — я за это, не колеблясь, десять жизней бы отдал!» И едва он это молвил, как глаза его закрылись,

---

Владимир Николаевич Фирсов родился в 1925 году в Калуге. Во время войны работал слесарем на авиационном заводе в Москве. Окончил Московский полиграфический институт, работает в издательстве «Мир». В печати выступает с 1954 года, первый фантастический рассказ опубликовал в 1966 году в «Искателе». Повести и рассказы В. Фирсова печатались в сборниках «Мир приключений», «Фантастика», «НФ», переводились на иностранные языки.

В нашем журнале выступает впервые. Повесть «Срубить Крест» публикуется в журнальном варианте.

и к ногам богов бессмертных бездыханным, он упал. «Быть по-вашему, о люди!» — прозвучало над землей, и ушли на небо боги по ступеням облаков.

С той поры века минули. Разрослось юдское племя. Страха гибели не зная, люди счастливо живут. Всем срок жизни дан единый, и, богов благословляя...

Черновой набросок древней легенды, найденный в архиве Черного Совета.

[На черновике собственноручная пометка Рюделя: «Указать автору на недопустимость прославления иной религии, кроме религии Креста.»]

Часть I. ИГРА

Глава I. Как рыцарь

Черной Башни

сразился с рыцарем Леопарда

Вдалеке запели трубы герольдов, возвещая начало поединка. Не глядя, я протянул руку, взял копьё, поданное оруженосцем, и тронул Баязета. Тот боком-боком пошел в ворота, фыркая и помахивая бронированной головой. На противоположной стороне ристалища уже гарцевал мой противник, смеясь и выкрикивая что-то возбужденной толпе зрителей. Но вот он заметил меня, уставил копьё и пришпорил коня. Я тоже опустил копьё и помчался навстречу.

Мы сошлись в самом центре ристалища — точно на красной разделительной полосе. Публика взвыла от восторга. Первая схватка — это просто разведка, даже разминка. Рыцари скачут с поднятыми забралами, угрожая копытами лишь для пушного эффекта. Задача первой схватки — выявить скоростные данные противника, его внимание и глазомер. А поскольку считается почетным схватиться с соперником на его половине ристалища, каждый из бойцов пришпоривает коня востро.

Круто завернув лошадей и подняв копьё над головой, мы вернулись к своим воротам, чтобы приготовиться ко второй схватке. Я опустил забрало, сменил копьё на меч и снова выехал на поле.

Мой супостат уже гарцевал у трибун, размахивая мечом над головой. Под ноги коню из публики летели цветы. Подул свежий ветер, и его знамя с алым леопардом, распластавшимся на голубом шелке, развернулось в мою сторону. Я сделал в уме поправку на встречный ветер, который снизит стремительность моей атаки, и приготовился. В горле пересохло, а ладонь в бронированной перчатке, сжимавшая рукоять меча, стала влажной.

Мой противник все гарцевал перед публикой у своих ворот. По жребию право атаки досталось ему, и он спо-

койно разминался, не давая застояться лошади, а я вынужден был торчать под июньским солнцем в своей черной броне. Конечно, мне никто не мешал последовать его примеру, но здесь-то и таилась опасность. Стоит на мгновение повернуться к сопернику боком, и он кинется вперед, выигрывая драгоценные метры. Поэтому я стоял на месте, хотя в публике уже стали посвистывать.

Ветер опять стих, и я подумал, что столь опытный противник сейчас не станет атаковать — попутный ветер давал ему хоть маленькое, но преимущество. Мне нестерпимо захотелось холодного апельсинового сока, я стал шарить по панцирю в поисках питьевой кнопки и чуть не прозевал бросок рыцаря Леопарда.

Ах, какое это упоенье — мчаться в броне навстречу бою! Где-то за спиной взлетают комья земли из-под копыт Баязета, голова надежно прикрыта щитом, меч со свистом рассекает воздух. Вперед, вперед — к красной линии в центре ристалища. Сейчас зазвенят мечи, и тысячи зрителей вскочат с кресел, и громовой рев потрясет окрестности! Вторая схватка — это уже бой, от исхода которого зависит, кому из рыцарей достанется Волшебное копье.

Мы снова сошлись на красной линии, вызвав взрыв восторженных криков на трибунах, обменялись двумя-тремя безрезультатными ударами и разошлись, чтобы развернуть лошадей. Но теперь я знал, что выиграю схватку, в мыслях уже видел алый плюмаж моего противника на траве, под копытами рассвирепевших лошадей.

За несколько секунд схватки я понял, что лошадь рыцаря Леопарда не так хороша, как это показалось мне сначала, и заметно уступает Баязету. Кроме того, я был обоюсторонним боем и только из-за строжайших правил рыцарского кодекса не рубился двумя мечами сразу. Пока мы разворачивали лошадей, я успел переложить меч в левую руку и вдобавок сманеврировал так, чтобы солнце оказалось у меня за спиной. И при второй ошибке мы съехались, неожиданно для соперника, не левым, а правым боком, и мой щит оказался против его меча, а его щит бесполезно болтался с другой от меня стороны. Рыцарь все понял. Он извернулся в седле, насколько позволяла тяжелая броня, и отразил мечом мой удар — из клинков вырубились искры, над мгновенно затихшей толпой проплыл короткий звон стали. Но Баязет уже оказался за его спиной, и напрасно рыцарь Леопарда старался развернуть свою лошадь — мой злой и кусачий Баязет был быстрее. Участившийся звон мечей дробью летел над ристалищем — рыцарь Леопарда пока защищался успешно, но я все обезджал его сзади, и ему не хватало доли секунды, чтобы повернуться ко мне левым боком. Выйти из боя он не мог, потому что наши лошади устроили круговорот — ржали, визжали, и Баязет уже кусал в ярости лошадь противника, а тем временем я сантиметр за сантиметром передвигался за спиной рыцаря Леопарда в ту точку, отражать удары из которой он уже не сможет. И когда из-за достиг, мой противник сделал последнее, что ему оставалось, — прикрыл щитом голову, чтобы успеть развернуться в седле. Но это его не спасло. Ударом щита я отбросил его щит — на полсекунды, не больше, мне открылся сверкающий золотом шлем. Меч свистнул, прочертив горизонтальную линию, — это был мой любимый «полет ласточки».

Алые перья плюмажа лежали на зеленой траве, и Баязет танцевал на них, словно это были горячие угли, обжигавшие ему копыта, а я слушал рев зрителей и думал о каких-то пустяках. Теперь Волшебное копье — мое...

Пронзительно и чисто запели серебряными голосами фанфары. Отлично знакомые с ритуалом, лошади враз повернулись мордами к Арсенальной ложе и преклонили колена. Мы сошли на землю и, ведя лошадей в поводу, приблизились к ступеням, обтянутым синим бархатом. Я принял Волшебное копье из рук Верховного Судьи, сел на Баязета и помчался к своим воротам готовиться к третьей, решающей схватке.

Мой оруженосец и тренер Пашка Гусев выглядывал из ворот, приплясывая от радости.

— Ну, теперь держись, Алексей, — говорил он, пока руки его привычно бегали по броне, проверяя, закрыты ли замки, надежно ли закреплено забрало, нет ли упущений в моем защитном вооружении. — Это же надо, как ты его... Что будет, Леха! — Он расправил плащ на моей спине, снял с него невидимую пушинку, похлопал по крупу Баязета. — Ну как, готов? Включаю прицел. Щит или шлем?

Я, наконец, вспомнил, что хочу пить, и надавил кнопку. Тут же в губы уткнулся мундштук питьевой трубки. Апельсиновый сок почему-то казался безвкусным, и в горле стало еще суше. Я прекрасно знал такие шуточки нервной системы перед боем, но каждый раз этому удивлялся.

— Ставь шлем, — сказал я оруженосцу. — Драться так драться.

Павел включил индикатор копия и покрутил верньер так, чтобы перекрестье прицела легло точно в центр шлема крохотного силуэта конного рыцаря. Теперь, если цель будет захвачена, никакая сила в мире не сможет отвести удар копия в намеченную точку.

Опять запели фанфары, оповещая о начале третьей схватки. Стоявшие рядом судьи еще раз проверили мое снаряжение и распахнули ворота, — по старинке вручную.

— Ни пуха ни пера! — бормотнул Пашка и хлопнул Баязета по брюху. — Ну, милый!

— К черту, — огрызнулся я и выехал на поле.

Стало необычайно тихо.

Несколько секунд ристалище напоминало цветную объемную фотографию — в такой неподвижности застыло, все. Утих даже ветер, и разноцветные стяги повисли в знойном воздухе. Потом копье моего противника стало медленно опускаться, и рыцарь Леопарда ринулся вперед, стараясь помешать мне прицеливаться. Он закрывал щитом голову, пока позволяла дистанция, раскачивался и наклонялся в седле. Я тоже гнал Баязета, хотя ритуал разрешал мне оставаться на месте, — я хотел не только выиграть, но выиграть красиво, а для этого следовало сойтись с противником на красной черте. Галоп у Баязета был очень ровный, идеальный для прицеливания, но рыцарь Леопарда все сидел за щитом, почти не выглядывая, и копье никак не выходило на режим захвата. Он, конечно, все-таки выгланет, если не хочет промчаться мимо меня впустую. В этом была вся тонкость игры. Он ведь не знал, как я поставил прицел. Я вполне мог бить в щит, и тогда оказалось бы, что он напрасно лишил себя возможности прицельного удара и сам отдал мне победу, — больше трех-четырех ударов в щит не выдерживает никакой боец. Правда, у моего противника Волшебный щит, который не только перехватывает все до единого удары, но и автоматически создает наилучший угол встречи с копьем. Так что в оружии мы равны и спор за победу ведем в равных условиях, а победит наиболее сильный, стойкий и тренированный.

Наши лошади мчались стремительно, расстояние между нами все уменьшалось, и где-то внутри у меня словно прокатилось что-то холодное, потому что копье до сих пор не захватило цель. Но тут рыцарь Леопарда выгланул из-за щита, я прочертил концом копия невидимую спираль и услышал, как запел зуммер прицела. Копье словно напряглось в моих руках. Теперь я почти не держал его — оно свободно лежало в кулаке, как в шарнире, и лишь слегка колебалось в такт движениям Баязета. Я знал, что в последнюю секунду мой противник включит Волшебный щит, который примет удар копия, и был готов к этому. Защищая хозяина, щит закроет его голову, и тому придется бить вслепую, и неизвестно еще, попадет он или нет.

Он попал. Я умею отбивать щитом удары любой силы — и все же с трудом удержался на коне. Сотрясение было так велико, что окончательно я пришел в себя лишь после того, как завернул Баязета. Я тоже ударил сильно — это чувствовалось по тяжести в правой руке, гудевшей от удара, — но все же не так, как мне хотелось. Однако я был доволен. Теперь рыцарь Леопарда знает,

что я целю ему в голову, и будет все время сидеть за щитом, чтобы помешать мне прицеливаться.

Он так и сделал. Во время второй атаки мое копьё не сумело захватить цель, зато и он не смог прицеливаться. Его копьё лишь скользнуло по моему щиту, а мой удар чувствительно потряс его. И хотя Волшебный щит сделал все как надо — принял удар в самую середину, рассчитал выгоднейший угол встречи и развернулся на этот угол, — мой противник понял, что пассивной защитой бой не выиграешь. Поэтому в третьей атаке он почти не прятался и сумел нанести страшный удар. Впечатление было такое, словно мне по голове ударили кузнечным молотом. На какие-то секунды я потерял сознание. Потом все же открыл глаза, перед которыми плавали бесчисленные белые мухи, и совсем рядом, за прозрачной броней забрала, увидел траву, только она была почему-то не зеленой, а черной. В голове звенело и гудело. Почему трава, почему черная трава, подумал я с трудом и попытался упереться в землю руками. Но руки куда-то провалились, не встретив опоры, и тогда я понял, что это вовсе не трава, а гриба Баязета, что я по-прежнему в седле и, значит, бой не кончен. Секундой позже я понял, что ошибся, — в руках у меня не было ни копьёя, ни щита, я был обезоружен и, следовательно, побежден.

Публика на трибунах неистовствовала, — рев толпы постепенно дошел до моего сознания. Баязет стоял напротив наших ворот, они были распахнуты, а оттуда спешил ко мне Пашка Гусев, махал руками и что-то орал, а за ним бежал доктор с чемоданчиком и еще какие-то люди.

— Да не нужен мне врач, — пробормотал я, словно кто-то мог меня услышать, и повернул Баязета, чтобы поздравить противника. Но поздравлять было некого — рыцарь Леопарда сидел на траве, рядом с воткнувшимся в землю копьём, которое еще раскачивалось, и какими-то очень неуверенными движениями пытался открыть забрало. Неподдалеку трусила его лошадь, а из противоположных ворот тоже бежал человек с чемоданчиком.

Глава 2. Секретное письмо

— Нет, ты положительно сумасшедший! — уверял меня Гусев. — Тебе дают в руки самую современную технику, а ты пользуешься ею, как дубиной!

Мой тренер, конечно, мог теперь волноваться сколько угодно. Он только сейчас узнал, что в последней атаке я выключил копьё и бил просто по корпусу, чтобы поставить Волшебный щит в самое неэффективное для защиты положение.

— А по-моему, Алексей прав, — возразила Тина. — Рыцарский бой должен быть честным, без всякой автоматике. Если у одного копьё, то и у другого тоже, а не самонаводящийся кибернетический агрегат.

— Практически силы бойцов равны, — сказал я. — Щит прекрасно закрывает от любого удара.

— То-то твой противник летел сегодня вверх тор-машками вместе со своим Волшебным щитом, — настаивала Тина.

— Так я же выключил копьё! Так что у рыцаря Леопарда были все преимущества — он мог попасть куда угодно, а я — только в его щит.

— Очередная глупость — этот щит, — рассердилась Тина. — Вот и поделом ему. Надо надеяться на себя, а не на автоматику. Следует потребовать, чтобы Олимпийский комитет запретил эти дурацкие выдумки.

Кожа у Тины была смуглая, глаза огромные. Я вдруг заметил, что, рассердившись, она удивительно хорошеет. Странно, сколько времени работаем вместе, а я только недавно понял, что она прехорошенькая девушка. Я вдруг позавидовал рыжему вихрастому Гусеву, который сидит с ней рядом, разглагольствует о пользе автоматического оружия, а сам держит ее за руку. Нет, уже не держит —

отпустил. Опять взял... Ах, дьявол, да какое мне дело, жмет он ручку моей аспирантке или нет!

Я повернулся к бабушке, которая только что внесла ароматный пирог собственного изготовления, и потребовал:

— Бабуся, садись! Дай нам самим похозяйничать!

Моей бабушке недавно исполнилось восемьдесят лет, она была доктором технических наук и магистром Кулинарной академии. Она изобретала всяческие вкусные блюда для домашних автокухонь и очень любила ругать эти блюда, потому что признавала лишь пищу, приготовленную собственными руками.

Своих родителей я почти не помнил — мне было семь лет, когда они погибли при испытании системы внепространственной связи. Вошли в передающую ВП-кабину, а в приемной не появились... С тех пор бабушка заменила мне отца и мать — сама поила и кормила меня, сама выбирала мне одежду, помогала разбираться в школьных задачах, считая, что она делает это лучше, чем обучающие машины. Все эти годы мы жили вместе, и я так привык к ее уютной квартире, что не менял жилища и в шумные студенческие годы, и даже теперь, когда стал профессором и всемирно известным спортсменом.

Кроме кулинарных обязанностей, у бабушки была масса других занятий. Ее постоянно привлекали к работе в многочисленных комиссиях и советах. За последние годы она инспектировала Службу погоды, работала в Экологическом совете, в комиссиях по правонарушениям — увы, иногда случалось и такое. Однажды она исчезла на полгода — улетела куда-то на край Галактики, где на недавно заселенной планете вдруг вспыхнула гражданская война... О том, что она там делала, бабушка рассказывать не любила. «Люди во все века хотели как можно больше хлеба и зрелищ, — сказала она в ответ на мои расспросы. — Они там увлеклись зрелищами, а про то, что людям нужен хлеб, позабыли». — «А ты?» — «Я обеспечила их хлебом — на самое первое время. Дальше они должны упрямиться сами».

— За победу! — провозгласил Гусев, когда все расселись и бокалы были наполнены. Мы выпили за мою победу, потом за бабушку, за диссертацию Тины и ее отпуск в Гималаях, за то, чтобы Гусев стал тренером олимпийского чемпиона. Потом Пашка включил экран, сунул в гнездо стержень с видеозаписью, и я смог увидеть бой глазами зрителя. До этого момента я был, пожалуй, единственным на планете, кто не видел, как закончился бой: я знал только его результат.

Стоп-кадр помог рассмотреть в подробностях, как виртуозно работал Волшебным щитом рыцарь Леопарда — включал его в самый последний миг, когда копьё мое было буквально в нескольких сантиметрах, и это позволило ему нанести мне два прицельных удара. Второй из них мог оказаться роковым, если бы я не упредил противника. Мой удар был беспощаден — только сейчас, глядя на стереоэкран, я понял это. Он был рассчитан до сантиметра, и никакой трижды волшебный щит не мог спасти рыцаря Леопарда от натиска шестисот килограммов брони и мускулов.

— И все же — удался эксперимент или нет? — спросил Гусев. — Что мы будем докладывать?

Я пожал плечами. Волшебное копьё было опытным образцом, существовавшим пока в единственном экземпляре, и нам с рыцарем Леопарда было поручено проверить его в бою. Конечно, я одержал убедительную победу, но Волшебное копьё было здесь ни при чем.

— Наверно, надо продолжить испытания, — промямлил я. Меня больше интересовало поведение Тины. Гусев прокрутил запись дважды, и каждый раз Тина в решающий момент схватки бледнела от волнения и прижимала ладони к щекам. Бабуся скептически поджимала губы.

— Чем бы дитя ни тешилось, — иронически заявила она. — Тоже мне, рыцари! Копья-автоматы, щиты-автоматы, броня — из терилакса, лазером не пробьешь...

Тина немедленно поддержала бабушку.

— Рыцари в старину дрались, рискуя здоровьем и жизнью. Это были настоящие мужчины! А вам сейчас ничто не грозит — в худшем случае, получишь несколько синяков, да с лошади шлепнешься. А смог бы современный рыцарь выйти на бой, скажем, с Ричардом Львиное Сердце и победить его? И не в терилаксовой броне, а в старинной стальной? И с деревянным копьем?

— Уверен, что Алексей победил бы, — тотчас вскочил Пашка. Тина ему, безусловно, нравилась, но вынести нападки на любимый спорт он не мог даже от нее. — Современные методы тренировки, достижения физиологии, психологии, спортивной медицины, умелое чередование силовых и скоростных нагрузок дают нам неоспоримые преимущества!

Тина выслушала Пашкин панегирик и о чем-то задумалась. Гусев налег на пирог — ел да похваливал. Бабушка так и таяла, слушая его слова. Она всегда радовалась, когда нам нравилась ее стряпня, а пирог получился на славу. Недаром она была магистром Кулинарной академии... А Тина все думала о чем-то и сидела тихо, как воробышек. Павел сделал возле нее пируэт, но она даже не заметила.

— Мне надо поговорить с одним знакомым, — сказала она чуть позже, словно обдумав свою мысль. — Но я не хотела бы вам мешать.

— Пойдем в мой кабинет, — сказала бабушка. — Там тебя никто не услышит, — и она увела девушку.

Через несколько минут та вернулась повеселевшая. Гусев тут же подскочил к ней и стал потчевать пирогом. Я потянулся к бокалу, чтобы налить ей трехцветный кос, но этот нахал опередил меня. Она взяла бокал, улыбнулась Пашке, а в мою сторону даже не посмотрела. Да и зачем ей на меня смотреть, если я, профессор кафедры экстремальных состояний, в институте торчу у нее перед глазами четыре дня в неделю? Я глядел, как она пьет кос, — красные, оранжевые и синие струйки извивались в бокале, не смешиваясь и не меняя цвета, — и Тина нравилась мне все больше и больше. Я еще раз позавидовал Пашке, что у него такая девушка, и со вздохом повернулся к нему, чтобы послушать, о чем он разглагольствует. А говорил он, оказывается, о том, что скоро Тина станет кандидатом наук.

— Ты, Пашенька, слегка преувеличиваешь, — сказал я мягко. — Диссертация еще не готова, так что раньше будущего года защиты не будет.

— Ты, Лешенька, слегка вздремнул и все прослушал, — нахально заявил Гусев. — Под твоим руководством она может еще пять лет без толку провозиться. Я говорю о другой диссертации.

И тут я с удивлением узнал, что у Тины готова диссертация на звание кандидата экономических наук.

— И какова тема диссертации?

— «Пути перехода от феодализма к коммунизму», — ответила вместо Тины бабушка. В этом доме положительно все, кроме меня, знали об этой девушке массу интересного. — По-моему, очень любопытная тема. Тина мне как-то рассказывала...

— Как, как? — я не поверил своим ушам. — От феодализма к коммунизму? Это что — самая актуальная проблема современности?

Тина пожалала плечами.

— У нас в Институте первобытной экономики считают эту проблему очень важной.

— Да где ты найдешь феодализм в двадцать седьмом веке? — чуть не закричал я. — В созвездии Гончих Псов?

— А хотя бы и так, — снова вмешалась бабушка. — Или тебя волнуют только твои турниры? Кстати, они пришли к нам из феодальных времен.

Эти слова меня сразу отрезвили. Я виновато посмотрел на Тину, но тут замигал огонек над дверью — кто-то просил разрешения войти.

Вслед за бабушкой вошел высокий плотный человек, вежливо наклонил голову — сначала в сторону Тины, потом в мою и Гусева — и поздоровался.

— Я робот номер... — гость назвал несколько цифр. — Кто из вас Алексей Северцев?

Он был одет в обычное платье, и его выдавало лишь чуть застывшее выражение лица — впрочем, довольно приятного, — чересчур равномерные движения да еще тембр голоса. В остальном он был совсем как человек — ростом почти не уступал мне, но казался пошире в плечах, двигался уверенно и держался с достоинством.

Я встал из кресла и назвал его.

— Имею честь вручить лично вам строго конфиденциальное письмо. — Робот достал из кармана модного костюма конверт и протянул его мне. — Отправитель этого письма просит, чтобы содержание его осталось в тайне.

Я никогда еще не получал секретных писем и растерянно взял конверт, не зная, что с ним делать. Я посмотрел на бабушку — она пожалала плечами, на Тину — та глядела в окно, на Пашку — тот сделал круглые глаза и отвернулся.

Я развернул письмо. Оно было напечатано на старинной настоящей бумаге. В верхнем углу голубого листа красовался гербовый щит — я, рыцарь межпланетного класса, в геральдике разбирался хорошо. Герб изображал царскую корону, над которой светило зеленое солнце. Я взглянул на герб мельком, посмотрел на подпись — ее не было, — и стал читать.

Вот что было в письме.

«Рыцарю Черной Башни Алексею Северцеву.

Мне давно известно о вас как о человеке отважном, благородном и мудром. Именно таким должен быть тот, кому смогу я доверить свою судьбу, свое счастье, свою жизнь. Страшное положение, в котором я нахожусь, абсолютно исключает все пути, которые мог бы предложить для моего спасения непосвященный. Меня может спасти только один человек, и этот человек — вы.

Если мое письмо, этот вопль о спасении, затронуло вашу душу, если вы захотите хотя бы выслушать меня — приходите. Мой посланник проводит вас. Но торопитесь! Сегодня все еще в нашей власти. Завтра, возможно, будет поздно».

Я перечитал письмо три раза. Все было ясно и в то же время непонятно. Я даже не мог догадаться, кто пишет — мужчина или женщина.

— Куда мне надо ехать? — спросил я робота.

— Мне поручено доставить вас на место, — ответил тот. — Автокиб ждет вас внизу.

— Ты надолго? — спросил Гусев. Я посмотрел на робота.

— Вы возвратитесь, как только пожелаете. Может быть, через час или полтора.

— Тогда я пойду, — сказала Тина. — Не провожайте меня.

Она попрощалась со мной и Пашкой, чмокнула бабушку и вышла.

— Я сейчас спущусь, — сказал я роботу. — Подождите меня внизу.

— Пожалуй, я тоже пойду, — вздохнул Гусев. — Пока. Утром поговорим.

— Как ты думаешь, бабуся, он ей очень нравится? — спросил я неожиданно для самого себя и смутился.

— Он — ей? — переспросила бабуся. — Знаешь, Лешенька, мне почему-то кажется, что он ей совсем не нравится...

Глава 3. Принцесса Изумрудной звезды не хочет замуж

Выйдя из лифта, я остановился на тротуаре, ища глазами своего провожатого. Но кроме мальчишки, который ел вишни из большого пакета, никого не было видно. Он, видимо, стоял тут давно — выплевывал косточки прямо на тротуар, и у его ног на голубом резиобетоне их

валялось изрядное количество. Рядом суетился жукоглазый уборщик, стараясь собрать мусор, а мальчишка с видимым удовольствием отпихивал его ногой. Бедняга автомат отпрыгивал, потом, обиженно повернув усами, подбирался к нахалу с другой стороны, но опять получал пинок.

Тут возле тротуара остановился автокиб, и таинственный робот-посланник пригласил меня сесть.

— Мальчик, не мешай автомату,— сказал я строго. Мальчишка громко рассмеялся и стрельнул в меня косточкой.

— А зачем этот дурак хотел утащить мои вишни,— сказал он.— Я только положил, а он выскочил и цоп их... Пускай теперь помучается.

— Ну, ну,— пробормотал я.— А живот у тебя не заболит?

Наверно, такая же мысль уже приходила шалопаю в голову. Отъезжая, я увидел, как он высыпал весь пакет прямо на неповинного мусорщика и отправился восвояси.

Мы ехали минут двадцать. Иногда я замечал, что направление движения меняется. Очевидно, мы кружили по транспортным туннелям, запутывая след.

Автокиб остановился у подъезда обычного дома, каких в любом городишке наберется сотня. Мы вошли внутрь и поднялись на лифте. Робот распахнул передо мной дверь, и мы очутились в большом холле.

Я огляделся. Стены холла были украшены вьющейся зеленью. Левая — прозрачная и явно раздвижная — стена отделяла комнату от глубокой лоджии. В правой стене виднелся камин, возле него стояли кресла, а на полу валялась медвежья шкура, скорее всего синтетическая. В дальнем углу стоял цветочный горшок. Все было как обычно, обстановка ничем не выдавала вкуса хозяина или рода его занятий, и если бы не картина на стене, противоположной входу, я мог бы принять это помещение за не очень уютный вестибюль гостиницы.

Уже первый взгляд на картину заставил меня внутренне вздрогнуть, и я торопливо сделал несколько шагов, чтобы рассмотреть ее вблизи, потому что на ней была изображена девушка, с которой я расстался всего полчаса назад.

Картина висела в центре стены, и больше ничего на этой стене не было. Изумительной красоты девушка с царской короной на голове полными слез глазами смотрела куда-то вдаль, бессильно уронив руки на каменное надгробье с изображением такой же короны. А за ее спиной возвышались две зловещие фигуры — два конных рыцаря в старинных черных латах, какие существовали на нашей планете, наверно, больше тысячи лет назад, — и копыта их, опущенные к земле, почти упирались девушке в спину, а лица были жестоки, — такими не бывают, но должны быть лица разумных существ. Я уже разглядел, что изображенная на картине девушка — не Тина, но сходство было очень велико, и я все смотрел на картину, не понимая, что все это должно означать и почему у рыцарей на картине беспощадные глаза убийц. За спиной девушки простиралась зеленая равнина, залитая светом зеленого солнца, а на дневном небе отчего-то горели редкие яркие звезды. Частично по этому, а еще больше по вооружению рыцарей я понял, что картина написана не на Земле — мне было достаточно беглого взгляда, чтобы заметить многочисленные отличия в конструкции кирас, шлемов, поножей, наплечников — от существующих или существовавших когда-то. Я увидел, что на поясе одного из рыцарей, наиболее свирепого и мрачного, висит мизерикорд — трехгранный кинжал-игла, единственного назначения которого — закалывать сквозь броню поверженного противника, и это сразу убедило меня в том, что рыцари на картине не имеют ничего общего с веселыми, дружелюбными спортсменами ста сорока трех планет, на которых живут люди, увлекующиеся благородным конным боем.

— Здравствуйте, Алексей Северцев,— раздалось у меня за спиной. Я стремительно повернулся. Передо мной стояла девушка, изображенная на картине, и в первый момент я был готов поклониться, что это Тина.

— Здравствуйте,— пробормотал я.

Картина настроила меня отнюдь не на благодушный лад — я не люблю, когда люди носят с собой оружие не для спорта, а для убийства, — но девушка была так похожа на Тину и так хороша, что мысли мои спутались.

— Я видела ваш бой. Поздравляю. Это было великолепно,— сказала девушка.— Я долго колебалась, к кому обратиться, но этот бой решил все. Вы действительно сильнейший рыцарь на планете, и только вы сможете меня спасти.

Она пригласила меня сесть. Я вдруг поймал себя на том, что тайне люблюсь ею и одновременно анализирую — тембр голоса, походку, черты лица, движения рук. Сходство с Тиной было очень велико, но я обнаружил и массу различий, которые, впрочем, не только не портили, но, казалось, еще больше украшали незнакомку.

— Я должна извиниться за странный способ приглашения,— она смущенно улыбнулась.— Но вы поймете, что иначе поступить я не могла. Перед тем как назвать свое имя, я должна попросить вас сохранить этот визит и весь наш разговор в тайне. Я буду с вами совершенно откровенна. Возможно, от вашего молчания зависит моя жизнь. Вы обещаете?

— Обещаю,— выдавил я и спросил, нет ли у нее стры-близнеца. Но она только покачала головой.

— У меня на всей планете нет ни близких, ни родственников. Я ведь не землянка. Я принцесса Изумрудной звезды — так наше солнце называется в ваших справочниках. Мне двадцать лет, меня зовут Ганелона, я люблю одного человека, а должна буду выйти за другого, — она показала на правого рыцаря, который носил на поясе «кинжал милосердия», — да, за него, кавалера Рюделя. И если это случится, я умру!

В ее прекрасных глазах уже блеснули слезы, и я понял, что дело плохо.

— А вы не выходите,— посоветовал я, пытаюсь обратить все в шутку.— Выходите за своего любимого. Или он вас не любит?

— Не смейтесь, пожалуйста,— тихо сказала она.— Это очень серьезно. Я вам сейчас все объясню.

Вот что она рассказала.

Их немноголюдная планета, которую у нас по имени звезды называют Изумрудной, очень похожа на Землю. На ней имеется единственный материк и всего одно государство, управляемое королем, власть которого передается по наследству. На Изумрудной женщины почему-то гораздо меньше, чем мужчины, поэтому замужество — святой долг, высшая гражданская обязанность для каждой женщины. Многовековые традиции не делают исключений ни для кого, в том числе и для королевских дочерей. А их у недавно умершего монарха, отца Ганелоны, было три. По законам Изумрудной власть перешла к Ганелоне, но только до замужества — едва принцесса выйдет замуж, полновластным повелителем станет ее супруг. Увы, принцессы не вольны выбирать себе мужа — их, как драгоценный приз, разыгрывают между собой наиболее достойные претенденты, разыгрывают (я был попросту потрясен, когда услышал это) в конном рыцарском бою, и награда достается тому, кто выбьет из седла остальных претендентов.

— А я не хочу за него замуж,— говорила Ганелона, ломая руки.— Я люблю другого, люблю больше жизни, а этот... этот... — она кивнула на картину.— Это зверь, а не человек! Это палач! Убийца! Садист! Я боюсь его...

И я узнал, что кавалер Рюдель — непревзойденный боец на копьях, мечах, топорах, который не проиграл еще ни одного поединка, который убил и искалечил несколько десятков противников в открытом бою и, как поговаривают, не меньшее число их устранил со своего пути другими способами.

— Я не удивлюсь, если узнаю, что смерть моего отца — тоже дело его рук. Это страшный человек! И он давно домогается меня. Я потому и скрылась сюда, на Землю, чтобы спастись от него. Но он нашел меня и тут.

— Ну, уж здесь-то он не заставит вас выйти за него,—

сказал я.— Оставляйтесь на Земле, вызовите своего любимого и живите на здоровье. Сдалось вам это царство — от него, по-моему, одни неприятности.

— У нас же наследственная власть! Поэтому я обязан выйти замуж. А если я откажусь, меня убьют, власть перейдет к средней сестре, и все начнется сначала.

— Как это — убьют? — не поверил я.— Дикость какая-то! Разве можно взять и убить человека? Да и как они это сделают? Мы же можем просто закрыть ВП-станцию, и никто не сумеет попасть на Землю.

— Поздно,— прошептала она.— Они уже здесь...

И она поведала мне историю своего неудачного бегства.

— Я была первой, кто покинул планету. Отец, очевидно, понимал, что мне грозит опасность, и отправил сюда. Но потом он умер... Или его убили. Мне сообщил об этом художник Летур — преданный нашей семье человек. Он и написал вот эту картину, когда я ездила на похороны отца. Потом я вернулась, а вскоре приехал он, привез законченную картину. И вдруг исчез. Я забеспокоилась, стала узнавать, не вернулся ли он. Но диспетчерская ВП-связи ответила, что никто на Изумрудную не возвращался, наоборот, оттуда приехали на Землю десять человек. И я знаю — зачем. Чтобы меня убить...

Ее голос упал почти до шепота. Я подумал, что девушка чересчур нервничает, и постарался ее успокоить. Но тут наш разговор был прерван появлением робота.

— Прошу меня извинить,— сказал он.— Но дело не терпит отлагательства.

Он вышел на середину комнаты, широко раскинул руки и сделал пол-оборота на пятках. Я смотрел на него с недоумением. А он двинулся к стене, где висел мой плащ, и стал внимательно его осматривать. Потом снял с него что-то и приблизился к нам.

— Посмотрите,— сказал он, протягивая какой-то шарик. Я взглянул на шарик и вспомнил.

— Да это — вишневая косточка! Тот сорванец стрельнул ею в меня...

— Внутри этой косточки,— возразил робот,— находится передатчик, который транслировал весь ваш разговор, пока я не запеленговал и не заглушил его.

— Вот видите! — прошептала девушка.— Это они! Я не успела вам сказать, что получила письмо с требованием вернуться и сразу сменила квартиру. Но они меня выследили!

Робот сдвинул пальцы, и косточка лопнула. Да, это был передатчик — изнутри сразу выскочила крохотная спиральная антенна. Я оторвал ее и с омерзением отбросил.

— Скажите, Ганелона, а у вас не принято отречение от престола или что-нибудь в этом роде? Может быть, тогда Рюдель оставит вас в покое?

— Я уже думала об этом. Но ведь дело не только во мне. Отрекусь я — он станет домогаться моей сестры, и результат будет тот же — он станет королем. А это ужасно! Мне просто страшно подумать, что станет с моим народом, если Рюдель и его шайка захватят власть.

— А у этого Рюделя много сторонников?

— Рюдель принадлежит к цветку нашего дворянства — у нас их называют кавалерами. Но кавалеры никогда не были реальной силой. Это богатые бездельники, которых интересуют только развлечения... Пожалуй, главная его опора — Черный совет, о котором я, увы, ничего не знаю. Могу только догадываться, что эта организация создана заправилами промышленного комплекса и выполняет функции тайной полиции. А Рюдель — глава Черного совета.

— Так ваша Изумрудная — индустриальное государство? А я подумал было, что у вас милая феодальная монархия.

— А во главе — добрый дедушка-король? Боюсь, что ничего похожего вы не увидите. Мне больно так говорить, но после того, как отец отправил меня сюда, я начала подозревать, что король на нашей планете — фигура номинальная, а истинная власть принадлежит кому-то другому. И, видимо, настало время, когда истинный власти-

тель решил выйти из тени. Смерть отца открыла ему дорогу.

— Значит, нам остается...

— Да, только одно: победить Рюделя в открытом бою. И вы сумеете это сделать!

Я взглянул на изображение кавалера Рюделя. Судя по всему, это был прекрасный боец, который к тому же не уступал мне ни в росте, ни в весе. Но конь у него был жидковат... Да, неплохо было бы сойтись с этим кавалером на копьях и посмотреть, как он будет лететь из седла!

— Но если я потом откажусь от вас, все претенденты снова предъявят свои права?

— Нашими обычаями это запрещается.

— Значит, им придется остаться в холостяках?

— Нет, они могут сражаться за моих старших сестер.

— Как старших? — переспросил я.— Разве вы — не самая старшая?

— Нет, я моложе их. У нас власть переходит к младшему из наследников.

— Ничего не понимаю... Чем это вызвано?

Девушка вздохнула.

— У нас очень короткая жизнь,— тихо сказала она.— Мужчины живут сорок ваших лет, женщины — тридцать. Чем младше правитель, тем дольше он проживет. Я буду жить еще десять лет. А потом умру — сразу, без боли, без мучений. У нас все так умирают.

— Но почему, почему? — чуть не закричал я. То, что она говорила, было чудовищно. Не могут, не должны умирать люди в самом расцвете сил! Я попросту не мог поверить, что где-то во вселенной существует такая нелепость, подлая гримаса природы — генетики, наследственности или не знаю чего еще.

— Так угодно Кресту... — тихо ответила девушка.

— Что? Что вы сказали? Какому Кресту? Почему — угодно?

— Я не знаю... Но наша жизнь и смерть — во власти Креста. А он всем дает равную жизнь и равную смерть...

Глава 4. Финал Малого Спора

Утром, едва я успел спустить пятки на ковер, Гусев высветился во весь экран и с места в карьер атаковал меня сотней вопросов — где я был, что делал, куда хочу пойти, буду ли участвовать в Большом Споре? Я отшутлился, сказав, что меня похитили влюбленные болельщики, а к Спору давно готов.

— Так что же ты расслаживаешь? — возмущенно завопил Пашка.— Уже восемь, а ты только-только глаза продрал! Сегодня же Спор кузнецов! И мы с Тиной придем болеть за тебя!

Действительно, я совсем позабыл, что сегодня начинается финал Малого Спора, который в конечном итоге определит участников Большого Спора. «Сделай сам» — так когда-то давно называлось это увлекательное состязание, охватившее миллионы людей. С тех пор как машины стали делать абсолютно все, что необходимо человеку, причем в любых количествах, проблема свободного времени стала необычайно острой. Началось это несколько сотен лет назад, и наше поколение знает обо всем, что происходило тогда, только по книгам. Я читал, например, что многие серьезные ученые, а также большие группы населения выступали против дальнейшего сокращения рабочего дня, который тогда снизился до четырех часов, а кое-кто даже ратовал за его увеличение. Группа энтузиастов, призванная людей совершенствоваться в ручном труде для изготовления кустарных и, откровенно говоря, никому не нужных вещей, долгое время оставалась незамеченной. Но когда выставку их работ показали по всемирной сети телевидения и миллиарды людей, у которых была масса свободного времени, вдруг увидели великолепные часы, кувшины, кружева, украшения, модели дров-

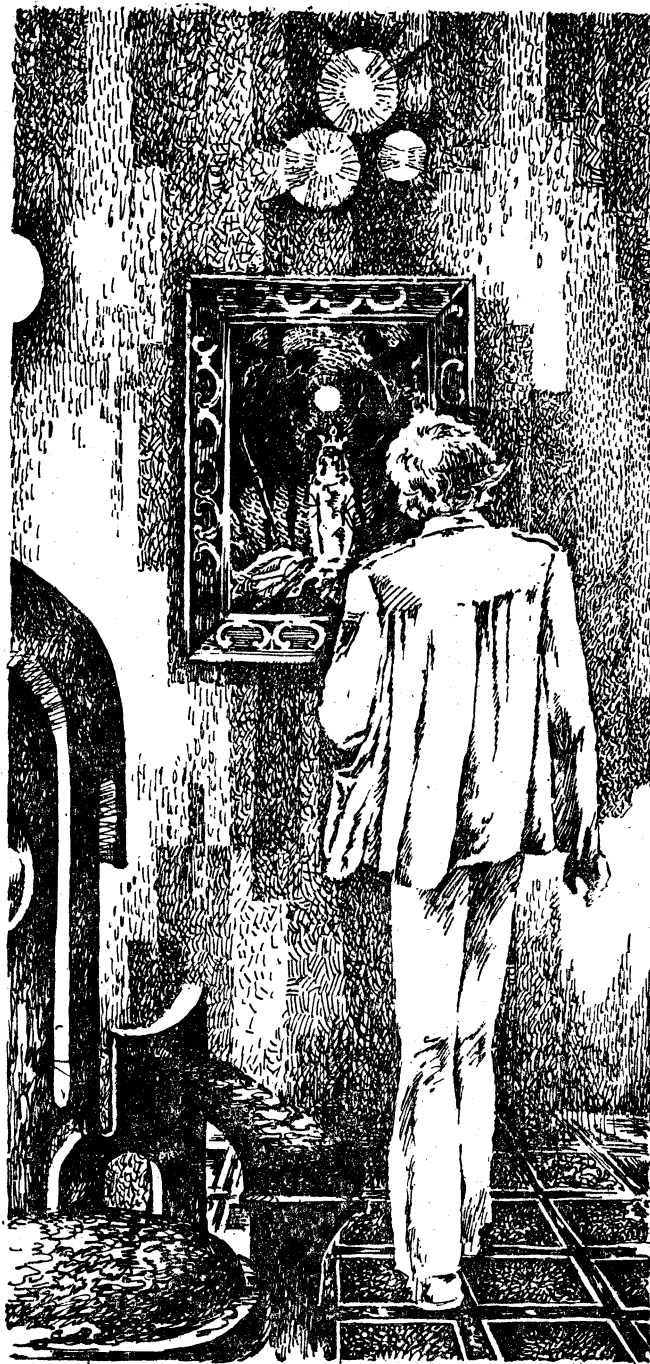
них кораблей, мебель, музыкальные инструменты, изготовленные вручную, и, главное, увидели, как это делается, началось что-то необыкновенное. Общества, кружки, союзы, объединения любителей самоделок вырастали как грибы после дождя и, что самое удивительное, не распались. Люди, привыкшие получать все или почти все набором нужного кода на шифраторе сети снабжения, вдруг поняли, как это прекрасно — изготовить вещь своими руками. Полустихийно возникали конкурсы умельцев, которые, как лавина, вовлекали в свою орбиту новые миллионы людей. Через сотню лет название «сделай сам» почти забылось и всепланетный конкурс получил громкое и гордое название «Большой Спор». Победителю не полагалось никаких наград — ни грамот, ни медалей. Наивысшей наградой было сознание, что ты сам, вот этими руками, сделал вещь, которой сейчас любуются девяносто два миллиарда человек на ста сорока трех планетах.

Малый Спор был фактически состязанием по профессиям. Он не знал никаких ограничений, кроме единственного. Участникам Малого Спора запрещалось использовать какие-либо механизированные или автоматизированные инструменты. Отверстия приходилось сверлить ручной дрелью или пробивать зубилом, клепать — простым молотком, обрабатывать изделия вручную — напильниками, наждаком, алмазной пылью, пастами. Никаких электронных пил, лазерных сверлилок, высокочастотной сварки! Никаких вибрострогалок, импульсных полировок, анодно-молекулярных резаков! Все — только своими руками, своим потом, своими мозолями!

Я участвовал в Малом Споре кузнецов уже не раз. Меч, которым я срубил плюмаж рыцаря Леопарда, был выкован мною собственноручно. Это был прекрасный боевой меч с булатным клинком. Мне пришлось больше года рыться в трудах древних металлургов — Аносова, Бардина, Тер-Ованесяна и других, месяцами днеть и ночевать в кузницах. Я перепортил уйму металла, прежде чем овладел всеми секретами выплавки,ковки, закалки клинков. Но теперь мои клинки перерубали с одинаковой легкостью тончайший платок, подброшенный в воздух, и железный прут в два пальца толщиной. Будь у моего противника обычный меч, я разрубил бы его одним ударом. Но он бился со мной таким же булатным мечом, который я подарил ему месяц назад, — по кодексу конных рыцарей бой мог вестись только равным оружием. Теперь я хотел сделать еще один меч — для Олимпийских игр, поэтому изучил чеканку, золочение, финифть, гравировку по металлу, инкрустацию, ювелирное дело, — мне хотелось, чтобы это был не только боевой, но и парадный меч. Я назвал его старинным именем Эскалибур — рубящий железо...

В Дом Техники я приехал гораздо раньше, чем мы договорились, и долго болтался у паркинга, поджидая Гусева и Тину — нет, Тину и Гусева. Мне очень хотелось увидеть, как они приедут — вместе или порознь, будут ли идти под руку... Я вспоминал, каким сухарем держался с нею на занятиях в институте, и проклинал себя за то, что раньше не рассмотрел эту удивительную девушку. Интересно, что она нашла в рыжем растрепанном Гусеве, который, пожалуй, ниже ее ростом?.. Тут рыжий растрепанный Гусев хлопнул меня по плечу, а позади него засмеялась Тина — я все-таки прозевал их приезд. Я смотрел на них, этих самых близких и дорогих мне людей (кроме, конечно, бабуся), и мне тоже стало весело. Мы стояли и смеялись, сами не зная почему, и проходившие мимо люди тоже улыбались, глядя на нас, и волны хорошего настроения растекались вокруг все дальше и дальше.

Потом мелодичный перезвон позвал нас внутрь — начинался финал Малого Спора. Я надел свой комбинезон с литерами участника и встал у верстака, где лежал почти готовый Эскалибур. Верстак, напомилавший сказочную птицу, был сделан специально для меня — узкая длинная полка из какого-то легкого серовато-серебристого сплава покоилась на изящно изогнутой ножке, которая вверху превращалась в подобие лебединой шеи. Там, где полагалось быть голове, находилась автоматическая кас-

сета, которая сама выдвигала нужный инструмент, едва я протягивал руку. Я коснулся пальцем зажимов, и они намертво схватили меч, а два ярких глаза осветили рабочее место.

Мне понадобилось совсем немного времени — каких-нибудь сорок минут, чтобы доделать разные мелочи. По заполненному людьми залу бесшумно скользили телекамеры. Одна из них подъехала ко мне и заглянула через плечо, другая уставила свой глаз от соседнего верстака. Я как раз вставил в оправу большой рубин, венчающий рукоятку, и снимал с клинка промасленную пленку. Меч засверкал под светом юпитеров, когда я стер с него

остатки смазки и стал протирать замшей. Я нажал кнопку на верстаке, и надо мной вспыхнула красная звездочка, означающая, что работа окончена. Сверху, с галереи для зрителей, раздалась аплодисменты—это старались Тина и Павел. Меня окружили судьи, меч переходил из рук в руки, что-то говорил диктор телевидения. Тина взмахнула рукой, и ко мне на верстак упала красная роза. Я спрятал ее в нагрудный карман комбинезона и тут с ужасом услышал, что диктор рассказывает обо мне.

— Вы все вчера видели блестящую победу рыцаря Черной Башни над рыцарем Леопарда. Победитель этой схватки сейчас перед вами. Его зовут...

Я не дал ему закончить, быстро шагнул вперед и накрыл микрофон ладонью. Уж эти мне телекомментаторы! Успей он назвать мое имя, мне завтра не было бы прохода от болельщиков и болельщиц... Выдирая микрофон из его рук, я незаметно для всех сильно наступил ему на ногу. Диктор подпрыгнул и от неожиданности наконец-то выпустил микрофон.

— Разрешите, уважаемые телезрители, остаться для вас только рыцарем Черной Башни,— сказал я, улыбаясь телекамере.— Я пока не спешу раскрыть свое инкогнито — извините, что пользуюсь этим своим правом. Надеюсь, что с новым мечом в руках я сдержу не одну победу на Галактических Олимпийских играх,— я вежливо вернул микрофон его хозяину и взял в руки Эскалибур.

— А правда, что таким мечом вы можете развалить надвое человека? — спросил меня комментатор. Он явно разозлился на мою выходку и от злости не сумел придумать вопроса умнее.

— Да, конечно,— ответил я, по-прежнему безмятежно улыбаясь.— Позвольте начать с вас? — и я поднял меч.

Кругом засмеялись, а красный, как рак, комментатор на всякий случай попятился. Сверху мне махала и улыбалась Тина, и я почувствовал вдруг огромный прилив сил.

— Смотрите! — крикнул я и вскочил на верстак.

В сиянии юпитеров меч, как пропеллер, описал в моих руках вертикальный круг. Все смотрели на меня выжидательно — никто не обратил внимания на легкий удар и на то, что перед моими ботинками на верстаке появилась откуда-то поперечная черта.

— Ну и что? — спросил кто-то недоуменно. Тогда я засмеялся и спрыгнул на пол, и от этого толчка разрубленный мною верстак развалился на две части.

Глава 5. Меня приглашают в Дом Без Окон

За последнюю неделю я несколько раз встречался с Ганелонной — надо было обсудить множество деталей, получить от нее документы на право посещения Изумрудной, потренироваться в языке (их Единый звучал для нас архаично, и мне пришлось ночей пять провести с гипнопедом), разузнать о ритуале рыцарских схваток. Кроме того, я должен был пройти курс прививок и сдать зачет по самопомощи, обязательный перед посещением других планет. С удивлением я узнал, что на Изумрудной существует денежная система. Об этой неприменной особенности первобытных цивилизаций я совершенно позабыл, с деньгами обращаться не умел.

— Не смущайтесь, Алексей,— подбадривала меня Ганелона.— Я снабжу вас достаточной суммой, и, кроме того, вы сможете обратиться там к верным людям — я расскажу, как это сделать. Да, кстати, вы не будете возражать, если я дам вам провожатого? — И она показала на робота.— Он теперь просто напичкан разнообразнейшими сведениями об Изумрудной.

Тот вежливо наклонил голову и сказал:

— Я буду польщен, если сумею оказать вам полезным.

— А что вы умеете? — спросил я с сомнением.

— О, не беспокойтесь. Я сделан надежно и с расчетом на самые неожиданные ситуации. Я сильнее любого человека, не нуждаюсь в еде, питье и атмосфере, хорошо вооружен, имею радиосвязь. Знаю приемы первой помощи, разбираюсь в технике, умею производить многие ремонтные работы, могу служить транспортным средством. Энергией заряжен на полтора года. Кроме того, я ничего не забываю, никогда не сплю, вижу в темноте, могу служить переводчиком с сорока языков, а также расчетчиком, справочником по основным разделам науки и техники...

— Довольно, довольно,— замахал я руками.— Вы меня убедили. Буду рад иметь такого спутника. Но только скажите, пожалуйста, как я должен вас называть? У вас есть какое-нибудь имя, номер или позывные?

— Называйте меня Петровичем,— сказал робот.— Мы, роботы, все считаем себя сыновьями нашего изобретателя, Петра Ивановича Федосеева, и любим, когда нас называют Петровичами.

— Ну-ну,— пробормотал я.— Значит, будем знакомы. Зовите меня Алексеем. И предлагаю перейти на «ты».

— Согласен, Алексей,— ответил он.

Я впервые в жизни пожимал руку роботу и очень удивился, что она оказалась самая обыкновенная — может быть, лишь чуть более твердая, чем у меня. По моим представлениям, рука механического существа должна была напоминать клещи.

— Петрович, а ты действительно очень сильный? — спросил я.

Робот взял стоявшую у камина кочергу.

— Ты сможешь ее сломать? — спросил он.

Кочерга была отштампована в высокочастотном поле из терилакса. Сломать ее? Вот если ударить по ней Эскалибуром...

Тут у меня от удивления глаза полезли на лоб — робот разжал кулак, и на пол упали две половинки кочерги. Я только развел руками.

— Да, Петрович, с тобой будет не страшно в любых переделках,— сказал я серьезно.— А вам, Ганелона, я сделаю другую кочергу — из настоящего железа.

— Я буду этому очень рада,— улыбнулась принцесса, вскидывая на меня свои огромные глаза.

Меня словно жаром обдало. Нет, до чего же она похожа на Тину!

Вечером мы с бабусей распивали чай. На столе пел самовар — правда, не старинный, с огнем и дымом, а стилизованный, аккумуляторный. Бабушка дула на блюде и косила глаза на какую-то очень древнюю и дряхлую книгу, время от времени осторожно перелистывая желтые страницы.

— Что ты читаешь? — спросил я.

— О, это замечательная книга. Я разыскивала ее лет сорок и вот с трудом нашла в одной частной коллекции. Это «Книга Молоховец», — с гордостью возвестила она.— Слышал?

— Конечно, конечно,— с энтузиазмом ответил я.— Как же можно не слышать! Книга Бытия, Книга Экклезиаста и Книга Молоховец — это же основа человеческой культуры! — И я продекламировал:

Всему свой час, и время всякому делу под небесами:
Время родиться и время умирать,
Время насаждать и время вырывать насаждения,
Время убивать и время исцелять...

— Ну вот, понесло тебя,— пробурчала бабушка, отрываясь от книги.— Если не знаешь, то так и скажи.

— Ф шисни не слыхифал,— сознался я, заталкивая в рот огромный кусок хлеба с вареньем.— Кто же этот Молоховец? Пророк или философ?

— Елена Молоховец была замечательная русская женщина, жившая где-то в XIX веке. Она принесла человечеству больше пользы, чем сотни пророков, вместе взятых! Она научила людей, как надо вкусно готовить.

— Что-что?

— Да, она написала прекрасную поваренную книгу, вот эту самую, которая выдержала десятки изданий. Если бы не она, многие уникальные рецепты русской кухни пропали бы бесследно. Вот слушай: «Уха из стерляди с шампанским...». Ты пробовал хоть раз такую? «Цыплята, фаршированные малороссийским салом... Яйца выпуклые под соусом...» Или вот: «Гренки с мармеладом из чернослива». Это специально для тебя — ты же у меня сластена. На днях тебе сделаю.

— Угу, — сказал я. — Только я, бабуся, уезжаю.

— Опять на сборы? Или, может быть, в Гималаи?

— При чем тут Гималаи, — буркнул я. В Гималаях, как я знал, собиралась проводить свой отпуск Тина. — Я отправляюсь на Изумрудную.

— Это что — какой-нибудь спортлагерь?

— Нет, это планета.

— Значит, в космонавты записался... — Она о чем-то задумалась и вдруг сделала совершенно неожиданный вывод. — Женить тебя надо, голубчика.

— Бабушка, при чем здесь женитьба? У меня и девушки-то нет.

— И не будет никогда, если и дальше станешь от них прятаться.

— Да разве это девушки? Им все равно — что я, что Баязет, лишь бы знаменитость.

— Зачем ты говоришь неправду? А Тина? Неужели она тебе тоже не нравится?

Я постарался спрятаться за самоваром.

— Ах, бабушка, ну что ты говоришь! Тина — подружка моего товарища, моего тренера. Она дружит с ним больше года. При чем тут я?

— Вот-вот, и я то же самое говорю. Год дружат и еще десять лет будут дружить, а может, и двадцать. Твой Гусев хороший человек, хоть и пустой, но эта девушка не для него.

— Почему это Павел пустой? — громко возмутился я, обрадовавшись возможности переменить тему. — Ты же знаешь, какой это замечательный товарищ! Да он руку даст отрубить за меня!

— Насчет руки или ноги не знаю, а что парень он не стоящий, уверена. А ты Тине нравишься — вот тут уж я готова дать руку на отсечение.

Бабушка уверенно сворачивала разговор на свое. Мне было приятно слышать то, что она говорит о Тине, но обсуждать эту тему ни с кем не хотелось. К тому же бабушка явно преувеличивала — следов интереса к своей особе со стороны Тины я не замечал. А вот нападки на Гусева меня всерьез разозлили.

— Ты разве забыла, что он спас меня на Яблоновом хребте? У меня околели руки, и самое большее минут через пять я загремел бы вниз. А Павел пошел ко мне без страховки, не дожидаясь остальных, рискуя свалиться тоже. Потому что знал, что я долго не продержусь.

— Так я не говорю, что он злыдень какой-нибудь. Просто не тот он человек, с которым тебе надо дружить.

— Бабушка, я же тебе друзей не выбираю, — ляпнул я, не подумав.

Это было очень грубо и невежливо. Бабушка обиделась, поджала губы и замолчала. Чай мы допили в полной тишине. И только когда я встал и буркнул «спасибо», она сказала:

— Тебе какой-то конверт прислали.

Это было приглашение явиться к Верховному комиссару Звездного Совета.

Стоэтажная башня Звездного Совета была самым высоким зданием столицы. Возвели ее двести лет назад, когда архитекторов охватила очередная лихорадка-новаторства. Здания-шары, здания-деревья, здания-зонты, здания-пирамиды были уже пройденным этапом. Новым увлечением стали здания без окон. Строить их — дешево, рационально, быстро, — так уверяли авторы проек-

тов. Телеэкраны во всю стену прекрасно заменяют окна, и видеть в них можно будет не изо дня в день одно и то же, а любой пейзаж по выбору — море, горы, лес, Ниагару, Сахару. Были даже запущены специальные «пейзажные» спутники, которые транслировали по сорока каналам сорок разных пейзажей — с ветром, птицами, восходами и закатами. Постепенно число пейзажей довели до полутора сотен, включив в них морское дно и марсианскую пустыню. Но мода на телеокна быстро прошла, жить среди телефицированных стен мало кому понравилось, и здания без окон потихоньку переделали в обычные. Теперь их осталось совсем мало, в основном административные; здание Звездного Совета было среди них самым известным...

В вестибюле меня встретила очаровательная блондинка в голубой униформе. Я показал ей приглашение. Она сразу засуетилась, стреляя в меня красивыми глазками.

— Я знаю о вас... Меня предупредили, что вы придете... Верховный комиссар вас ожидает. — Она сказала несколько слов в микрофон, приколотый к ее форменной блузке вместо брошки. — Разрешите вас проводить.

Она так тарасила на меня глаза, словно я был по крайней мере о двух головах, и все о чем-то щебетала. А в кабине лифта вдруг спросила:

— Скажите, вы действительно... рыцарь Черной Башни? Я видела вас на Малом Споре и запомнила. Меня зовут Виола. Можно, мы теперь будем знакомы? Я так люблю конный бой — не пропустила ни одного соревнования!

Ах, нелегкая тебя возьми! Я огляделся, но из лифта выскочить было невозможно. Конечно, она прочитала в приглашении мою фамилию, и теперь начнут записки, букеты, вздохи, охи. И чего занесло ее в Дом Техники?

— За кого же вы болели на Малом Споре? — спросил я, с отчаянием глядя на световое табло, цифры на котором словно заснули. Уж скорей бы доехать!

— Я сама участвовала в Споре. Я сделала тот самый верстак, который вы разрубили...

К счастью для меня, лифт, наконец, дополз до девяностого этажа, и мы вышли.

— Вы сделали замечательный верстак, — сказал я серьезно. — На нем очень удобно работать. Через неделю-две я вернусь, и мы вместе починим его...

В кабинете мне навстречу поднялся из-за стола высокий седой человек, к которому я с первого взгляда почувствовал расположение. Ему было лет сто сорок — сто шестьдесят.

— Комиссар Фаркаш, — представился он.

Я с интересом огляделся. Стол и кресла были обычные, папки, числом не больше десятка, стояли на самой простой полке, из техники я заметил только стандартный экран глобальной связи со стандартным же пультом. А во всех окнах, знаменитых телеокнах, виднелись только пейзажи Москвы — такие, какими они должны выглядеть с девяностого этажа.

— Вы скоро отбываете на Изумрудную. Вот заявка на ВП-перелет, — Фаркаш протянул мне листок бумаги. — Вас будет только двое?

— Да, я и робот Петрович. Ну и, конечно, немного вещей.

— Вы знаете, что вы первый человек, получивший разрешение посетить Изумрудную?

Это я знал — мне сообщила об этом Ганелона.

— Вот по этому-то поводу я и хотел с вами поговорить. Но сперва я кое-что расскажу вам...

Изумрудную открыли лет пятьдесят назад. Разведчики высадились на планету и попытались вступить в контакт с населением. Вначале все шло довольно мило, но потом появились представители центральной власти и дали понять, что дальнейшее общение нежелательно. Их соблазняли торговлей, обещали всяческую помощь, лекарства, развитие туризма — власти были непреклонны. Пришлось убираться не солоно хлебавши, даже не выяснив, откуда и когда взялись на Изумрудной обитатели.

Они явно были эмигрантами с Земли, даже разговаривали на Едином языке, правда, устаревшем,—видимо, планета была колонизирована кучкой беглецов еще в период создания Союза Коммунистических Республик, по времени совпавшей с первыми звездными рейсами.

Разведчики подвесили на стационарной орбите ВП-станцию, а на планете оставили кабину для связи со Станцией,—это было единственное, на что удалось получить разрешение. И все эти годы никто ими не пользовался.

Теперь представьте себе ситуацию. Почти полвека на наши регулярные вызовы никто не отвечает, услугами Станции никто не пользуется. Почти полвека дежурные смены на спутнике изнывают от безделья. И вдруг Изумрудная заговорила—просят отправить на Землю пассажира, указывают, когда его забрать. Ребята рады, они сажают корабль в тюльчатку в тюльчатку куда следует и видят конное войско с копьями и мечами, провожающее очень хорошенькую девушку. А по углам посадочного квадрата они видят четыре вышки, и им без бинокля видно, что на вышках сидят здоровенные верзилы с лучеметами и держат все это рыцарство и самих ребят под прицелом... Девушка, естественно, забирают. На Земле выясняется, что она наследная принцесса Изумрудной и приехала к нам учиться. Король, ее батюшка, прислал с нею слезную грамоту в наш Совет, из которой мы поняли, что он просит получше охранять его чадо, потому что ему, королю то есть, кажется, что чаду может угрожать опасность. Мы даем принцессе в сторожа робота высшего класса, снабдив его строжайшими инструкциями. Но принцессу никто не беспокоит, никто ей не угрожает. Да и кто может это сделать, если с Изумрудной не выезжала больше ни одна душа? Потом нас просят забрать королевского посланца, мы это делаем, он приезжает к принцессе, а та в слезы—оказывается, умер ее отец. Она едет его хоронить, возвращается, к ней снова приезжает тот же самый Летур,—все идет естественным путем и тревоги не возбуждает. А потом началось... На спутнике вызов за вызовом. То двое, то трое, то сразу пятеро. Тут мы, конечно, слегка промахнулись—надо было четко знать, кого мы возьмем, куда и зачем. Но, поймите, у нас не было никаких причин для тревоги или подозрений... До тех пор, пока не погиб Летур.

По словам Ганелоны, это был разносторонне талантливый человек, великолепный художник и ученый-энциклопедист. Правда, наука на Изумрудной какая-то странная—алхимия, да и только. Точных сведений у нас нет, а принцесса дома ничему толком не училась и мало что знает... Так вот, Летур поступил в институт и стал изучать генетику. Когда мы уже потом заинтересовались, нам рассказали, что в голове у него была каша, подготовки—никакой, наивность во многих вещах чудовищная, однако это был, бесспорно, очень, очень одаренный человек...

Мы не знаем, что с ним произошло,—может быть, просто несчастный случай. Он купался в море,—это случилось недавно в Гурзуфе,—уплыл и не вернулся. Браслет связи оставил на берегу—он всегда так делал, сколько ему ни говорили,—очевидно, считал, что вода испортит механизм. О Летуре вспомнили только на следующий день, однако сразу искать не стали—мало ли куда мог отправиться человек! Но потом ребяташки наши в камнях одежду. Через час тело обнаружили. Он пробыл в воде почти сутки. И представьте—врачи так и не смогли сказать, отчего он умер. Подозревают, что это был паралич сердца. Словом, самая естественная причина, но... Но только трое из тех, кто недавно прибыл с Изумрудной, в тот день тоже были в Гурзуфе..

— Поверьте, Алексей,—закончил Фаркаш,—мы поверили все, что только могли. Люди не умирают просто так, без причины, но причин нет. Есть только смутные подозрения. Эти трое Летура не убивали. Нам удалось проследить весь их путь, и мы убедились, что они нигде не вступали с ним в контакт. А за час до того, как Летур пошел купаться, эта тройка уже сидела на веран-

де над морем. Они пили вино, ели шашлыки и играли в эту допотопную игру... да, преферанс, на щелчки по носу. И просидели там несколько часов, никуда не отлучаясь,—игра эта затяжная.

— А где они сейчас?—спросил я.

— Уехали. Вернулись на Изумрудную. У нас не было никаких оснований их задерживать.

— Скажите, а среди тех, кто прибыл с Изумрудной, не было детей?

— Детей?—изумился Фаркаш.—А в чем дело?

Я рассказал ему историю с вишневым косточкой.

— Это был мальчишка? Вы уверены?

— Я разговаривал с ним вот так же, как сейчас с вами.

— Я проверю еще раз, но, насколько мне известно, к нам прибыли только взрослые.

Тут мне в голову пришла одна мысль, и я спросил Фаркаша, нет ли у него фотографии тех, с Изумрудной.

— Конечно, есть,—ответил комиссар.—Разрешения на ВП-перелеты выдаются только именные, с фотографией.

Он взял с полки одну из папок и достал из нее пачку цветных стереоснимков.

— Вот этого я знаю,—сказал я и протянул комиссару Фаркашу снимок.—Это кавалер Рюдель, глава Черного совета Изумрудной, главный претендент на руку принцессы Ганелоны и на королевский трон...

Глава 6. Справочник Гименя

Я разыскал Тину в лаборатории. Она уже заканчивала свои записи, и я предложил ей поужинать вместе.

— Если не возражаешь, можем поехать ко мне. Бабушка скоро укатит в какую-то Тмутаракань, а пока будет рада накормить нас. Знаешь, когда бабуся дома, она не терпит, чтобы я питался с помощью автокухни.

— Тебе хорошо живется,—вдохнула Тина.—Очень славная у тебя бабушка. И где ты ее раздобыл?

— Скажу только тебе, по секрету.—Я наклонился к самому уху девушки.—Мне ее выдали за спортивные успехи.

Мне было очень приятно идти вот так с Тиной, болтая о всяких пустяках, по открытой солнцу галерее, повишей на высоте двадцати этажей над институтским парком. Как-то незаметно для самих себя мы остановились у перил. Отсюда, с вышини, были видны вдалеке увенчанные звездочками острия древних кремлевских башен над лентой реки и разноцветные силуэты новых зданий, и безглазая труба Звездного Совета, и ажурные километровые зонтики погоды, и переплетенья скоростных магистралей над домами и рекой. Когда я положил руку на перила, мои пальцы прикоснулись к пальцам Тины,—очевидно, она этого просто не заметила, потому что не отодвинула руку. Я вдруг ощутил внутри какую-то сладкую пустоту и понял, что не могу сейчас ничего сказать—ну просто ни слова. Мне хотелось только, чтобы мы вот так стояли рядом и молчали, и чтобы она подольше не убирала своей руки. Я не знаю, долго ли все это продолжалось, только вдруг почувствовал, что Тина тихо вдохнула, и от этого ее грудь на секунду прикоснулась к моему локтю. Я чуть-чуть подвинул свою руку, мои пальцы скользнули по ее пальцам и сплелись с ними. Это было так невероятно, что сердце у меня в груди вдруг забухало громкими редкими ударами.

Нас вернул к действительности чей-то голос. Я не сразу понял, что этот голос мне очень хорошо знаком. По галерее спешил к нам Гусев—как всегда, взлохмаченный и суетливый.

— Вот вы где, голубчики,—кричал он еще издали.—А я обегал пол-института. Тина, ты почему без браслета?

— Я сняла его, чтобы мне не мешали работать,—ответила девушка.—Думаешь, ты один не даешь мне по-

коя? — Мне показалось, что она не очень обрадована появлением своего друга.

— Какие у вас планы? — осведомился Гусев.

— Мы собрались ко мне ужинать, — сказал я. — Бабушка грозилась сделать что-то необыкновенное. Пойдешь с нами?

Я смотрел на моего тренера, на дорогого друга Пашку Гусева, и чувствовал, что впервые во мне возникает какая-то неприязнь к нему. Я его очень любил и уважал. И тем не менее сейчас при виде Гусева я ощутил глухое раздражение. Тина была его девушкой, и он ей, очевидно, нравился, она, может быть, даже любила его, поэтому я не имел никакого права становиться у него на дороге. То, что сейчас произошло на галерее (хотя там ничего не произошло — эка важность, подержал девушку за руку), казалось мне предательством по отношению к другу, и я чувствовал, что Гусев думает так же, хотя и не подает виду. Ох, как мне не хотелось, чтобы он, я и Тина ужинали вместе! Дернул черт меня за язык — не брать же приглашение обратно...

Но тут проблема решилась без моего участия. Мы уже стояли у паркинга в ожидании свободного автокиба, когда Тина сказала:

— Мальчики, вам придется ужинать без меня. Я забыла про одно срочное дело. Извините!

Она помахала нам рукой, села в подъехавший киб и укатила. Тут же второй киб остановился перед нами. Мне уже расхотелось ужинать, но ехать пришлось. Пашка тоже был не в своей тарелке — плюхнулся на сиденье и надулся, как мышь на крупу.

Я о чем-то заговорил, но Павел упорно молчал всю дорогу. Дома я зашел к бабушке поздороваться, а когда вернулся в гостиную, Гусев торчал у стола и вертел возле своего носа розу, которую мне вчера бросила Тина. Цветок стоял в вазочке с живой водой, мне хотелось законсервировать и сохранить эту розу как память о Малом Споре (а еще больше о Тине). Но теперь все пропало — консервация не получится...

— Слушай, Алексей, — сказал Павел и швырнул розу на стол. — Тина — моя девушка, и ты к ней не приставай.

— С чего ты это взял, — пробормотал я. Выпад Гусева застал меня врасплох. — Мы с ней друзья и только.

— И давно это вы подружились?

Я разозлился.

— А что, ты хочешь мне посоветовать, с кем дружить, а с кем нет?

— Можешь дружить с кем хочешь. Но не дури девочку голову. От нее теперь только и слышишь: ах, какой рыцарь, ах, какой удар, какой сверхудар, какой сверхталант, сверхгений!

— Это она на самом деле так говорит? — спросил я с неподдельным интересом. Павел почувствовал, что зарвался, и сбавил тон.

— Так или не так — какая разница? Она меня любит — вот что главное. А ты ее с толку сбиваешь.

В его голосе чувствовалось сильное раздражение. Если они действительно любят друг друга, мое положение оказывалось незавидным. Хорошо, что я скоро уезжаю на Изумрудную...

Ужин был испорчен. Ели мы без всякого удовольствия, чем очень расстроили бабуся. Она сидела, поджав губы, и распрощалась с нами сухо. Я пошел проводить Павла. Мы пытались говорить о подготовке к Олимпийским играм, но разговор не клеился, и мы расстались.

Я бродил по городу довольно долго, думая о Тине и Павле. Высоко над моей головой в прозрачных трубах пронеслись серебристые капли магнитных поездов, еще выше проплывали дискотеки туристов, по улицам гуляли веселье, смеющиеся люди. Как всегда в это время, прошел легкий дождь, весивший через все небо разноцветную радугу. Воздух стал удивительно свежим, запахло какими-то южными цветами. Не знаю, случайно это вышло или ноги сами привели меня, но когда я поднял голову, то увидел, что стою перед «Справочником Гименя».

Официально это здание называлось Центральным информаторием. В его огромном кристалломозге были собраны подробные сведения о всех обитателях планеты — их возрасте, внешности, вкусах, привычках, работе, увлечениях. Вначале все это мыслилось как автоматическое справочное бюро, но потом было предложено с помощью Информатория облегчить людям встречи по интересам. И сразу оказалось, что подобное учреждение просто необходимо людям. При этом большинство запросов имело целью получить информацию, облегчающую поиск подруги или друга жизни, и вскоре Информаторий иначе, чем «Справочником Гименя», почти никто не называл.

Сведения обо мне тоже хранились здесь, но я давно заблокировал свою ячейку, спасаясь от восторженных любителей и любителей конного боя. Не так давно я заходил сюда, чтобы узнать, интересовался ли кто-нибудь моей особой. За последний месяц в Информаторий поступило три запроса о профессоре Алексее Северцеве и тринадцать тысяч восемьсот семьдесят два человека пытались связаться с рыцарем Черной Башни...

В прохладном вестибюле Информатория, как и всегда, дежурил робот. Он подкатил ко мне и осведомился, чем может быть полезен. Я подумал и спросил, много ли людей обращается сюда по брачным вопросам. Оказалось — до ста тысяч человек в год. Тогда я заинтересовался, насколько велика эффективность такой службы.

— По имеющимся у нас сведениям, — забубнил робот, — из всех лиц, обратившихся в Центральный информаторий для отыскания друга или подруги жизни, впоследствии зарегистрировали объединенные опознавательные индексы или совместные адреса с кем-то из указанных в справочнике Центрального информатория лиц на срок до года и более, что может свидетельствовать о создании семейного союза, или родили детей при участии указанных в той же справке лиц, до сорока двух процентов лиц, которым были выданы рекомендации брачного характера.

— Неплохо, — похвалил я, подсчитывая в уме, сколько раз он упомянул о «лицах». — У вас очень высокий к. п. д. А смогу я узнать, какова пригодность моей кандидатуры для семейной жизни?

— Попрошу приложить сюда ваш опознаватель, — сказал робот, проводя меня к пульту. Я приложил браслет к гнезду, и тотчас на щите замигали лампочки.

— Пригодность данного лица в каждой возрастной группе, — вновь забубнил робот, — определяется по пяти степеням пригодности, определяемым на основе требований, которые предъявляет к возможным кандидатам лицо, сделавшее запрос. По пятой степени ваша кандидатура за период, прошедший с начала текущего календарного года, соответствует двумстам сорока запросам, по четвертой степени — семидесяти одному, по третьей — девятнадцати, по второй — четырём, по первой — одному запросу. Поскольку ваша ячейка заблокирована, сведения о вас не выдавались и в справке не включались.

Я посмотрел на робота с уважением. Ведь обычная машина, а знает, что для кого-то я, Алексей Северцев, двадцати трех лет, ростом двести два сантиметра и весом сто двадцать килограммов, являюсь единственным... Интересно, кто это?

— Могу я узнать, кем сделан запрос, подпавший под категорию первой степени?

Робот повозился у пульта.

— Лицо, сделавшее данный запрос, заблокировало свою ячейку, поэтому ответ быть дан не может.

Вот так... Где-то живет неизвестная мне девушка, для которой я мог бы стать единственным, но никогда не стану. И ничего тут не поделаешь.

Я повернулся, чтобы уйти, но тут мне в голову пришла еще одна идея.

— Попрошу дать мне справку о возможной подруге жизни. Мои требования: пол — женский, возраст — от семнадцати до двадцати двух лет, брюнетка, но не жгучая, рост... выражение глаз... грудь высокая... талия... по-

ходка волнующая...—Я закрыл глаза и стал рисовать портрет Тины, переводя его из зрительных образов в сухие анкетные данные.—Интересует наукой, конным боем, гимнастика, альпинистка, горнолыжница...—я диктовал всю эту бредятину, презирая сам себя, но остановиться не мог. Закончив, с опаской посмотрел на робота, словно ожидая увидеть осуждение в его электронных глазах. Но этот ящик на колесах стоял ко мне спиной, подключившись к пульту, и ему не было никакого дела до моих эмоций.

Из пульта выскочила карточка, робот взял ее и протянул мне.

— Ваш запрос соответствует первой степени, и ему соответствует по всем параметрам запроса, кроме не поддающихся формализации, каковыми являются требования к выражению глаз и эмоциональные ощущения от походки, всего одно лицо из числа всех лиц, взятых на учет в Информатории.

Я взглянул на карточку и присвистнул. На карточке было напечатано:

«Виола Ириния Миллер, 19 лет, Звездный Совет, секретарь IV класса».

— Врет ваша машина,— сказал я.— Я эту Виолу знаю. Она же стопроцентная блондинка!

Робот обратил на меня философски мерцающие электронные глаза и пробубнил:

— Поскольку данное лицо в момент регистрации по цветовым параметрам прически относилось к нежущимся брюнеткам, допустим вывод, что данное лицо изменило цвет своих волос, не поставив в известность Информаторий. Данному лицу будет сделан немедленный запрос с целью внесения уточнений в его ячейку.

— Валайте,— сказал я и вышел.

Глава 7. Бабушек надо слушаться

Все на свете имеет свой конец. Пришли к концу и мои сборы в дорогу.

Все было обговорено и рассказано, документы оформлены, обряды заучены, снаряжение упаковано. С огорчением я узнал, что с терилаксовой броней мне придется распрощаться, поскольку такой брони на Изумрудной нет. Принцесса рассказала мне, что их кавалеры сражаются только равным оружием и это правило соблюдается очень строго.

— Но вы получите лучший панцирь из коллекции моего отца. Он очень любил турниры и собрал прекрасную коллекцию оружия. Вот копье с вымпелом Соискателя вы должны взять с собой. Оно послужит для вас пропуском во дворец.

— А коня? Как быть с конем?

— Коня вы купите на месте. Не везти же его с Земли! Да он и не войдет в кабину.

Я представил себе, как получаю на Изумрудной из ВП-кабины одну половину Баязета и скачу на ней наподобие барона Мюнхгаузена... Да, коня придется искать там.

— Не огорчайтесь,— промолвила принцесса и положила свои пальцы мне на руку.— В королевской конюшне вам подберут лучшего коня. Я распоряжусь.

Когда я впервые услышал про конные поединки на Изумрудной, это совпадение поразило меня. Но теперь мне было ясно, что никакого совпадения тут нет. Рыцарские бои на копьях, процветавшие в средние века, возродились еще в XX веке—что-то, а уж историю своего любимого спорта я знал до мельчайших подробностей. Началось это одновременно в Польше и Англии. Польские рыцари выступали в театрализованных представлениях, устраиваемых в старинных замках, изображая битвы давних времен. В Англии в те же самые годы начали проводиться конные поединки с легкими бамбуковыми копьями. Позже, в XXI веке, после изобретения

терилакса, который гарантировал спортсменам безопасность, этот вид спорта широко развился и впоследствии был включен в Олимпийскую программу. Ничего удивительного, что беглецы с Земли, создав на Изумрудной свою аристократию, вспомнили про конный спорт, всегда считавшийся на Земле аристократическим...

Пальчики девушки все еще покоились на моем локте, и от этого я почувствовал, как у меня к щекам приливает жар. Удивительное сходство Ганелоны с Тиной настолько сбивало меня с толку, что я совсем запутался. С ужасом я вдруг понял, что мне нравятся обе девушки, причем одинаково сильно.

Нет, различия в их внешности были, хотя и не очень заметные. У Ганелоны был гораздо светлее оттенок кожи, чуть тоньше губы, не такие большие глаза, неувимые отличия в очертаниях скул, носа, подбородка. В движениях, жестах, походке разницы обнаруживалось гораздо больше. Ганелону отличало особенное выражение глаз—какое-то настороженное, всегда немного беспокойное и тревожное, словно девушку непрестанно грызли тайные заботы. Властно сжатый рот принцессы свидетельствовал о решительности и твердости характера, ничуть не умаляя ее прелестной женственности. Походка казалась несколько скованной, Ганелона словно избегала быстрых движений и старалась за округлостью жестов скрыть внутреннюю резкость. Пожатие ее руки было вялым и безразличным...

Впрочем, эти мысли выветрились из моей головы, когда вдруг выяснилось, что агенты Рюделя все же обнаружили Ганелону. Она рассказала, что недавно с нею говорил через браслет неизвестный, не назвавший и не показавший себя, и спросил, предполагает ли принцесса в ближайшее время отбыть на родину. Получив положительный ответ, он сказал: «Если передумаете—пеняйте на себя» и отключился, даже не попрощавшись.

— Почему вы не обратились в Службу Безопасности?— спросил я, кипя возмущением. Это было неслыханно: в наше время угрожать кому-то, запугивать, вынуждать.— Вашего Рюделя и всю его шайку быстренько бы схватили и выслали домой. А Изумрудную заблокировали бы, чтобы никто не мог до вас добраться...

— Я думала об этом,— грустно ответила Ганелона.— Да разве во мне только дело? Рюдель рвется к власти, и моя задача—помешать ему. А для этого я должна ехать.

Чтобы отвлечь девушку от тревожных мыслей, я заговорил о Петровиче. За последние дни я успел сдружиться с ним. Робот был неплохой парень, не то что механические недотепы из Информатория и аналогичных заведений. Он побывал на моих тренировках, обучаясь искусству оруженосца, и я теперь знал, что он ничего не упустит в сложном ритуале подготовки к бою. Шутки ради я предложил ему сесть в седло. Это было уморительное зрелище—ездить он не умел совершенно, сидя на лошади, растопыривал ноги наподобие циркуля и на рыси выглядел настолько жалко, что я поскорее оставил лошадь. Однако на землю он спрыгнул легко и грациозно и, судя по всему, был весьма собой доволен.

Рассказал я Ганелоне и о фотографии, которую получил в институте. Там уже знали, что я ненадолго уезжаю, и, когда я зашел попрощаться, меня сразу окружили. К середине лета все мы были уже достаточно загорелыми, но все же одна из физиономий показалась мне чернее других. Вглядевшись, я узнал лаборанта Цоя, который только что вернулся с юга.

Мне стали показывать его снимки—старинные бело-снежные дворцы, реставрационные работы на Золотых воротах, состязания ныряльщиков, толпы на пляжах. Все это сейчас меня мало интересовало—я потихоньку оглядывался, ища глазами Тину, которая куда-то отлучилась. Вдруг я понял, что передо мной только что мелькнуло знакомое лицо. Я схватил уже отложенную фотографию и увидел на ней кавалера Рюделя.

Снимок был сделан на приморской веранде, где, прячась от беспощадного солнца, сидели под тентами

загорелые люди — кто в шезлонгах, кто у столов с напитками. В руках у соседей кавалера были карты, а сам он держал какой-то приборчик, из которого торчала крестообразная антенна.

Этот-то снимок я и показал Ганелоне.

— Почему он пользуется таким приемником? — спросил я. — У него же есть браслет, — я показал на левую кисть кавалера Рюделя. — Браслет дают каждому, кто прилетает на Землю.

— Опять кого-нибудь подслушивал, — с неприязнью ответила принцесса. — Помните, как он нас подслушивал?

Девушка долго смотрела на снимок, что-то мучительно вспоминая.

— Алексей, я боюсь, — сказала она наконец. — Я не знаю, в чем тут дело, но мне страшно. У меня на родине есть одна легенда... Я почти забыла ее. Но в ней говорится о каком-то кресте, который несет всем смерть... Когда я была совсем маленькой, сестры пугали меня по вечерам рассказами об этом кресте. Я кричала от страха и пряталась под одеяло, а потом долго не могла заснуть. И сейчас мне снова страшно...

Голос ее замер. Я взял ее за руку — пальцы у нее дрожали и были холодны, как лед.

— Не бойтесь, — сказал я. — Сказки — это только сказки. И меня не удивляет, что ваш Рюдель предположил браслету собственный радиоаппарат. Ведь с помощью браслета подслушивать нельзя. А он, по-видимому, очень любит это занятие.

Чтобы успокоить девушку, я пообещал показать снимок специалистам.

— Бабуся, — сказал я за ужином, — где сейчас Милич?

— Иво? Вице-президент Радиоакадемии? Почему ты о нем вспомнил?

— Сейчас будет удобно его побеспокоить? Я хотел бы показать ему вот эту фотографию.

Бабушка повозилась у пульта, и через десяток секунд Иво Милич высветился на экране.

— Дорогая Евдокия Адамовна, — растроганно проговорил он. — Вспомнила все-таки меня, старого! А то мне стало казаться за последние десять лет, что так и помру, не повидавшись с тобой...

— Так уж и десять, — возразила бабушка. — Три года назад мы виделись на Плутоне.

— Ах да... Это когда ты провалила мой проект...

— Пожалуй, не стоит об этом вспоминать, — бабушка явно не хотела говорить в моем присутствии о некоторых своих занятиях. — Взгляни лучше на моего внука. У него есть к тебе вопросы.

— Здравствуйте, дядя Иво, — сказал я.

— Батюшки, неужели это Алеша? — старик даже всплеснул руками. — Слышал, слышал я про твои подвиги. Не женился еще?

— Некогда ему, — вздохнула бабушка. — Спортсмен! В чемпионы метит. Ну, еще профессором стал. Учит лягушек далеко прыгать. Всех девушек этими лягушками распугал.

— Дядя Иво, что это за прибор? — поскорее спросил я, не давая бабушке увести разговор в сторону.

Ученый некоторое время рассматривал снимок.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Вот антенна мне знакома. Только это устаревшая конструкция. Когда-то, очень давно, ими пользовались для поляризации сигналов. Но лет сто назад появились кристаллические антенны, а еще позднее — молекулярные.

— Дядя Иво, как ты думаешь, для чего на пляже может понадобиться поляризованная передача?

— Такую передачу сложнее подслушать. Подожди, — встрепенулся он, — а зачем это надо? Ведь связь через браслет абсолютно неподслушиваема...

— Вот и я думаю — зачем? — пожал я плечами. — И мне очень хотелось бы получить ответ на мой вопрос...

В этот вечер мы долго сидели с бабушкой за сто-

лом. Ганелона разрешила мне открыть свой секрет, и я все рассказал бабушке. Про Ганелону, кавалера Рюделя, про вызов в Звездный Совет. Она молча слушала, не задавая вопросов, только хмурилась и поджимала губы — мое повествование ее чем-то очень огорчило, — да барабанила пальцами по столу.

— С Тиной попрощался? — спросила она вдруг.

— Тина уехала... — отвечал я виновато.

Я весь день тщетно вызывал ее, а когда соединился с ее квартирой, автосекретарь ответил, что ее нет в городе, что вернется она только через месяц.

— Когда ты отбываешь? — спросила бабушка.

— Завтра утром.

— Завтра утром...— она забарабанила еще быстрее.—
Завтра утром...

Она подошла к пульту, ткнула пальцем, и тотчас из экрана раздался знакомый голос.

— Слушаю вас, Евдокия Адамовна.

Я удивленно посмотрел на экран. Оказывается, моя кулинарка бабуся имеет личный канал связи с комиссаром Звездного Совета. Впрочем, тот тоже, наверно, любит вкусно поесть. Я знал немало известнейших людей, которые откровенно гордились тем, что им довелось пробовать стряпню моей бабушки.

— Фаркаш, вы с моим внуком уже знакомы,— сердито сказала бабушка, кивая на меня.— Не нравится мне вся эта история с Изумрудной. Вы не находите, что вам давно следовало известить Службу Безопасности?

— Я уже пришел к такому выводу. Моя информация час назад передана в оперативный отдел Службы.

— Этот юнша завтра отбывает. Какие меры безопасности приняты?

— Утром ему будет вручен несъемный браслет Службы Здоровья. На ВП-станции Изумрудной объявляется режим повышенной готовности с круглосуточным дежурством. На случай возможных передвижений Северцева в другое полушарие дополнительно подвешены два автоматических стационарных спутника, которые обещают ему связь со Станцией в любой точке планеты. К утру будет закончено дублирование канала ВП-связи Земля—Изумрудная.

— А робот?

— Проверен и проинструктирован.

— Вы заблокировали у него цепь Первого Закона?

— Да. И весь Совет, и командные машины—все за то, что риск допустим. Роботы класса ноль сверхнадежны. А Петрович к тому же очень воспитанный, я бы сказал—деликатный механизм. Ему можно доверять.

— Где блок-кольцо?

— Оно будет вручено Северцеву перед отлетом.

— Ну, ладно,— пробурчала бабушка.— По-моему, все правильно. Извините за беспокойство и спокойной ночи. Но утром я вас подниму ни свет ни заря.

— Спокойной ночи,— сказал Фаркаш и погас.

Весь этот стремительный разговор я слушал с возрастающим удивлением. Только сейчас я догадался, что мою особой все это время занимались десятки людей—работали, обеспечивали мою безопасность, запускали спутники, беспокоились... Еще больше поразила меня бабушка, которая запросто говорила с одним из самых занятых людей на планете, да причем так, словно требовала от него отчета. Разговор был явно деловой, а не просто дружеский. Но додумать свои мысли я не успел, потому что бабушка так же стремительно, как и Фаркаша, атаковала меня.

— Чувствую, впутался ты в пакостное дело. Не стоило бы тебе туда ездить, да теперь ничего не попишешь—рыцарское слово надо держать. Ох, уж эта мне твоя принцесса—как ее, Ганелона? Надумала же такое... Да ведь тебя на Изумрудной придавят, как цыпленка, ты и пикнуть не успеешь! Отравят, зарежут, пристрелят! А ну-ка, внучек, дай мне позывные твоей красотки...

Она снова ткнула в какую-то кнопку.

— Иван, это я. У меня сейчас состоится один разговор. Есть предположение, что его могут подслушать—наверно, подсунали где-нибудь микрофончик... Так вот, обеспечь мне полную секретность. Заглуши любые передачи от моего собеседника, запыленгуй приемники и выяви их. Проверь, нет ли где записывающих устройств. Если обнаружишь, записи сотри, предварительно перепиши, и выяви, кто их поставил. Ты все понял?

— Да, все,— ответил невидимый Иван.

— Даю тебе пятнадцать минут. Заодно проверь и у меня с внуком. Пока.

Я открыл было рот, чтобы задать бабусе вопрос, но она успела вызвать кого-то еще.

— Люций, ты уже спишь? Поднимайся. Всю инфор-

мацию об Изумрудной—немедленно ко мне на стол. И быстренько отыщи кого-нибудь из Космофлота. Даю тебе полчаса срока.

Она повернулась ко мне.

— Шел бы ты спать, Аника-воин. Завтра у тебя будет хлопот полон рот. Да и у меня тоже—по твоей милости. Дай-ка я тебя поцелую.

— Бабуся, ты кто?—спросил я недоуменно, подставляя ей лоб.—Я всегда думал, что ты кулинарка...

— Кто, кто... дед Пихто, вот кто,—проворчала она, подталкивая меня к дверям.—Бабушка я тебе. И мне очень хочется, чтобы ты вернулся живой с этой самой Изумрудной. Иди, иди, не упирайся. Бабушек надо слушаться—они плохого не посоветуют. А ну, марш в кровать, профессор кислых щей, магистр лошадиных наук! И чтобы немедленно спать!

Но в эту ночь я долго не мог уснуть.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Знаете ли вы книги

А. С. Грина?

Под таким названием мы поместили в № 8 несколько цитат из произведений писателя-сказочника. Сообщаем, из каких именно,—их названия выделены в тексте ответов.

1. О Несбывшемся—этом «таинственном и чудном олене вечной охоты»—грезит наяву случайно очутившийся в Лиссе Томас Гарвей. Он еще не знает, что Несбывшееся—действительно рядом, что оно ждет его в гавани Лисса в облике стройного парусного судна с полукругом рельефных золотых букв на корме: «БЕГУЩАЯ ПО ВОДНАМ»...

2. Ох, до чего же хотелось бы капитану Гопу, чтобы такой вот разговор состоялся у него с поступившим на шхуну «Ансельм» пятнадцатилетним юнгой! Но «со стиснутыми зубами и побледневшим лицом» шел к заветной своей цели—стать «дьявольским» моряком—юнгой Артур Грэй, будущий капитан «Секрета»—знаменитого галиота, однажды украсившего три своих мачты АЛЫМИ ПАРУСАМИ.

3. «Приносящим счастье» прозвали моряки лопмана Битт-Боя, для которого и впрямь «чужая удача—сущие пустяки». И никому невдомек, что неизлечимо болен раком этот жизнерадостный «барабанщик фортуны», заполучить которого на борт в качестве живого талисмана мечтают все КОРАБЛИ В ЛИССЕ...

4. Независимая и одинокая, проходящая жизнь в душевном молчании, без привязанностей и любви. Ру-

на Бегуэм, казалось ей, искренне мечтает о Необычайном. Но она слишком высокомерна и холодна, слишком сильно в ее душе «вдохновение власти», поэтому ей глубоко чужды и встреченный ею «летающий человек» Друд, и открытый им истинно необычайный БЛИСТАЮЩИЙ МИР.

5. Стечение случайностей действительно во многом определило судьбу Тиррея Давенанта. Впрочем, так ли? Ведь «все, что неожиданно изменяет нашу жизнь,—не случайность. Оно—в нас самих и ждет лишь внешнего повода для выражения действия»,—так заканчивает свое рассуждение Давенант, стоику проходящий свою ДОРОГУ НИКУДА.

6. О двух вещах более всего на свете мечтает Санди Пруэль,—тот самый, который «все знает». О том, чтобы окружающие побыстрее перестали видеть в нем—закаленном морском волке!—всего лишь юнгу. А еще—о стране невероятных приключений, битв, героев, кладов и тайн. Это второе сбывается быстрее первого,—стоило лишь юному Сандеру попасть во дворец Ганувера, где множество потайных ходов, множество неожиданных и чудесных вещей, среди которых—и магнитом влекущая к себе преступников ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ.

Следуя многочисленным пожеланиям читателей, помещаем список НФ книг, отечественных и переводных, изданных в 1979 году (информацию о «новинках-78» см. в прошлогоднем № 4 нашего журнала).

К сведению книголюбов: в распоряжении редакции книг нет, их рассылкой мы не занимаемся.

ВЕЧНОЕ СОЛНЦЕ. Русская социальная утопия и научная фантастика [2-я половина XIX—начало XX века]. М., «Молодая гвардия», 1979, 431 стр.

Сборник продолжает выпущенную ранее тем же издательством книгу «Взгляд сквозь столетия»; центральная его тема — социально-утопические мотивы в русской литературе. Читателю, несомненно, будет любопытно взглянуть в этом плане на творчество таких писателей, как Л. Толстой, Н. Некрасов, И. Гончаров, Н. Чернышевский, Ф. Достоевский, А. Чехов, В. Короленко, М. Горький...

Собственно научная фантастика представлена в сборнике рассказами В. Брюсова, «шлассельбуржца» Н. Морозова, А. Куприна и романом «Красная звезда» А. Богданова. К сожалению, во вступительной статье сборника о дореволюционной фантастике сказано вскользь, поэтому советуем, в дополнение к сборнику, прочитать небольшую, но емкую брошюру:

Всеволод РЕВИЧ. НЕ БЫТЬ, НО И НЕ ВЫДУМКА. Фантастика в русской дореволюционной литературе. М., «Знание», 1979, 64 стр.

Автор всесторонне исследует нашу старую фантастику — от ее зарождения в русской литературе до последних предреволюционных произведений.

ИНОЙ ЦВЕТ. Повести и рассказы. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд-во, 1979, 260 стр.

В сборник вошли повести Ю. Тупицына («Безумие»), М. Клименко («Иной цвет», печаталась также под названием «Отчего бывает радуга») и рассказы уральских авторов.

НФ. СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ. Вып. 20. М., «Знание», 1979, 255 стр.

НФ. СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ. Вып. 21. М., «Знание», 1979, 255 стр.

В очередных выпусках сборника напечатаны повести «Черный Яша» З. Юрьева, «Где королевская охота» О. Ларионовой, «Закон для дракона» К. Булычева, рассказы А. Громовай, Д. Биленкина, Т. Гуревича, П. Амнуэля, Э. Маринина, В. Рыбакова и других авторов, в том числе и зарубежных. Несомненный интерес любителей НФ вызовет новая рубрика «Мэридианы фантастики», где публикуется краткая хроника событий в мире НФ — в нашей стране и за рубежом.

ФАНТАСТИКА-79. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1979, 407 стр.

Центральные произведения сборника — остросюжетная повесть Е. Гуляковского «Атланты держат небо» и сатирическая повесть-сказка В. Шукшина «До третьих петухов».

Николай БОНДАРЕНКО. КОСМИЧЕСКИЙ ВАЛЬС. Повесть. Ташкент, «Еш гвардия», 1979, 175 стр.

Кир БУЛЫЧЕВ. ЛЕТНЕЕ УТРО. Повести и рассказы. М., «Московский рабочий», 1979, 255 стр.

В сборник вошли повести «Умение кидать мяч», «Журавль в небе» и большая подборка рассказов.

Евгений ВЕЛТИСТОВ. МИЛЛИОН И ОДИН ДЕНЬ КАНИКУЛ.—ГУМ-ГАМ. Повести-сказки. М., «Детская литература», 1979, 240 стр.

Василий ГОЛОВАЧЕВ. НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ВСТРЕЧИ. Повесть. Днепропетровск, «Проминь», 1979, 215 стр.

Сокращенный вариант повести под названием «Великан на дороге» был опубликован в сборнике «Фантастика-78» (М., 1978).

Михаил ГРЕБЕНЮК. ПАРАДОКС ВРЕМЕНИ. Роман. Ташкент, «Еш гвардия», 1979, 157 стр.

Виктор КОЛУПАЕВ. ФИРМЕННЫЙ ПОЕЗД «ФОМИЧ». Повесть. М., «Молодая гвардия», 1979, 271 стр.

Пережив ряд самых невероятных приключений, герой повести убеждается в одной из «вечных» истин: «Не так-то просто творить добро...»

Владислав КРАПИВИН. В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА. Повести. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1979, 288 стр.

В сборник вошли повести «Я иду встречать брата», «Старый дом», «Баркентина с именем звезды» и малая трилогия «Далекие горнисты». Большинство этих произведений первоначально печаталось на страницах нашего журнала.

Олег ЛУКЬЯНОВ. ВСЯ МОЩЬ ВСЕЛЕННОЙ. Повести и рассказы. Саратов, Приволжское кн. изд-во, 1979, 144 стр.

Первую книгу молодого писателя составили пять рассказов и повести «Ракета, красивая, как мечта» (сокращенный ее вариант под названием «Эльдорадо» был напечатан в 1976 году в нашем журнале) и «Принцип неопределенности».

Георгий МАРТЫНОВ. СТО ОДИНАДЦАТЫЙ. Повесть. Л., «Детская литература», 1979, 223 стр.

Сокращенный вариант повести — «Незримый мост» — печатался в одноименном коллективном сборнике (Л., 1976).

Александр МЕЕРОВ. ОСТОРОЖНО — ЧУЖИЕ! Роман. Донецк, «Донбасс», 1979, 278 стр.

Под названием «Право вето» роман был опубликован в сборнике «Тайна всех тайн» (Л., 1971).

Владимир МИХАЙЛОВ. ДВЕРЬ С ТОЙ СТОРОНЫ. Роман и повесть. Рига, «Лиезма», 1979, 455 стр.

Помимо романа, давшего название книге, в нее вошла повесть «Исток».

Владимир МИХАНОВСКИЙ. ГОСТИНИЦА «СИГМА». Повести и рассказы. М., «Детская литература», 1979, 304 стр.

Геннадий МОЛОСТНОВ. ПОСЛАННИК С ПЛАНЕТЫ АЛЬБОС. Повесть. Красноярск, Кн. изд-во, 1979, 88 стр.

КТО НАПИСАЛ «ЗАПИСКИ МАРСИАНЦА»?

Михаил и Лариса НЕМЧЕНКО. ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК. Рассказы. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1979, 208 стр.

Ряд рассказов сборника (в том числе — давший название всей книге) первоначально публиковался в нашем журнале.

Игорь РОСОХОВАТСКИЙ. ГОСТЬ. Повесть. М., «Молодая гвардия», 1979, 239 стр.

По стечению обстоятельств выращенный в лаборатории искусственный мозг обретает свободу. Нелегким оказывается путь к установлению контакта с этим поистине космическим «гостем» землян...

Аркадий и Борис СТРУГАЦКИЕ. ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ. Повести. М., «Детская литература», 1979, 320 стр.

В книгу включена также повесть «Парень из преисподней».

Юрий ТОМИН. КАРУСЕЛИ НАД ГОРОДОМ. Повесть. Л., «Детская литература», 1979, 231 стр.

Герои повести, рядовые обитатели маленького городка, оказываются вовлеченными в контакт с инопланетным разумом.

Левон ХАЧАТУРЬЯНЦ, Евгений ХРУНОВ. ПУТЬ К МАРСУ. Повесть. М., «Молодая гвардия», 1979, 207 стр.

Авторы этой «научно-фантастической хроники конца XX века» — один из ведущих специалистов в области космической медицины и летчик-космонавт — рассказывают о том, какую видится им первая научная экспедиция на Марс.

Дмитрий ШАШУРИН. ПЕЧОРНЫЙ ДЕНЬ. Рассказы и повесть. М., «Молодая гвардия», 1979, 239 стр.

Зиновий ЮРЬЕВ. ПОЛНАЯ ПЕРЕДЕЛКА. Роман. М., «Молдая гвардия», 1979, 320 стр.

Светлана ЯГУПОВА. ФЕНОМЕН ТАБАЧКОВОЙ. Повести. Симферополь, «Таврия», 1979, 240 стр.

Помимо заглавной, в книгу вошла повесть «Твой образ».

В минувшем году переиздавались НФ книги Л. Лагина («Патент АВ» и «Старик Хоттабыч») и М. Ша-

гилян («Месс-Менд, или Янки в Петрограде»), из зарубежных писателей — произведения Ж. Верна, Д. Свифта, Г. Уэллса. Изданы также в переводе на русский язык:

МАГИ НА СТАДИОНЕ. Фантастические рассказы о спорте. М., «Физкультура и спорт», 1979, 167 стр.

В сборник включены рассказы А. Кларка, А. Азимова, Д. Родари, С. Лема и других зарубежных авторов.

Айзек АЗИМОВ. ТРИ ЗАКОНА РОБОТЕХНИКИ. Рассказы. Перевод с англ. М., «Мир», 1979, 399 стр.

Наиболее полная на русском языке подборка рассказов известного американского фантаста о роботах.

Кристофер ПРИСТ. МАШИНА ПРОСТРАНСТВА. Роман. Перевод с англ. М., «Мир», 1979, 471 стр.

Роман английского фантаста представляет собою своеобразное «продолжение» знаменитых книг Герберта Уэллса «Машина времени» и «Война миров».

Несколько НФ книг — в переводе на русский язык — было издано для советского читателя в Болгарии и Румынии:

ЛЮДИ И ЗВЕЗДЫ. Сборник. Перевод с румынского. Бухарест, «Альбатрос», 1978, 288 стр.

В сборник вошли избранные рассказы В. Колина, И. Хобаны, В. Кернбаха и других румынских писателей-фантастов.

Янр ТЮБЕВ. ОПАЛЫ ДЛЯ НЕФЕРТИТИ. Роман. Перевод с болгарского. София, «София Пресс», 1979, 227 стр.

Любен ДИЛОВ. НА ПОЮЩЕЙ ПЛАНЕТЕ. Рассказы. Перевод с болгарского. София, «София Пресс», 1979, 160 стр.

Владимир КОЛИН. ЗУБЫ ХРОНОСА. Рассказы. Перевод с румынского. Бухарест, «Альбатрос», 1979, 295 стр.

Эта книга — изданный до революции (после 1905 года) сборник рассказов — досталась мне без титульного листа, хотя остальные 228 страниц ее оказались в полной сохранности. Открывается она небольшой повестью «На Земле. Из записок марсианца».

...На Землю прибывает марсианец. Его задача — выяснить: разумны ли земляне? Марсианские ученые сомневаются в этом, так как жители Земли поклоняются желтым кружкам и разрисованным бумажкам, устраивают массовые побоища — словом, ведут себя отнюдь не так, как подобало бы сапиенсам.

Оказавшись на Земле, марсианец с грустью убеждается в абсурдности общества, в котором «сограждане оцениваются обратно пропорционально получаемой пользе», общества, где «справедливость — собственная выгода, свобода — право делать мерзости и насилие, добродетель — средство обмануть или выпросить». Он посещает ученых — те не верят, что он прилетел с другой планеты; добивается приема у чиновников — вплоть до министра — и тоже безрезультатно; его откровения не по нраву продажным буржуазным журналистам. В конце концов он гибнет от пули военного патруля...

Таково вкратце содержание этой любопытной повести, автора которой мне очень хотелось бы узнать. Но в работах, посвященных дореволюционной русской фантастике, я не нашел упоминаний о каком-либо неизвестном мне произведении, которое можно было бы «привязать» вот к этой книжке. Может быть, ваш журнал (не часто, но все же обращающийся к истокам нашей НФ) поможет мне?

И. ГЕОРГИЕВ,
Свердловск

От редакции. Возможно, кто-нибудь из наших читателей более сведущ и сумеет сообщить нам имя автора этой действительно любопытной книги, а также и ее выходные данные — место и год издания!

ЗА ЧТО УВОЛИЛИ ПОЭТЕССУ

**Леонид
ОСИНЦЕВ**

Не часто привлекают внимание стихотворения, напечатанные в провинциальных газетах. Чаше всего — это проба пера, проба голоса. Однако нет мякины без зерна. Прочитаешь иное — и задумаешься.

В шадринской газете «Исеть», которая начала выходить в 1913 году, сразу стали появляться проникновенные и грустные стихотворения Елизаветы Виноградской. В стихах — думы о событиях в России, скорбь о жертвах монархии.

Вижу я нивы забытые,
труд непосильный
и фабрики дымные,
где убивается сила и жизнь...

Елизавета Васильевна Виноградова родилась 14 августа 1870 года в городе Кургане, в семье отставного военного. Получила домашнее образование. В Шадринск приехала десятилетней девочкой. Печаталась в уральских газетах с 1891 года.

Судя по стихам, это была начитанная, интеллигентная, с тонким мировосприятием женщина.

Лирический герой стихов Виноградской не призывает к оружию, он не похож на рылеевского — мятежного, решительного, зовущего. Скорее всего, это надсоновский герой, надломленный. В то же время в стихах мы найдем светлое, благородное отношение к героизму революционеров, преклонение перед ними.

Настроение автора хорошо характеризует стихотворение «На концерте»:

Вокруг меня все лица молодые,
Веселый смех порою прозвучит.
А мне — мне грезятся всё камерные

И выюгою тайга назойливо шумит...
Огнями, зеленью разубрана вся зала,
А на душе тоскливо и темно,
Звучат слова приветного хорала,
А им в ответ томление одно.
И отчего оно — сама еще не знаю;
И клонится устало голова.
Томит меня тоска, томит не отставая,
И грезится суровая тюрьма.

Публикуя стихи Виноградской, газета «Исеть» проявляла определенное мужество, по возможности старалась завуалировать их от глаз цензуры. Так, стихотворение в прозе «Вечером» было помещено под рубрикой «Маленький фельетон». В стихотворении «На новый год» есть такие слова:

За тех, кто, изведавши участь
изгнания,

Позорные пытки тюрьмы,
В безумии горя, в порыве страданья
Оставил печальные сени земли.
За тех, кто в декабрьские ночи
Сомкнул истомленные очи,
За тех, кто в неравном бою
Истратил всю гордую силу свою,—
Бокал высоко поднимаю и пью!

За эти строки «Исеть» была оштрафована на 500 рублей.

По распоряжению губернатора Е. В. Виноградову уволили с работы — из шадринской публичной земской библиотеки.

Правда, через некоторое время власти смиростивились. 9 февраля 1914 года «Исеть» сообщила: «По вторичному ходатайству помощницы заведующей Шадринской библиотекой Е. В. Виноградской г. губернатор подтвердил свое разрешение на обратный прием ее на прежнюю службу».

Но более читатели не увидели стихов Виноградской в печати — так дорого обошлось ей приветствие революционерам.

В анкете, предложенной известным уральским краеведом В. П. Бирюковым, Е. В. Виноградова написала, что печаталась в прессе с 1891 года. Но в Шадринске газета впервые появилась только в 1913 году. Значит, она печаталась довольно продолжительное время в других уральских и сибирских газетах? Таким образом, поиск печатных материалов провинциальной поэтессы можно продолжить.

Первые тропы

Минуло пятьдесят лет со дня первой в истории киноэкспедиции по Уссурийской тайге, руководимой А. А. Литвиновым. Большое участие в подготовке экспедиции принимал В. К. Арсеньев. Проводником группы был Сунцай Геонка — человек, заменивший В. К. Арсеньеву Дерсу Узала.

После этого кинопохода появились две ленты — «Лесные люди» и «В делях Уссурийского края».

— Я не ожидал таких результатов. Ваш труд превзошел все мои предположения, — сказал В. К. Арсеньев, посмотрев фильм «Лесные люди».

Двадцать месяцев — в 1929 и 1930 годах — провел А. А. Литвинов с экспедицией на Камчатке.

В 1936 году А. Литвинов создал художественный фильм «Девушка с Камчатки». Героиня фильма — одна из первых камчадалок, получивших на Большой земле высшее образование.

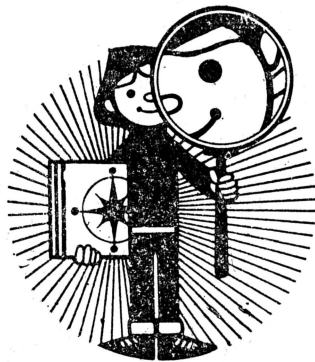
А. А. Литвинов автор фильмов «Олень всадники», «Оживший полуостров», «Племя, заблудившееся в веках», «Хижина старого Лувена», «Джоу», «Предки подождут» и многих других.

Заслуженный деятель искусств РСФСР Александр Аркадьевич Литвинов немного не дожил до своего 80-летия. Он умер в 1978 году. Сколько же он проработал в кинематографе, если еще в 1918 году по его сценарию режиссер Яков Протазанов поставил фильм «Член правительства»!

А. А. Литвинов был участником съемок на IV конгрессе Коминтерна в 1922 году. Он видел и снимал В. И. Ленина.

На снимке: А. А. Литвинов (крайний слева) и М. М. Пришвин (второй слева) во время работы киноэкспедиции на Дальнем Востоке.

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

М И Р

НА ЛАДОНИ

Подарок маршала

— Сколько на твоих чойбалсановских?

С таким вопросом нередко обращаются товарищи к С. Д. Язвину, шоферу комбината бытового обслуживания поселка Красное-на-Волге, когда требуется узнать точное время. Часы Сергея Дмитриевича — вроде эталона: ни разу не подводили хозяина за сорок лет службы. Впрочем, знамениты они не только надежностью хода. Весь поселок знает, что часы эти подарил Язвину маршал Чойбалсан.

В 1938 году перед на-

чалом военных действий на Халхин-Голе состоялся смотр советской боевой техники. Механиком-водителем танка БТ-5 был старшина Сергей Язвин. За отличную боевую подготовку маршал Чойбалсан вручил каждому члену экипажа именные часы.

С ними прошел Язвин бои на Халхин-Голе, освобождал западную Белоруссию, участвовал в финской кампании, на фронтах Великой Отечественной войны довелось поводить и танкистом, и минометчиком, и шофером на знаменитой «дороге жизни» через Ладогу. И до сих пор чойбалсановские часы исправно ходят.

Виталий ПАШИН

Бирюковские чтения

Уральские краеведы чтут память своего старейшины — Владимира Павловича Бирюкова. В Челябинске регулярно проводятся всеуральские Бирюковские чтения. Нынче они будут юбилейные: пятые по счету, посвященные 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Они будут и самые представительные. Более 200 краеведов и ученых из Свердловска, Перми, Воронежа, Платы, Челябинска, Кирова и других городов страны примут в них участие.

«В. П. Бирюков — собиратель и пропагандист Ленинианы», «Уральская библиография В. И. Ленина», «Уральская художественная Лениниана», «Пушкин и Башкирия», «Чайковский на Урале», «Новое о полярнике В. Алябьева» — эти и десятки других докладов и сообщений представлены на нынешних Бирюковских чтениях.

Василий ПЕТРОВ

ЭВМ на ферме

Надой молока, время отела коровы, итоги контрольной дойки, прививки — много разных сведений о каждой из двух тысяч коров хранит ЭВМ, действующая на Сосенском животноводческом комплексе «Коммунарка-2000» в Подмосковье. Эта фабрика молока — одна из самых механизированных и автоматизированных в стране. Здесь исключен ручной труд на дойке: на одной установке «Юнилактор» два оператора за смену выдают 500 коров, полностью автоматизированы раздача кормов и удаление навоза.

Александр ВАСИЛЬЕВ

Назад

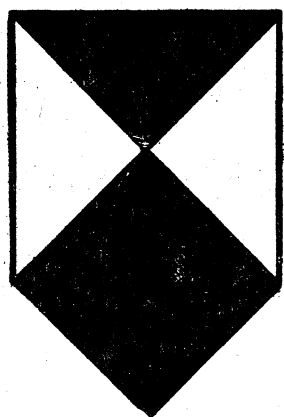
к парусному флоту

Парусный флот в эру атомной энергетики — не архаизм. Так считают ученые Николаевского кораблестроительного института.

В бассейне Черного моря только экскурсионные и круизные суда ежегодно сжигают четверть миллиона тонн жидкого топлива, загрязняя морской воздух отработанными га-

зами. Экономически и экологически целесообразно в ближайшее десятилетие перевести на энергию ветра значительную часть прогулочного, а со временем и транспортного флота.

По заданию Главного управления речного флота Украины разрабатывается многоместный парусник-ветроход.

Знак охраны

ПАМЯТНИКОВ

ЮНЕСКО — учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры — утвердило международный знак охраны исторических памятников. Такой знак должен устанавливаться на всех зданиях и объектах, которые представляют историческую ценность и объявлены памятниками архитектуры.

На снимке: Международный знак охраны исторических памятников.

Яблони у коксовых печей

Весной на Московском коксогазовом заводе белым-бело от цветения яблоня, а осенью коксовики, аммиачники собирают румяную «антоновку». Завод первым в Советском Союзе разработал и внедрил технологию бездымной загрузки коксовых печей. Сероочистка тоже стала безопасной для природы. И на заводе исчезли такие профессии, как люковой, смоловод, известковщик. Зато здесь появились садовники и цветоводы.

«Мельник»-долгожитель

В январские дни 1779 года в Москве состоялась премьера комической оперы Александра Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват». 22 спектакля подряд на московской сцене и потом 27 — в Петербурге! Такого успеха не знал в XVIII веке даже «Недоросль» Фонвизина.

Чем же привлек русскую публику аблесимовский «Мельник»? Прежде всего своей народностью. Это была первая пьеса, в которой весьма реально изображался быт крестьянина, слышалась живая русская речь, народные песни...

•Автор оперы родился и провел свое дет-

во в деревеньке близ Галича, в семье мелкопоместного служилого дворянина. Страсть к драматическому творчеству появилась у Аблесимова после знакомства с театром Федора Волкова — своего земляка, а укрепилась в период работы секретарем у писателя и театрального деятеля А. П. Сумарокова. Все это помогло ему создать произведение, «столь любимое нашими дедами и еще теперь не потерявшее своего достоинства», — как выразился об опере «Мельник...» В. Г. Белинский.

Постановка комической оперы А. Аблесимова неоднократно возобновлялась в XIX и XX веках.

Павел ВИКТОРОВ

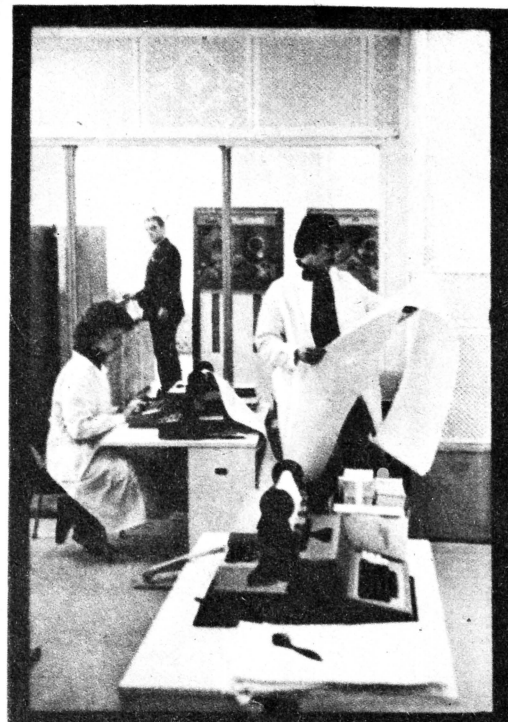
По декрету Ленина

60 лет назад, в октябре 1920 года, по декрету, подписанному В. И. Лениным, в Екатеринбурге (ныне Свердловск) был образован Уральский государственный университет.

Уральский университет имени А. М. Горького дал жизнь многим вузам, отпочковавшим от него. Сейчас в Свердловске 15 высших учебных заведений. Среди них и один из крупнейших в стране Уральский политехнический институт имени С. М. Кирова, и самый молодой, пока первый в стране инженерно-педагогический институт, который готовит преподавателей для профессионально-технических училищ...

На снимках:

1. Идет сессия...
2. В университетской библиотеке.
3. В вычислительном центре университета.
4. Студенты из Монгольской Народной Республики на занятиях.

ЧИТАЙТЕ В 1981 ГОДУ

Февраль 1930 года. В конторке Уралмашстроя проходит комсомольское собрание. Выступает комсорг Павел Солянин:

— Ребята, собрание сегодня посвятим одному: борьбе с бескультурьем и грязью в бараках. Этот вопрос настолько назрел, что дальше некуда. Как нарыв на теле стройки. Устранить его должны мы, комсомольцы. К этому призывает нас решение Пленума ЦК комсомола по докладу нашей областной организации. Что будем делать?

Вот тогда и была создана на Уралмашстрое коммуна — не только бытовая, а и производственная. Просуществовала она до 1936 года. Многие коммунары живы и поныне. О них, об уралмашевской коммуне, написал Аркадий Бусыгин. «Уральский следопыт» напечатает этот очерк в одном из первых номеров 1981 года.

1918 год. Унаследованный Советской властью от царизма рубль стоил не более пяти копеек. Пришлось вводить в обращение денежные суррогаты — купоны, бонусы, закладные листы, знаки... Деньги наводнили страну. Люди, бедные и голодные, стали миллиардерами — мешок денег отдавали за мешок... картошки.

Как крепнул советский рубль, как он набирал силу, как восстанавливалась после разрухи страна — об этом рассказывает «История советского рубля» — статья И. А. Иванова.

Есть старинная русская загадка: «Шуринов племянник — какая зятю родня?» Шуточный этот вопрос, как правило, заводит современного человека в тупик. И не потому, что для ответа требуется особая изворотливость ума, а потому, что далеко не каждый в наши дни может разобраться в родственных связях. Свекровь, ятровь, брат, сват, деверь, золовка, свояченица... — кто это, в каком они родстве, кто кому кем приходится? «Уральский следопыт» напечатает в будущем году статью Марии Рут, которая так и называется — «Кто кому кем приходится».

В статье «Свершения и замыслы», написанной к столетию со дня рождения А. В. Луначарского, Ирина Луначарская рассказывает, что ее отчим «был жаден до новых впечатлений, легок на подъем, мог отправиться, пойти по любому поводу в любой край страны...» Трижды А. В. Луначарский был в Свердловске. Об этих страницах биографии соратника В. И. Ленина, первого наркома просвещения журнал расскажет в документальном, основанном на архивных данных, очерке Якова Тубина.

В 1981 году в «Уральском следопыте», как всегда, широко будут представлены краеведческие материалы под традиционными журнальными рубриками — «Юность отцов», «Давным-давно», «По белу свету», «Рукомясла», «Краеведческая копилка»...

